

А. А. Соловьёв

ПОЛОЦКИЙ
ИЕЗУИТСКИЙ
КОЛЛЕГИУМ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ
(1581—1914)

АРХИТЕКТУРНО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Полоцкое
книжное издательство
2012

УДК [726+902/904]:27-788-523(476.5-21Полоцк)
ББК 85.113(4Бел)
С60

Рецензент: доктор исторических наук Д. В. Дук

Соловьёв, А. А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581—1914) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв.— Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012.— 97 с. : ил., XII с. цв. ил.

ISBN 978-985-6936-40-4

Настоящая книга белорусского историка Александра Соловьёва представляет собой археолого-архитектурное исследование ансамбля зданий Полоцкого иезуитского коллегиума. Автор впервые в историографии комплексно представил результаты натурного изучения сохранившихся корпусов, а также опыт изучения богатейших коллекций находок, собранных за годы археологического надзора не только на территории коллегиума, но и непосредственно в корпусах зданий. Хронологические рамки книги охватывают период с 1581 по 1914 г. Используя материалы преимущественно собственных археологических исследований, доступных письменных и изобразительных источников, А. Соловьёв убедительно показал значение всех проведённых реконструкций комплекса иезуитского коллегиума, в том числе применительно к новым историческим реалиям 1820—1914 гг.

УДК[726+902/904]:27-788-523(476.5-21Полоцк)
ББК 85.113(4Бел)

ISBN 978-985-6936-40-4

© Соловьёв А. А., 2012
© Оформление. ООО «Полоцкое книжное издательство», 2012

OMNIA MUTANTUR, NIHIL INTERIT¹

Значение полоцкого иезуитского коллегиума в истории древнейшего города Беларуси трудно переоценить. Благодаря деятельности иезуитов Полоцк в XVI—XVIII вв. являлся крупнейшим образовательным и культурным центром на территории Беларуси. В данный исторический период политическая роль Полоцка в Великом княжестве Литовском неуклонно снижалась, однако к концу XVIII в. Полоцк вновь обрёл статус мощного, экономически и культурно развитого регионально-го центра благодаря развитию ремёсел, торговли, а также деятельности многочисленных католических орденов и православного братства. Полоцкий иезуитский коллегиум являлся сосредоточием деятельности отечественных и европейских научных талантов, здесь развивались фундаментальные науки и искусства.

В XVIII в. комплекс задний коллегиума вместе с собором святого Стефана становится архитектурной доминантой Полоцка. В 1812 г. в Полоцке была основана иезуитская академия с правами университета — первое на территории Беларуси высшее учебное заведение. После закрытия академии в 1820 г. комплекс зданий коллегиума использовался в различных целях, но его мощный образовательный потенциал был востребован вплоть до Первой мировой войны.

Несколько слов об авторе.

В самом начале 2000-х гг. Александр Соловьёв был известен как коллекционер полоцких древностей. Важным этапом в судьбе будущего исследователя стала учёба на историко-филологическом факультете Полоцкого государственного университета по специальности «История». Получив диплом, Александр Соловьёв начал работу в качестве научного сотрудника Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Свою многочисленную коллекцию полоцких древностей он передал в фонды музея-заповедника. Теперь он продолжает совершать открытия уже в статусе профессионального археолога, получившего разрешение на проведение археологических исследований в Институте истории Национальной академии

наук Беларуси. С 2004 г. археолог приступил к активному изучению корпусов бывшего иезуитского коллегиума, в которых тогда начинались широкомасштабные восстановительные и ремонтные работы.

Автором проделана колоссальная работа, которая, безусловно, заслуживает публикации в виде монографического исследования. В качестве одного из важных этапов становления Александра Соловьёва как талантливого исследователя стала защита магистерской диссертации в Полоцком государственном университете (2011 г.). Материалы диссертации легли в основу данной книги, что является безусловным примером успешного творческого роста молодого исследователя.

Перед Александром Соловьёвым были поставлены непростые задачи, главная из них — это определение хронологии застройки уникального комплекса иезуитского коллегиума. Не будет преувеличением сказать, что такая задача порой непосильна для целого коллектива исследователей, тем более для молодого специалиста. Но эта задача Александром Соловьёвым была успешно решена.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1581 до 1914 гг. Фактически перед читателем открывается панорама развития архитектурного комплекса коллегиума после закрытия полоцкой академии и изгнания иезуитов из Полоцка (1820 г.). Автор, используя материалы преимущественно собственных археологических исследований, убедительно показал значение всех проведённых реконструкций комплекса иезуитского коллегиума, в том числе применительно к новым историческим реалиям 1820—1914 гг., а это уже совершенно новаторский подход в отечественной археологии.

Предъявленная суду читателей монография Александра Соловьёва являет собой археолого-архитектурное исследование ансамбля зданий полоцкого иезуитского коллегиума. Автор впервые в историографии комплексно представил результаты натурного изучения сохранившихся корпусов, а так же опыт изучения богатейших коллекций археологических находок, собранных за годы

¹ Omnia mutantur, nihil interit (лат.) — всё меняется, ничего не исчезает (Овидий).

археологического надзора не только на территории коллегиума, но и непосредственно в корпусах зданий. Исследование построено на основе анализа имеющихся и доступных письменных, изобразительных и археологических источников по возникновению, строительству и перестройкам архитектурного комплекса иезуитского коллегиума на протяжении нескольких столетий.

Уверен, что данная работа будет широко востребована, учитывая значительные масштабы реставрационных работ, которые проводятся на ряде памятников истории и культуры древнейших городов Беларуси, в том числе и зданий бывшего коллегиума в Полоцке. Не случайно именно в отреставрированных стенах древнего здания в 2005 году

расположился историко-филологический факультет Полоцкого государственного университета, а значит, традиция высокого образования на полоцкой земле продолжает развиваться и поныне.

Не могу ещё раз не отметить, что ретроспективное историко-археологическое исследование отдельного архитектурного комплекса в отечественной историографии представлено впервые. Опыт и результаты проделанной работы позволят современникам глубже и полнее оценить богатое материальное наследие его создателей. Данное исследование необходимо для дальнейшего изучения комплекса зданий полоцкого иезуитского коллегиума, в том числе и для возрождения утраченных архитектурных шедевров.

**Кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой
отечественной и всеобщей истории**

УО «Полоцкий государственный университет»

Д. В. Дук

ВВЕДЕНИЕ

Полоцкий иезуитский коллегиум — крупнейший архитектурный ансамбль исторического центра города. Возведённый иезуитами в конце XVI в., он воплотил в себе лучшие достижения архитектурно-строительной мысли своего времени. Археологические материалы позволяют проследить все этапы развития территории, на которой был построен коллегиум: от деревянной укреплённой усадьбы на древней торговой площади до грандиозного ансамбля корпусов академии ордена иезуитов, ставшей «городом в городе». Созданная adeptами ордена материальная база и грамотно организованное жизненное пространство способствовали раскрытию и развитию талантов воспитанников коллегиума, а затем и академии. Корпуса зданий коллегиума, их фасады, устройство, интерьеры были эффективной рекламой католической церкви, они стали своеобразной витриной достижений европейской культуры для православного и протестантского населения Полоцка, средством привлечения молодёжи, желавшей получить европейское образование, в лоно католической церкви.

Размещение кадетского корпуса в стенах коллегиума иезуитов наложило неизгладимый отпечаток на весь архитектурный ансамбль. В результате реконструкций и модернизации зданий в начале XX в. были утрачены многие уникальные модели первоначальных конструкций, инженерных систем, элементы фасадов и интерьеров. Вместе с тем в результате данных перестроек сформировались не менее уникальные исторические наслонения, включившие в себя материалы и технологии XIX — начала XX в. Их изучение позволит понять формирование архитектурного облика коллегиума, каким мы его знали до 2003 г.

Несмотря на то, что архитектурный ансамбль коллегиума находится в историческом центре города Полоцка, этот памятник долгое время оставался практически неизученным. В начале XX в. преподавателями Полоцкого кадетского корпуса А. К. Морелем и В. П. Викентьевым было сделано его краткое описание. Обследование зданий проводилось и в 20-е и 30-е гг. XX в. После этого, в связи с изменениями в идеологии и направлен-

ности исторических исследований, до конца 80-х годов натурное изучение этого памятника архитектуры практически не велось, что во многом было обусловлено размещением в нём военного госпиталя. Однако именно это обстоятельство и спасло здания от полного уничтожения в 60—80 гг. XX в., когда на протяжении 2-х десятков лет было снесено порядка 60 % всего ансамбля.

Статьи Т. В. Габрус, Е. Д. Квитницкой, Ю. М. Чантурии, посвященные полоцкому коллегиуму, касались в основном градостроительной роли его архитектурного ансамбля, функционально-планировочной структуры, архитектурно-стилистических особенностей, художественной ценности. Приводя сведения о профессорах и преподавателях коллегиума, они упоминают имена многих известных архитекторов и строителей, преподававших в коллегиуме и участвовавших в его строительстве и модернизации, проведённой в последней четверти XVIII — 2-м десятилетии XIX вв. Из них наиболее широко известен профессор архитектуры и математики Габриель Грубер (1740—1805), создавший музей и лабораторию. Менее знакомы широкой публике имена Габриеля Ленкевича (1722—1798), профессора архитектуры Франциска Каре (1731—1802), участника строительства костёла под руководством Габриеля Ленкевича. Мало сведений сохранилось о руководителе строительства костёла в 1733—1735 гг. Казимире Матялковском (1671—1740), каменщике Бенедикте Мезере (1712—1757), который в 1735—1738 гг. закладывал фундамент и стены костёла, столяре и каменщике Антонио Лазуровиче (1710—1749), в 1745 г. создававшем башни, оконные рамы и убранство костёла, руководителе строительства корпусов в 1747—1749 гг. Якубе Руоффе (1685—1750) и Григории Шилле (1625—1700), последний строил деревянные здания «скромного коллегиума»¹. Некоторые данные, касающиеся непосредственно устройства корпусов

¹ Сведения об архитекторах-иезуитах взяты автором из статьи: В. В. Глиник. Да гісторыі будаўнічай актыўнасці полацкіх іезуітаў у фальварку Спас // Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі.— Полоцк: НПКМЗ, 2003. С. 64—73.

коллегиума были собраны в архивах искусствоведов О. Кукуней и В. Соболев.

Далеко не всегда имеется возможность атрибутировать корпуса коллегиума и известные по архивным материалам реконструкции зданий, выявить замысел их авторов и проследить ход его осуществления. Причина этого — почти полное отсутствие изобразительных и графических источников и данных натурных и архитектурно-археологических исследований. Ограниченные натурные исследования корпусов коллегиума вёл В. В. Глинник, археологический надзор за земляными работами проводился археологом П. А. Русовым в 1996 г., небольшие раскопы и шурфы на территории бывшего коллегиума были так же заложены археологом Д. В. Дуком в 1999—2003 гг. До 2003 г. возможность археологических исследований была ограничена тем, что с 1927 по 1941 и с 1944 по 2003 г. в зданиях бывшего коллегиума находился военный госпиталь. Ситуация коренным образом изменилась с началом приспособления корпусов под учебные нужды Полоцкого государственного университета и связанной с этим модернизацией. С 2004 г. исследования начали производиться сотрудниками НРО НПИКМЗ С. Е. Глазыриным и А. А. Соловьёвым. Со стороны ПГУ археологический надзор вёл Д. В. Дук.

При изучении коллегиума были собраны богатейшие коллекции строительных материалов: кирпича, изразцов, черепицы, металлических деталей, оконного стекла. В ходе исследований были уточнены планировки существующих корпусов, выявлены различные ранее неизвестные перестройки. Были так же изучены остатки «тёплых полов», найден и расчищен камин. Исключительный интерес представляют фрагменты фресок в бывшей библиотеке и остатки кирпичных стропильных ферм на чердаке бывшей кухни. В составе некоторых корпусов были выявлены или более детально изучены остатки построек, возведенных до строительства существующего ныне ансамбля. Так же был частично исследован рельеф территории, на которой иезуиты начинали строительство кол-

легиума, были зафиксированы и некоторые тоннели «легендарной» дренажной системы.

Добытый археологический материал позволяет провести графические реконструкции первоначального облика фасадов и интерьеров некоторых помещений, первоначальной внутренней планировки зданий и ее изменения при перестройках, проведенных иезуитами. Таким образом, возникает необходимость пересмотра или дополнения многих сведений о коллегиуме, опубликованных ранее в научной и научно-популярной литературе.

Целью данной работы является изучение условий возникновения и прослеживание основных этапов формирования ансамбля полоцкого коллегиума, реконструкция фасадов, планировки и интерьеров его зданий.

Предметом исследования является архитектурный ансамбль коллегиума (как сохранившиеся, так и утраченные здания), его планировка и конструктивные особенности, стратиграфия культурного слоя.

В основу книги положена магистерская диссертация автора, защищённая в феврале 2011 г. в Полоцком государственном университете. Её текст, с учётом археологических находок, сделанных после защиты диссертации, был исправлен и существенно дополнен материалами о перестройке архитектурного ансамбля коллегиума в 30-х годах XIX — нач. XX в.

Данная работа не является исчерпывающим исследованием по архитектуре и устройству коллегиума, поскольку, несмотря на огромный информационный потенциал археологических исследований, не прекращающихся и по сей день, последние не могут полностью заменить недостающих графических и изобразительных источников — планов, чертежей, рисунков, фотографий. Многие выводы и реконструкции остаются на уровне гипотез, требующих уточнения и дальнейшей более глубокой разработки. Вместе с тем, данная работа показывает уникальность зданий полоцкого коллегиума и открывает неизвестные страницы истории этого архитектурного ансамбля.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ ЗАСТРОЙКИ, ПЛАНИРОВКИ И УСТРОЙСТВА КОЛЛЕГИУМА

Первые попытки изучения полоцкого иезуитского коллегиума были предприняты в XIX — начале XX в., но касались они в основном его учебной деятельности. История формирования его архитектурного ансамбля затрагивалась вскользь.

Так, некоторые сведения по истории, архитектуре и устройству зданий коллегиума приводятся в книгах А. П. Сапунова «Витебская старина», изданных в 1885—1888 гг. Основой для них стали переводные труды иезуитского историка Станислава Ростовского «Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum» (История литовских иезуитов), «Historiya szkol w Koronie i W. Ks. Litewskim, pr. Jozefa Lukaszewieza», «Notatka o akademii i szkolach jezuitow w Polocku». Их фрагменты приведены в научно популярном издании «Иезуиты в Полоцке» [24].

Некоторые сведения о формировании и устройстве комплекса зданий коллегиума приводятся в книге «История города Полотска и возникновения здания Полотского кадетского корпуса». Она была написана преподавателем полоцкого кадетского корпуса А. К. Морелем, и издана в 1907 г. Позднее эти сведения были частично повторены в книге В. П. Викентьева «Полотский кадетский корпус», издана в 1910 г. [6].

Так, например, В. П. Викентьев пишет, что до 1667 г. коллегиум первоначально располагался в другом месте. Только после войны 1654—1667 гг. иезуиты получили от Яна Казимира земельные участки, «на которых в настоящее время (т.е. в 1910 г.— А. С.) расположены здания кадетского корпуса». При этом он называет территорию, часть которой принадлежала православному кладбищу, а часть — кальвинскому собору. Длительное время, благодаря приведенным В. П. Викентьевым сведениям, считалось, что до середины XVIII в. коллегиум был полностью деревянным и единственным каменным зданием был дом, оставшийся от кальвинистов. Датой начала строительства нынешних корпусов он называет 1750 г. Строительству предшествовал пожар, уничтоживший деревянный коллегиум и часть города. Викентьев

первым вскользь упоминает о существовании подземных коммуникаций и «тёплых полов» в помещениях коллегиума, как о занимательных архитектурных элементах, заслуживающих внимания. Сообщая достопримечательности о других корпусах коллегиума, он называет среди прочего и время их постройки. Вместе с тем приводимые В. П. Викентьевым сведения порой сложно привязать к конкретным зданиям и помещениям коллегиума, учитывая их перестройки, произведенные за время существования кадетского корпуса. И хотя эти сведения были извлечены из официальных документов, которых, по словам В. П. Викентьева, было «просмотрено более 60 тысяч» (!), на проверку они оказались крайне скудны и противоречивы, но именно им суждено было стать отправной точкой для многих последующих исследователей архитектурного ансамбля коллегиума.

Интересная информация о поисках в 1920 г. подземного хода полоцкого коллегиума содержится в рукописи И. П. Дейниса «Полоцк в XX веке. 1905—1967 гг.». Фрагмент этой рукописи опубликован в историко-литературном журнале «Полоцкий летописец» (№ 1, 1992). Описание хода отличается подробностью и хорошей привязкой к местности. И. П. Дейнисом даются сведения о подземном тайнике, обнаруженном в толще северной стены собора, им же приводятся данные о галерее, найденной немцами в подпорной стене, ограждающей коллегиум с юга. Там же опубликованы не менее подробные описания М. С. Андреева о поисках в 1926—1927 гг. подземного хода под Двиной и составленное им описание подвала собора. Авторы этих материалов обнаружили какие-то подземные коммуникации под бывшим костёлом, с его южной стороны. Ходы вели в сторону Двины, а на берегу были завалены. Эти сведения особенно ценны для нас тем, что в настоящее время собора уже не существует. В этом же номере журнала помещены рассказы местных жителей и сообщение о виденных лично Л. Ф. Данько заложённых проёмах в подвальных стенах дома № 25 по ул. Ленина (теперь Нижне-Покровская) [47].

В книге «Полацкая даўніна», изданной по рукописи И. П. Дейниса, были приведены сведения о конструкции фундаментов корпуса, где при иезуитах были театр и типография. Здание построено в 1778 г. Основой его фундамента были столбы со сводами (арками), но подвалов здание не имело [18]. В книге имеются сведения о подземельях собора, обнаруженных после его разрушения.

Статья Т. В. Габрусь в книге «Мураванья харалы» [7] и работа Е. Д. Квитницкой в сборнике «Страчаная спадчына» [8; 25] во многом основаны на сведениях А. К. Мореля и В. П. Викентьева. В этих исследованиях раскрывается преимущественно градобразующая роль комплекса зданий коллегиума в структуре Полоцка, его архитектурно-стилистические особенности.

Материал Т. В. Габрусь во 2-м томе издания «Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце» [2], изданном в 2006 г., содержит краткие сведения о некоторых архитекторах-иезуитах, участвовавших в строительстве коллегиума. Основой для исследования стали преимущественно результаты архивных поисков и визуального осмотра зданий.

В монографии Ю. В. Чантурии «Градостроительное искусство Беларуси 2-й половины XVI — 1-й половины XIX в.: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм», исследуется роль комплекса коллегиума в формировании сакральной топографии города конца XVI — начала XVIII в. [70], его взаимосвязь с укреплениями Верхнего и Нижнего замков. Данное исследование основано только на анализе плана Полоцка 1707 года. (Алесь Белый датировал его 1720 г. [4]), где коллегиум изображён крайне схематично. Изучая коллегиум, построенный во 2-й половине XVIII в., он исследовал его роль в формировании ансамбля главной городской площади на протяжении 2-х столетий. Но недостаток сведений о первоначальном облике некоторых корпусов и крыши коллегиума не позволил ему сделать реконструкции для различных исторических периодов. Исследование построено по итогам архивных разысканий и визуального изучения зданий.

В иностранной литературе, посвященной Полоцкому коллегиуму, большой интерес представляют материалы иезуита Ежи Пашенды², изучавшего архитектуру коллеги-

умов Великого княжества Литовского. Статья «Wpływ pogarów Wilna na architecture roznego baroku» содержит интересные сведения об уникальной кирпичной стропильной системе крыши костёла св. Стефана в Полоцке [75]. Более подобного материала пока обнаружить не удалось. Изданная им энциклопедия «Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy, 1564—1995» [74] содержит ряд сведений о времени возведения отдельных построек коллегиума. В статье «Połock» им приводятся сведения о первой каменной постройке коллегиума, возведённой после 1682 г., Ежи Пашенда называет её «murowana część biblioteczna». Там также есть описания трапезной и библиотеки, указаны даты многих пожаров, после которых производились перестройки коллегиума [74].

В статье А. Baranowski «Urbanistyka Połocku w okresie baroku», на которую ссылается Д. В. Дук, указывается расположение кальвинского сбора на противоположной коллегиуму стороне площади. После войны 1654—1667 гг. на его месте был построен иезуитами костёл. На месте коллегиума, который расположен там же, где и сейчас, были дома мещан. Коллегиум, который иезуиты построили на месте сгоревшего костёла, назывался ими «скромным», при нём так же был фарный (т.е. приходской. — А. С.) костел [16].

Научно-популярное издание «Иезуиты в Полоцке» (в 2-х ч.), вышедшее в серии «Наследие Полоцкой земли», представило наиболее интересные материалы о коллегиуме, большинство из которых относится к истории учебного заведения и его учебной деятельности. Там же впервые был поднят вопрос о необходимости натурального изучения корпусов коллегиума и его подземных коммуникаций [23; 24].

В источниках приводятся различные даты строительства зданий. Так, например, начало строительства костёла в одних источниках датировано концом XVII в., в других, что более вероятно, 1-й третью XVIII: 1733, 1735, 1738 гг. [7, с. 163; 12, с. 4—5; 23, с. 14; 41, с. 9; 74, с. 525] Такая же ситуация и с корпусами, построенными в середине XVIII в.: приводятся даты начала их строительства 1747, 1749, 1750 и 1758 г. [7, с. 163; 12, с. 4—5; 23, с. 15; 41, с. 9; 74, с. 526].

Существует ряд публикаций, которые лишь косвенно могут быть отнесены к данной теме, но без них её изучение невозможно. Это прежде всего материалы и результаты исследований различных архитектурных и археологических памятников Беларуси, итоги

² Пашенда Ежи (Paszenda Jerzy, р. 28.09.1932) — член Общества Иисуса. Изучает историю строительства церквей и коллегиумов ордена иезуитов на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского.

изучения отдельных категорий археологических находок, технологий ремесленного производства и строительства XVI—XIX вв. Не имея прямого отношения к полоцкому иезуитскому коллегиуму, они позволяют лучше увидеть и понять специфику и условия работы строителей коллегиума. Опубликованные данные позволят проводить аналогии с другими памятниками, где использованы подобные инженерные решения, строительные приёмы и элементы планировки. Основываясь на них, можно датировать материалы и производить реконструкции для различных исторических периодов как планировки всего комплекса, так и отдельных его этажей, восстанавливать убранство фасадов, интерьеров, архитектурных элементов, инженерных сетей.

Статьи и монографии Н. И. Зданович посвящены изучению изразцов XVI—XIX вв. и конструкции печей, они основаны на материалах археологических раскопок, проводившихся в Полоцке. Статья «Полацкая кафля XVI—XVII стет.» (ГАЗ) [20], и книга «Беларуская паліваная кераміка XI—XVIII стет.», содержат сведения о производстве изразцов и их описание [21]. Позднее на их основе была подготовлена монография «Кафлярства ў Беларусі (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі), в которой приводятся не только данные по технологии производства изразцов, их хронологии и стилевых качествах, но и конструктивные особенности устройства печей XVI—XIX вв. [22].

Для изучения полоцких изразцовых печей можно с успехом применять материалы по другим городам Беларуси. Монография О. Н. Левко «Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии» [30] основана на материалах многолетних раскопок Витебска и Орши. Среди выявленных изразцов можно обнаружить точные аналоги полоцким материалам, что очень важно при реконструкции изделий сохранившихся фрагментарно [28].

Стекольному производству посвящены монографии Н. Н. Яницкой «Вытокі шклярбства на Беларусі» и «Гісторыя шкляннай вясёлкі». В них рассматривается технология изготовления посуды и оконного стекла халявным³ способом [72].

О строительных технологиях и производстве строительных материалов рассказывает

статья О. А. Трусова, И. М. Чернявского и А. К. Кравцевича «Архитектурно-археологическое исследование Мирского замка и городского посёлка Мир Гродненской области», написанная по итогам археологического изучения посёлка Мир и Мирского замка. Она опубликована в 1986 г. и содержит сведения о раскопанной изразцовой печи, сохранившейся на высоту одного яруса (базы), гончарного горна, описание скобяного инвентаря дверей и окон замковых построек, деталей интерьеров и фасадов замка, а также элементов благоустройства двора [68].

Книги О. А. Трусова «Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв.: Архитектурно-типологический анализ» [67]; «Старонкі мураванай кнігі. Манументальная архітэктурна эпохі феадалізма і капіталізма» [66]; «Манументальнае дойдзтва на Беларусі XI—XVII стет. (гісторыя будаўнічай тэхнікі)» [65] содержат сведения по ассортименту, хронологии и технологии производства строительных материалов, организации строительных работ, устройству некоторых узлов, а также о конструктивных особенностях инженерных коммуникаций сооружений XVI—XIX вв. Так, например, им были опубликованы уникальные проектные рисунки и фотографии печей XVII—XIX вв., реконструкции полов, разработана методика археологического изучения монументальных построек, методы датировки кладок [67].

Результаты историко-археологических исследований Берёзовского картезианского монастыря, проведённых О. Дерновичем и В. Калниным, представлены в публикации «Гісторыка-археалагічныя даследаванні бярозаўскага кляштару картузаў». Они были опубликованы в 1996 г. в сборнике «Наш край» и так же содержат интересный материал по устройству монастырских зданий. Особую ценность представляет описание устройства «тёплого пола» [14].

Весьма интересен материал, опубликованный В. В. Глинником. В ходе реставрации костёла св. Станислава им была обнаружена застеклённая рама середины XVIII в., она подробно описана в статье «Ваконная шуфляда XVIII стагоддзя», её изучение позволяет провести реконструкцию оконного заполнения коллегиума [10].

Монография Д. В. Дука «Полацк XVI—XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы і насельніцтва беларускага горада». Представляет собой первую обобщающую работу по комплексному изучению материальной культуры Полоцка,

³ Халявный способ изготовления листового стекла заключается в следующем: из стеклянного расплава выдувается заготовка цилиндрической формы — халява, которая, пока стекло находится в пластичном состоянии, разрезается вдоль стенок по направляющей, распрямляется и ей придается форма листа.

изменению топографии и планировки города в XVI—XVIII вв. Работа основана на огромном массиве литературы, она вводит в научный оборот много новых архивных, изобразительных и археологических источников. Там же представлены итоги первых археологических раскопок на территории коллегиума, произведённых Д. В. Дуком. Не меньший интерес вызывает список литературы и источников, содержащий библиографические данные малоизвестных или недоступных публикаций и архивных материалов [16].

Монография Д. В. Дука «Полацк і палачанае (IX—XVIII стст.)» содержит интересные сведения по топографии территории, где началось строительство коллегиума, им же высказано предположение, что фундамент, обнаруженный под корпусом «З», принадлежит костёлу св. Креста [15].

Приведенная выше литература, содержащая прямые или косвенные сведения о коллегиуме, позволяет сделать вывод, что информация о системе застройки, развитии планировки и устройства зданий Полоцкого иезуитского коллегиума крайне скудна и противоречива.

Самые поздние планы Полоцка составлены во время Северной войны (1700—1721) и датируются 1707 г., по способу выполнения это цветные рисунки.

Наиболее известен план Полоцка, найденный М. А. Ткачёвым. На нем довольно подробно показан коллегиум, его характерные черты, при этом костёлы и церкви нарисованы схематично. На плане отчётливо видна большая постройка с двухскатной крышей, с западной стороны возле неё расположена высокая трёхъярусная (?) башня. Форму её верха определить невозможно из-за повреждения бумаги, на которой выполнен план [70]. С восточной стороны к большому строению примыкает пристройка такой же высоты. За ней видна кровля более низкого и длинного строения, обращенного главным фасом к площади, далее оно поворачивает под прямым углом и идет параллельно большой постройке, образуя таким образом внутренний дворик коллегиума. На некотором расстоянии от восточного фасада коллегиума расположено круглое(?) здание с башенкой, вероятно костёл. Западнее главной постройки расположены 2 здания с двухскатными крышами, у них просматриваются окна и двери. Таким образом, вполне вероятно, что коллегиум зарисовывался с натуры.

План, найденный А. Белым, также фиксирует коллегиум, но там он представляет собой небольшую постройку в полтора этажа

с арочными дверями и квадратными окнами. Здание имеет двухскатную кровлю, фронтоны которой увенчаны крестами. Коллегиум изображён в перспективе и частично закрывает расположенную с западной стороны башню. Хорошо видна её полукруглая кровля с маленькой башенкой, увенчанной луковичным куполом и шпилем [4].

Алесь Белый датировал этот план 1707 г., а план Ткачёва — 1720 г. Единственное, что есть общего в изображениях коллегиума на этих планах, — это наличие и расположение высокой башни.

Подавляющее большинство поздних планов составлены во 2-й четверти XVIII — 1-й трети XIX вв. На них изображены только контуры корпусов и благоустройства территории. Планы 1778, 1788 гг. и конца XVIII в. фиксируют корпуса коллегиума довольно схематично. Несмотря на это хорошо заметно отсутствие подпорной стены коллегиума и некоторых корпусов, построенных после приезда Габриеля Груббера. План 1793 г. наиболее чёткий, вероятно, именно на нём впервые зафиксирована подпорная стена коллегиума. На нём не отмечен скат террасы, на которой стоит коллегиум, план фиксирует незавершённость строительства корпуса со службами — мастерскими коллегиума.

Наиболее подробным и точным является план коллегиума 1828 г. На плане достаточно точно показаны контуры 1-го этажа и подвалов центральных зданий, очертания корпусов, подпорная стена и часть подземных коммуникаций. Вместе с тем, обследования подвала и 1-го этажа сохранившихся корпусов показали, что очертания некоторых помещений на этом плане не соответствуют действительности.

В конце XIX — начале XX вв. ансамбль бывшего иезуитского коллегиума оказался в фокусе внимания фотографов. Одни из первых известных нам фоторабот (конец XIX в.), по которым были выполнены гравюры, принадлежат действительному члену Витебского губернского статистического комитета М. Кусцинскому. Полоцк и сюжеты из жизни кадетского корпуса снимал офицер-воспитатель полковник Никушкин. В начале XX в. в Полоцке работали фотографы Ю. Р. Бермант, Бернштейн, С. М. Прокудин-Горский.

Ряд редких снимков 50, 60-х годов XX в. был обнаружен во время работы в архивах В. В. Глинником [12].

Представляют определенный интерес фотографии изучаемого архитектурного ансамбля, которые делали в 60—70-е годы XX в. горожане. Среди них снимки А. В. Зборовского

(моего деда), выполненные до и после взрыва собора и части корпусов.

Самые ранние из фотографий обнаружены в ЦГАКФФД, они датируются 1889—1891 гг. На них изображены фасады не сохранившейся части производственного комплекса, построенного иезуитами [49, с. 35], панорама ансамбля со стороны Верхнего замка с двухэтажным флигелем с порталом проезда, бывшей аптечной лабораторией, бурсой, богадельней (позднее разрушенной) [49, с. 18]. Так же интерес представляет фотография певчих на фоне южной стены собора в окне за их спинами видна деревянная рама с мелким оконным переплётом — одна из немногих уцелевших после реконструкции коллегиума под кадетский корпус [48, с. 255; 49, с. 29]. Единственная в своем роде фотография ул. Стрелецкой: справа стены бывших иезуитских конюшен до разрушения, хорошо видно насколько ниже была дневная поверхность улицы перед ними [48, с. 123].

В коллекции НПИКМЗ находятся десятки снимков, которые были изучены и описаны Ю. И. Тисленко в статье «Обзор коллекции открыток первой четверти XX века с видами г. Полоцка (из фондов НПИКМЗ)» [63].

Было установлено, что в Полоцке в выпуском открыток занимались владельцы книжных, писчебумажных магазинов. Известны имена трех издателей: Ш. Гофеншефера, Л. А. Рафайловича, М. М. Лившица. Этими издателями было выпущено около двух десятков небольших серий открыток.

Из других издателей следует отметить крупного российского предпринимателя А. С. Суворина. Его компания была известна как книгоиздательская, но выпускала и почтовые открытки многих городов России. Фирмой было приобретено право размещения своих киосков на всех железнодорожных вокзалах империи, где и продавались открытки.

Большой интерес представляет собой серия открыток «Из воспоминаний о Полоцком кадетском корпусе», издававшаяся в Санкт-Петербурге, по снимкам упомянутого выше полковника Никушкина, а собственно выпуск открыток осуществлял Санкт-Петербургский отдел «Общества взаимопомощи полочан» и «Товарищество Р. Голике и А. Вильборга». Фотографии были сделаны до 1910 г., частично они вошли в книги А. К. Мореля и В. П. Викентьева, посвященные кадетскому корпусу [6]. На них зафиксированы здания и помещения до их модернизации, начавшейся после 1910 и продолжавшейся до 1914 г.

Так, на них зафиксированы фасады [49, с. 17] двор и старые ворота [23, с. 15]. Инте-

рьеры внутренних помещений представлены фотографиями 1903 г.: это гимнастические снаряды в Александровском зале (бывший иезуитский театральный корпус, 3-й этаж) хорошо отображено убранство зала, печь из белого кафеля [48, с. 255; 49, с. 40] и сводчатые залы 2-го этажа того же корпуса [49, с. 43].

В коллекции НПИКМЗ находится ряд открыток, выпущенных зарубежными издателями.

Открытки кенигсбергского издателя Фрица Краускопфа появились в то время, когда часть г. Полоцка была оккупирована войсками кайзеровской Германии. На некоторых помещена одна надпись — Polock. На лицевой стороне некоторых открыток вместо слова Polock напечатана целая фраза Gruß aus Polock («Привет из Полоцка») [63, с. 53—54].

Издатель из Берлина Георг Штильке представлен в коллекции двумя открытками одной серии. На лицевой стороне в верхнем левом углу помещено слово Polock («Полоцк») [63, с. 54].

В коллекции есть открытки неизвестно где и кем изданные. На одной из них изображен фасад здания кадетского корпуса (открытка наклеена на паспарту), на другой — его же вид со стороны р. Западной Двины.

Ещё одна статья Ю. М. Тисленко включает в себя проект каталога по старым открыткам и содержит весь перечень имеющихся материалов в фондах НПИКМЗ [64].

Сопоставление изображений города, снятых в разное время и с разных точек, позволило определить период модернизации архитектурного ансамбля Полоцкого кадетского корпуса: между 1910—1914 гг.

Прекрасную коллекцию открыток собрал Владимир Лиходедов, их репродукции представлены в ПГУ, но они относятся к 1914—1918 гг., когда в зданиях размещался госпиталь общины св. Георгия. Благодаря им стало возможным проследить изменения в фасадах и интерьерах зданий, произведённые в ходе модернизации 1910—1914 гг.

Таким образом, среди описанных выше открыток, фиксирующих состояние Полоцка на первую четверть XX в., имеется много материалов по кадетскому корпусу. Их хронологическое распределение позволило проследить значительные изменения в структуре и планировке, произошедшие с бывшим иезуитским коллегиумом между 1910 и 1918 гг.

Издательством «Беларусь» и Национальным Полоцким историко-культурным музеем-заповедником в 1987, 2000 и 2001 гг. выпускались сувенирные наборы на основе почтовых карточек начала прошлого столетия:

«Полоцк начала XX в.» [46], «Полацк на старых паштоўках» [45] и «Полацк на паштоўках пачатку XX стагоддзя» [44]. На них зафиксирован облик зданий бывшего коллегіума с разных сторон в конце XIX — начале XX в., что позволяет проследить значительные перемены в его планировке и убранстве, произошедшие за 20 лет.

Результаты натурных исследований иезуитского коллегіума представлены археологическими отчётами и историческими справками. В связи с начинавшейся в 1990-х гг. реставрацией корпусов «А», «Б», «В» (по маркировке 2003—2009 гг.) искусствоведами О. Кукуней и В. Соболев были составлены исторические справки: «Объект: историко-культурная ценность иезуитский коллегіум в г. Полоцке (Корп. «Б» и «В»). Историко-архивные и библиографические исследования» и «Объект: Памятник архитектуры XVIII в. (Корп. «А») иезуитского коллегіума в г. Полоцке). Эскизный проект, комплексные научные изыскания. Историко-архивные и библиографические исследования». Они были основаны на архивном материале — строительных отчётах по перестройке коллегіума под кадетский корпус и содержат ценнейший материал по строительным работам XIX в. Главная проблема, с которой столкнулись составители, — полное отсутствие строительных чертежей. Поэтому произведенные в XIX в. работы часто невозможно было привязать не только к конкретным помещениям, но и к этажам или корпусам [26; 27].

Архивные исследования проводились и со стороны ПГУ в 1996 г., результатом чего стал «Отчёт о научно-исследовательской работе по госбюджетной тематике: «Социокультурная, функционально-планировочная и архитектурно-художественная организация бывшего полоцкого коллегіума иезуитов» [41]. Данный отчёт содержит краткий экскурс возникновения и трансформации архитектурного ансамбля и сводную хронологическую таблицу по корпусам коллегіума.

С проводимыми историческими исследованиями было связано и введение нескольких видов маркировки зданий ансамбля, которая позволяла проводить привязку строительных работ и финансирования к конкретным сооружениям. Самая ранняя маркировка была создана ещё в 1830 г. для перестройки коллегіума под кадетский корпус и включала в себя как сам ансамбль, так и застройку площади [27, с. 14—16]. Все сооружения были отмечены латинскими заглавными буквами «А» — костёл св. Стефана (взорван); «В» — театр, музей и восточное крыло трёх-

этажного здания с подвалом (ныне разрушены); «С» — дом для пенсионеров (ксендзов) (разрушен); «D» — трапезная и библиотека; «E» — «старый коллегіум»; «F» — большая кухня; «J» — двухэтажный флигель; «K» — конюшни, склады и мастерские; «H» — аптечная лаборатория; «L» — бурса и богадельня; «M», «N», «O» — дом вице-губернатора; «P» — иезуитское училище; «Q» — дворец генерал-губернатора; «R», «S», «T» — дом губернатора.

В связи с началом восстановления ансамбля возникла необходимость новой маркировки уцелевших построек. Из их состава была исключена застройка площади. Был «обезглавлен» и сам ансамбль — взорваны костёл и прилегающие к нему корпуса, разрушены аптечная лаборатория и большая часть производственного комплекса.

Заброшенные и неиспользуемые военным госпиталем здания были в 90-х гг. переданы министерству культуры для ПИКМЗ, чтобы после реставрации там устроить музей истории города и картинную галерею. При создании концепции реставрации была введена следующая маркировка (по корпусам). Корпус «А» — самый длинный в три этажа с подвалом, фасадом обращён на реку Двину (на половину занят военным госпиталем); корпус «Б» — в два этажа с подвалом частично разрушен в 1941 г., временно законсервирован, на первом этаже гараж в подвале котельная и угольная яма; корпус «В» — два этажа с подвалом, использовался как неотапливаемые склады, главным фасадом обращён к валу Ивана Грозного. В соответствии с данной маркировкой осуществлялась привязка исторических справок, создаваемых О. Кукуней и В. Соболев, она же частично использовалась и в ПГУ, параллельно с той (новой), что была создана ими самими в 1996 г. (по блокам и строениям). Старая маркировка, созданная в 90-х г., была дополнена новыми корпусами ПГУ. Ими в 2009 г. она скорректирована и употребляется сейчас. Согласно данной маркировке корпуса были отмечены русскими буквами, в их состав не вошёл только ледник. Корпуса «А», «Б», «В» сохраняли свои обозначения и дополнялись новыми. Так, корпус «Г» был обращён фасадом к Верхнему замку и ул. Стрелецкой; корпус «Д» расположен параллельно ему, торцом обращён к реке Двине и краеведческому музею; корпус «Е» обращён торцами на ул. Стрелецкую и корпус «Д», к нему примыкает котельная; корпус «Ж» стоит вдоль ул. Стрелецкой; корпус «З» представлен остатками флигеля и конюшен, складов, мастерских. Последний корпус «И» —

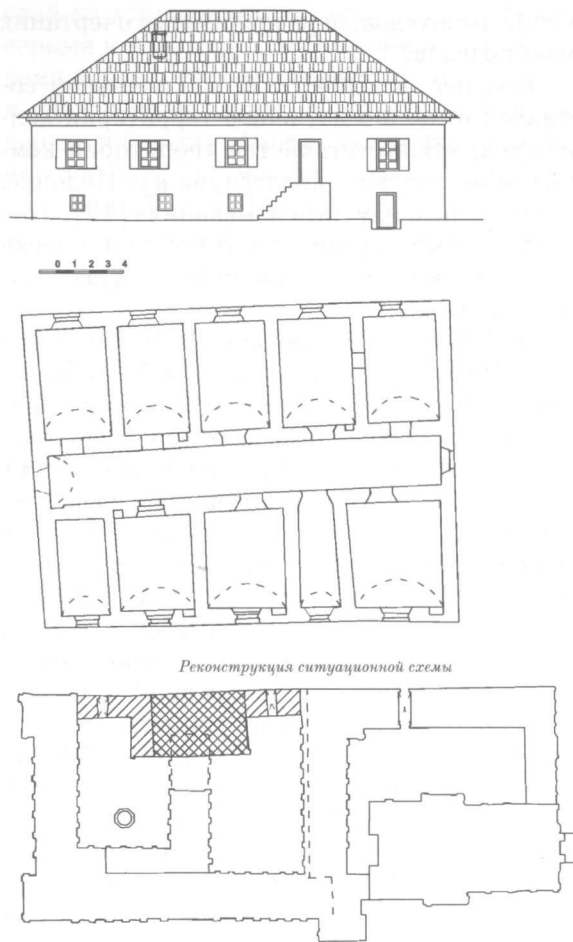
аптечная лаборатория отсутствует, от него уцелел засыпанный подвал. Он был между корпусами «Ж» и «З». В ходе корректировки данной маркировки в 2009 г. марки корпусов «Д» и «З» были отменены. Однако автор данной монографии производит привязку изучаемых зданий и объектов по маркировке до 2009 г.

Реставрация части корпуса «А» под галерею, начавшись в 1992 г., с перерывами из-за перебоев в финансировании, тянулась до 2002 г. Поэтому уже к 1996 г. началась разработка концепции по приспособлению зданий коллегіума под нужды ПГУ, и в 2001 г., в связи с решением о расформировании военного госпиталя, оставшиеся здания, как и постройки, переданные ПИКМЗ, было решено передать ПГУ под размещение ряда факультетов. К 2003 г. этот вопрос был окончательно решён. К этому времени в ПГУ была разработана своя концепция по приспособлению бывшего коллегіума и соответствующая (новая) маркировка с его разбивкой по блокам и строениям. Согласно данной маркировке, здания также отмечались русскими буквами, но отчёт вёлся от «старого коллегіума» (корпус «В»), при этом закладывалась перспектива восстановления костёла и взорванной части коллегіума. Данная маркировка с выше описанной расходится и не имеет широкого распространения, она приведена в статье А. Давидович и Т. Давидович, которые разрабатывали концепцию функционально-планировочной структуры сохранившейся части памятника [13, с. 19]. Эта маркировка была использована при составлении отчёта НИР ПГУ, ещё в 1996 г. для функциональной характеристики комплекса на различных этапах [13; с. 17—19; 41, с. 10—13].

Археологическое изучение коллегіума началось в 1991—1992 гг., когда на месте теперешней пристроенной части картинной галереи Н. И. Зданович были заложены шурфы и раскоп, позволивший раскрыть фундаменты взорванной части корпуса «А». Так же ею было зафиксировано состояние стен корпуса «А» на 1991 г., до начала реставрации.

В 1996 г. на территории двора, перед северным фасадом корпуса «В», в ходе строительного-земляных работ археологом П. А. Русовым был обнаружен и изучен деревянный дренаж.

Ограниченные натурные исследования корпусов коллегіума проводили во 2-й половине 90-х гг. В. В. Глинник и В. Д. Старостин. Ими были обнаружены в структуре корпуса «В» остатки древней постройки [11]. В. В. Глинником была произведена графиче-

Рис. 1. Реконструкция главного фасада и планировки коллегіума на 1-ю половину XVIII в. по исследованиям 90-х годов XX в.

ская реконструкция данной постройки и корпуса «В» по состоянию на XVIII—XIX вв. Нехватка информации и ограниченность натурных исследований привели его к ошибочным выводам. Так, он считал, что каменная постройка была полностью включена в существующий корпус (рис. 1).

Таким образом, на основе полученных результатов исследований он впервые за всю историю изучения коллегіума смог поставить вопрос о каменных постройках, предшествовавших строительству существующего ныне ансамбля. Первоначально он предполагал, что это остатки дома кальвинистов, включённого, по сведениям В. П. Викентьева, в состав коллегіума [6]. Позднее, после консультаций с иезуитом Ежи Пашендой, он решил, что это остатки «старого коллегіума» [11].

Натурное изучение проводилось и на корпусе «А» в процессе приспособления его под картинную галерею, таким образом была выяснена в общих чертах первоначальная келейная планировка 2 и 3-го этажей, располо-

жение дымоходов, первоначальные очертания окон подвала.

Позднее, в 2004 г., В. В. Глинником составлен отчёт по изучению территории коллегиума: «Благоустройство территории комплекса иезуитского коллегиума в г. Полоцке. Комплексные научные изыскания» [12]. Тогда же им были предприняты попытки поиска остатков костёла «на каменных крипах», построенного в 1636 г.

В 1999 г. по просьбе В. В. Глинника Д. В. Дуком (под руководством С. В. Тарасова) вёлся археологический надзор за прокладкой канализации к картинной галерее, им же впервые на территории коллегиума были заложены архитектурно-археологические шурфы, позволившие частично изучить фундаменты корпусов «Б» и «В». В 2003 г. ими были заложены шурфы вокруг корпуса, что позволило обнаружить замурованный лаз в тоннель под корпусом «В», использовавшийся для прокладки канализации в начале XX в., остатки кирпичного тоннеля, сложенного в бытность кадетского корпуса в XIX в., так же был обнаружен замурованный вход в подвал корпуса «Б».

В 2000—2003 гг. перед южным фасадом корпуса «А» Д. В. Дуком были начаты первые полноценные раскопы на территории коллегиума [17]. Они проводились при участии краеведа, а с 2003 г. научного сотрудника НРО НПИКМЗ, А. А. Соловьёва. В ходе их были обнаружены остатки печей, расположенных в одной из деревянных иезуитских построек XVII в. и ряд синхронных им артефактов. Археологический надзор и шурфовка производились Д. В. Дуком в 2005, 2006, 2010 гг. На основе архивных исследований им была проведена реконструкция уличной сети на территории, занимаемой ныне площадью и корпусами коллегиума [15].

С июня 2003 г. и по сей день археологическое обследование территории коллегиума ведётся А. А. Соловьёвым, научным сотрудником НРО НПИКМЗ. В 2004 г. он приступил к натурным исследованиям самих корпусов, которые до 2005 г. велись вместе с научным сотрудником НРО НПИКМЗ С. Е. Глазыриным. По состоянию на октябрь 2011 г. полностью изучены корпуса «А», «Б», «В», «Г», часть материала опубликована. Сейчас собирается материал по корпусам «Ж» и «З», а так же по территории коллегиума в общем и по подпорной стене.

Частичное снятие штукатурки со стен и сводов корпусов коллегиума дало богатейшую информацию по первоначальной планировке, интерьерам и устройству зданий.

Так же были выявлены срубленные стены, очертания разрушенных сводов, заложённые и перебитые окна, арки печных проёмов и ниши на фасаде и в интерьерах помещений, разновременные закладки и вставки кирпичей. При обследовании штукатурных и покрасочных слоёв были найдены фрески в бывшей библиотеке. Нередко при расчистке ниш обнаруживались изразцы, обломки посуды, остатки бумаг иезуитов, пиаров и кадет. Данные обследований стен позволяют получить максимально полное представление о характере и глубине перестроек зданий, составить планы и развёртки стен этажей.

К археологическим источникам относится засыпка сводов и подполий 1-х этажей зданий, которая содержит остатки стен, лестниц, фундаменты печей и отопительных каналов «тёплых полов» и сохранившиеся участки первоначальных полов, расположенных на глубине 0,2—0,3 м от уровня современного пола [53; 54; 56; 58]. Подъёмный материал обычно представлен обломками сбитой со стен штукатурки, изразцов, половых плиток и кирпичами. Обломки посуды или бытовых предметов встречаются редко. С глубины 0,4—0,5 м от уровня современного пола начинается слой засыпки пазух свода, устроенный при строительстве корпуса. В отличие от верхнего слоя нижележащий слой содержит преимущественно кирпичный бой, куски раствора, обломки черепицы. Находки изразцов и посуды крайне редки и к интерьерам помещений не относятся. Данное описание характерно для непотревоженной стратиграфии засыпки сводов. В случае ремонта последнего, первоначальная засыпка бывает уничтожена или перемешана и может содержать землю, угли, обожжённую и сырую глину, обломки костей и черепов, более ранние материалы XII—XVII вв. Такая ситуация выявлена при изучении засыпки сводов коридора между 2 и 3-м этажами, над сводом подвала в помещениях бывшей кухни [51; 52; 53; 56].

Нередко слои засыпки сводов представляют собой огромные завалы печных изразцов. Они были обнаружены на чердаке корпуса «А», в кельях корпуса «В». Засыпка сводов корпуса «А» и «Г» отлично сохраняет дерево, бумагу, металлы, стекло. Данные находки обычно фиксируются непосредственно под слоем щепы, оставшейся после устройства деревянных полов в кадетский период.

Наиболее информативной является стратиграфия под полами 1-го этажа, где нет подвалов. Так, например, шурфовка корпуса «В» позволила уточнить и пересмотреть данные

исследований В. В. Глинника по планировке «старого коллегиума». В шурфах были обнаружены стены, лестница, полы и фундаменты печей XVII в. Также удалось обнаружить под рядом помещений обширное подполье, засыпанное при пиарах и позже, когда здание принадлежало уже кадетскому корпусу, первоначальные полы келий, пекарни и канализационный тоннель. Редкой удачей стало обнаружение топки печи, подававшей жар в «тёплые полы» помещений 1 и 2-го этажей корпуса «В» [54; 57].

Поиск места для закладки шурфов на этажах зданий проводился на основе плана 1828 г. и натуральных особенностей здания — провалов бетонных полов, переделок стен. Благодаря поддержке заказчика (в лице проректора по благоустройству, ремонту и капитальному строительству В. С. Левина) стала возможна музеефикация (зондажами стен и сводов) многих архитектурных раритетов — камина, печного проёма, образцов кладки, карнизов и сводов. Позднее эти зонды и наработанный материал стали основой для сборки небольших выставок по истории изученных корпусов (отреставрированные корпуса «А», «Б», «В», «Г»).

Таким же образом изучаются и остальные корпуса коллегиума. На корпусе «Ж» (по маркировке 2003—2009 гг.) зондами обнаружены срубленные своды 1-го этажа, сбитый руст по углам, установлено позднее происхождение пристроек и изменение первоначальных очертаний окон. Уникальный материал найден в подполье одного из помещений 1-го этажа. Исследования корпуса «З», в котором находились склады и конюшни, позволили реконструировать первоначальную планировку его 2-го этажа, выявить перестройки на 1-м этаже, произведённые как самими иезуитами, так и сделанные в более позднее время, — при реконструкции здания под кадетский корпус. Установлена первоначальная форма окон и дверей корпуса «З», уровни полов и конструкции фундаментов. Под существующим зданием были обнаружены остатки построек середины — конца XVII в. и остатки кладбища, найден завал изразцов, сброшенных под полы из корпусов «А» и «Г», и прослежен канализационный тоннель, ведущий за пределы коллегиума. Большой интерес представляют собой остатки стекольного производства конца XVIII в.

Археологическое изучение территории вокруг корпусов позволило проследить материковые породы и (приблизительно) первоначальный рельеф местности, на которой иезуиты начали строить коллегиум. Культурный

слой на территории коллегиума представлен серыми и чёрными пластами земли с прослойками навоза, трухлявого дерева, песка, сырой и обожжённой глины. Местами он сохранил дерево и бересту. При рытье траншей встречаются остатки землянок, столбов и свай, датируемые XI—XIII вв. Также была обнаружена и изучена деревянная жилая постройка 1-й половины XVI в., срубы и захоронения в гробах, датированные XVII в. В нетронутых перекопами слоях выявлены деревянные конструкции XVIII—XIX вв., лотки дренажа и конюшни. Перекопы, произведённые в большинстве случаев в начале XX в., а также выявляемые сейчас конструкции и коммуникации того же периода дают ценную информацию об архитектурном ансамбле и позволяют понять специфику и условия его перестройки с применением новейших технологий и материалов того времени.

В ходе разработки шурфов возле стен зданий были выявлены остатки ранее неизвестных пристроек, лестниц и канализационных тоннелей корпуса «В». Были найдены следы неизвестных построек «скромного коллегиума», обнаружен ряд захоронений начала XVII в. и прослежена приблизительная восточная граница кладбища. Наблюдения показали, что культурный пласт на территории коллегиума сильно повреждён перекопами XIX и начала-середины XX вв. Во многих случаях слои, содержащие материалы XVII—XVIII вв., перемешаны. Участки с нетронутым слоем нередко влажные и сохраняют дерево XII—XVII вв. Слои земли иезуитского периода имеют прослойки песка, сырой и обожжённой глины с изразцами, иногда остатки дерева, нередко подсыпки балластной землёй. В некоторых случаях удалось проследить профили котлованов под здания и рельеф дневной поверхности после завершения их строительства.

Данная работа не является исчерпывающей, поскольку архитектурно-археологические материалы по территории, подпорной стене и корпусам «Ж» и «З» (по маркировке 2003—2009 гг.) до конца не обработаны и использованы частично. В ограниченном объеме использованы материалы по разрушенным корпусам и собору, поскольку последние не изучены. Приводимые реконструкции печей, фасадов корпусов не являются окончательными и требуют дополнительных уточнений и проверок (особенно по костёлу и аптеке). Необходимы дальнейшие архивные поиски прежде всего чертежей, фотографий и рисунков, связанных с возведением и приспособлением коллегиума под кадетский корпус.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ КОЛЛЕГИУМА (1581—1654)

Иезуитов, приехавших в 1580 г. с королём Стефаном Баторием, полочане встретили крайне враждебно. Единственным прибежищем для них стал заброшенный монастырь св. Петра и Павла на Верхнем замке. Там они были под защитой и покровительством каштеляна (коменданта) замка Франциска Жука. В связи с этим коллегиум предполагалось строить либо в монастыре (сейчас пустырь по ул. Замковой между д. 13 и 15а), либо на острове близ Экимани, в стороне от враждебного города. Но сенатом данная идея была отклонена, поскольку он помешал бы защите замка и стал бы прибежищем для неприятеля. Королевские комиссары отмежевали иезуитам «пляцы»⁴ под застройку между замком и рынком в 1583 г. Но иезуиты не торопились со строительством, начав там строить только костёл, потому что положение их по-прежнему было шатким. Так, в 1587 г. на сейме горожанам едва не удалось добиться их выдворения из Полоцка, хотя к этому времени резиденция, устроенная возле костёла на рынке, и была возведена в разряд коллегии в 1585 г. После поражения полочан на сейме ситуация начала меняться в пользу иезуитов [24, с. 13, 18].

Первоначально коллегиум предполагалось строить на территории монастыря св. Петра и Павла. Позднее, в 1589 г., было принято решение возводить его «между городом и замком», где уже иезуиты имели костёл. Территория, на которой планировалось строительство коллегиума, до 1563 г. была занята торговой площадью и не имела значительной деревянной застройки. Только у самого Чёрного ручья стоял каменный храм Рождества Христова (известен более как «храм на рву») [62, с. 77]. Е. Д. Квитницкая указывает только на наличие шести домов, прилегающих к кладбищу (фото 1, 2 на вкл. I), где могли жить священники, служившие в храме [25, с. 100]. Возможно, что от них оста-

лись встреченные в ходе земляных работ отдельные сваи (поставленные вертикально колоды) толщиной 0,3—0,5 м.

Вполне вероятно, что вблизи торговой площади могла располагаться кирпичная ратуша. Про это косвенно свидетельствуют единичные массивные кирпичи толщиной от 8 до 10 см (фото 3 на вкл. I) [67, с. 104—105]. Об этом же косвенно говорят и приводимые Е. Д. Квитницкой сведения о захвате иезуитами в середине XVII в. «ратушного места», под которым составители документов могли подразумевать территорию, занятую ратушей, построенной до Ливонской войны [25, с. 100]. За 16 лет запустения, когда Полоцком владел Иван Грозный, северная часть площади была занята валом Нижнего (Стрелецкого) замка, остальная территория пустовала [15, с. 46].

Археологические исследования и надзоры при строительно-земляных работах на территории коллегиума показали, что основная материковая порода представлена красной плотной и жирной глиной. Местами её перекрывают слои песка и суглинка, достигающие толщины 1,0 м.

Данная стратиграфия материковых пород приводила к повышенной влажности культурного слоя, что обеспечило частичную сохранность остатков деревянных конструкций XI — 1-й половины XVI вв. в различных частях территории, занимаемой существующим ансамблем коллегиума. При исследованиях территории коллегиума нередко встречались прослойки щепы и бересты.

В этих обстоятельствах первоначальные деревянные постройки коллегиума представляли собой наземные деревянные срубы на подкладках или сваях. Чрезмерная сырость не позволяла устраивать под ними погреба, чем и обусловило отсутствие их археологических остатков. Единственное, что смогло бы указать на место расположения этих построек, — развалы печей или плитки пола.

Дневная поверхность территории, занимаемой существующим коллегиумом, в конце XVI в. располагалась на глубине от 1,0 до 3,0 м от современного уровня (максимальный

⁴ Пляц — единица землевладения в средневековых белорусских городах, включавшая в себя огороженный участок земли с жилыми и хозяйственными постройками, двор, колодец и огород. Участок как правило был мощен деревом.

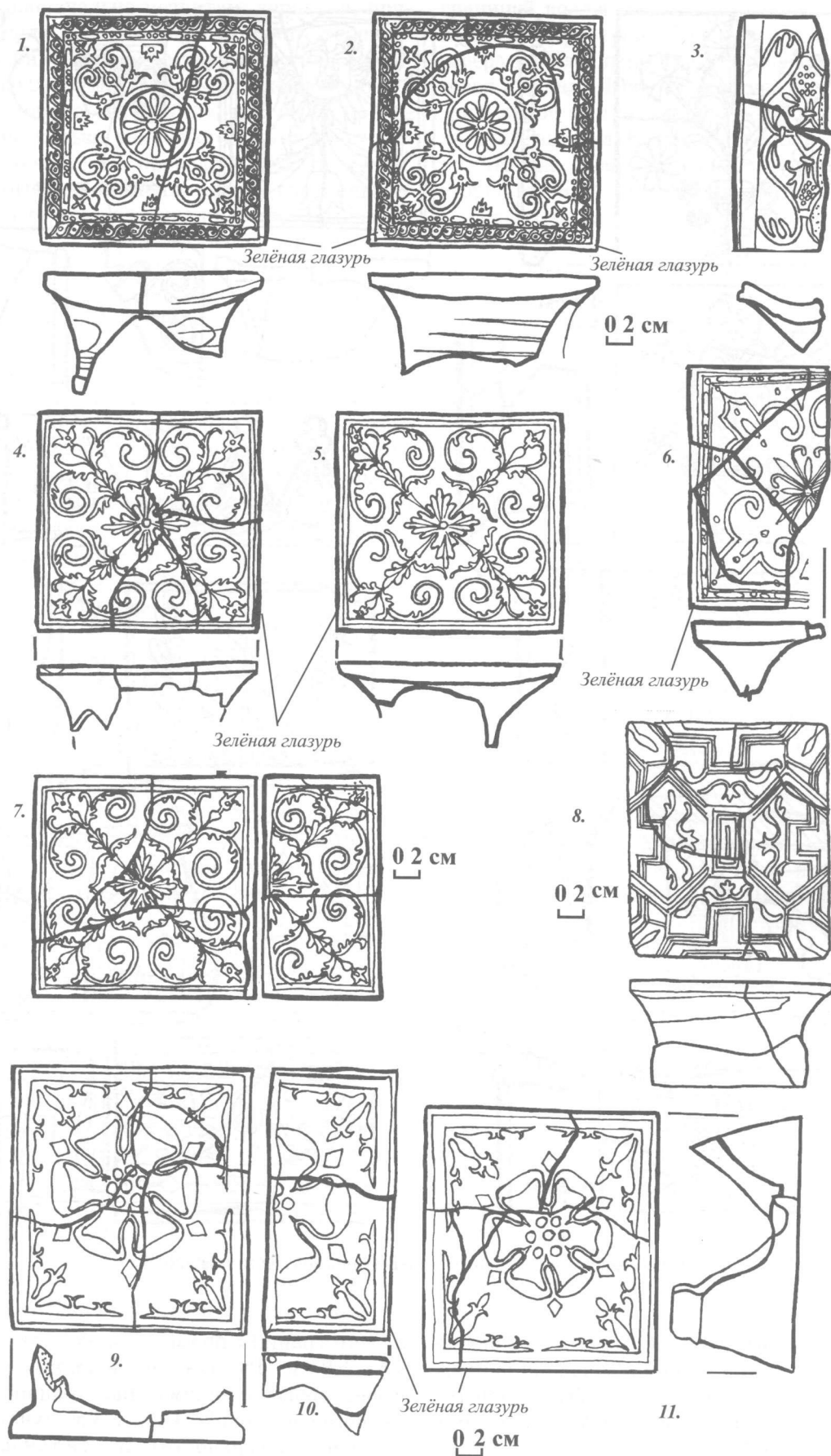

Рис. 2. Стенные изразцы, украшенные орнаментом с мотивами «кованого металла» и розетками

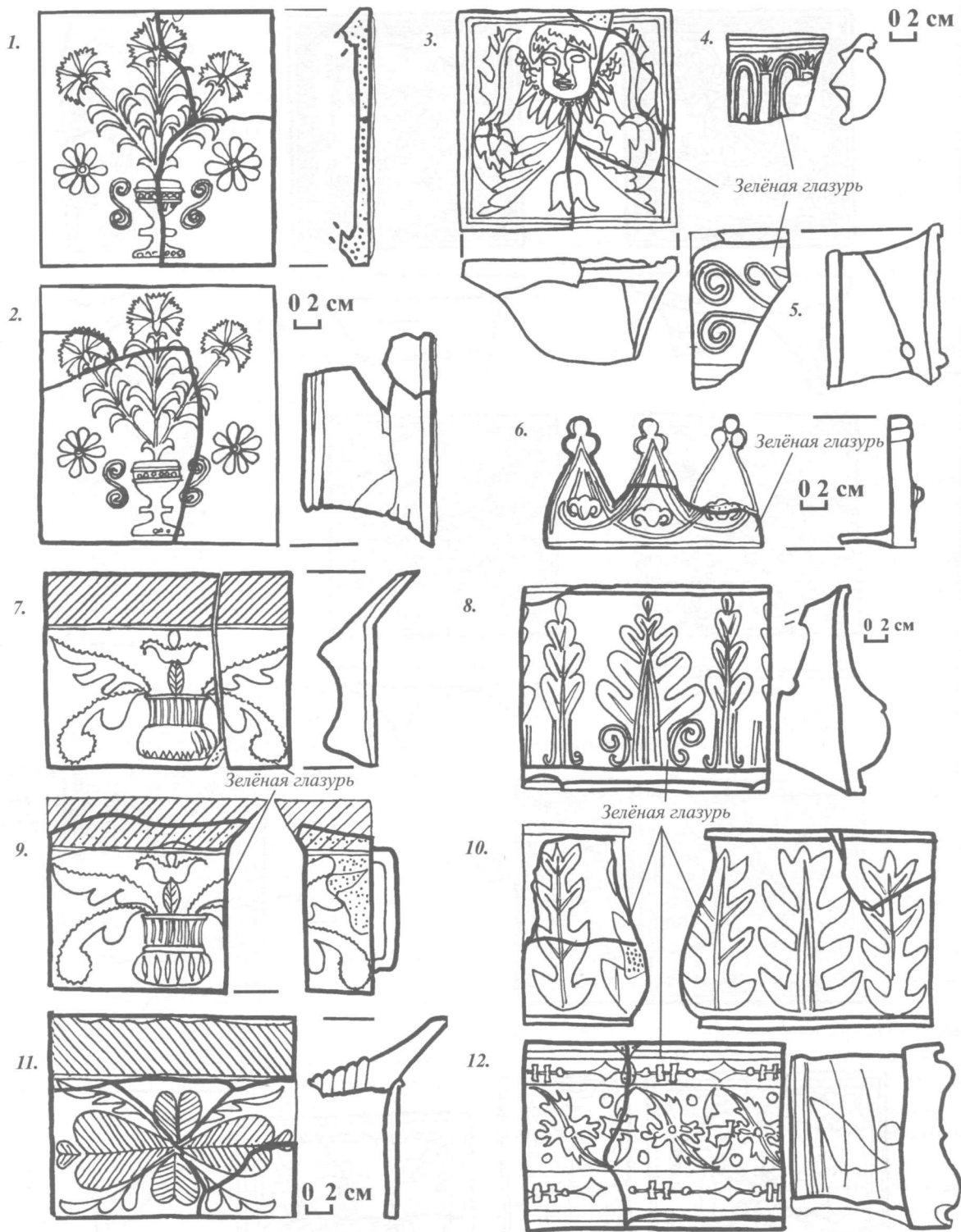

Рис. 3. Стенные и карнизные изразцы с растительным орнаментом и маскаронами

перепад его высот 1,0 м). Она имела значительные уклоны в южном и западном направлениях. Менее значительным был уклон поверхности в сторону Вала Ивана Грозного. Наиболее высокий участок дневной поверхности плаца в конце XVI в., располагался в центральной части существующего ансамб-

ля, его границы примерно отмечают корпуса «А», «В» и «Г». Там при земляных работах зафиксирована минимальная толщина культурного слоя (около 1,0—1,3 м с учётом нивелировки поверхности). Так же там найдены самые ранние из известных сегодня кирпичных конструкций.

Первоначально иезуитам, вероятно, принадлежала только северная часть территории, занимаемой существующим ныне ансамблем коллегиума, поскольку в конце XVI — 1-й половине XVII в. по ней было проложено несколько улиц. Согласно реконструкции уличной сети, проведенной Д. В. Дуком, здесь были проложены улицы, соединявшие замок и торговую площадь. Улица Батечкова располагалась по центральной оси площади. Она была прямым путём к проезду Красной (Королевской) башне Верхнего замка [15, рис. 37]. Параллельно ей, с южной стороны площади, шла ул. Мостовая (Ильинская), которая кончалась в районе современного учебно-производственного комбината (там, где раньше стоял храм Рождества Христова). Перпендикулярно этим улицам располагалась улица Безымянная (сегодня ул. Стрелецкая). Ещё две улицы были между ул. Мостовой и ул. Великой (ныне Нижне-Покровской): это улицы Вознесенская, проложенная параллельно им, и ул. Чистая, которая соединяла две указанные выше улицы на участке между нынешними домами №13 и №19 на ул. Нижне-Покровской. Как и ул. Безымянная, она пролегла по скату террасы, где и до сего времени стоят корпуса бывшего коллегиума [15, рис. 37, с. 80, 81].

Ещё одним важным объектом данной территории было кладбище, оно, вероятно, появилось по взятии Полоцка Иваном Грозным или после освобождения города Стефаном Баторием в конце XVI в. при храме Рождества Христова. К началу-середине XVII в. оно значительно разрослось в восточном и северном направлениях от храма. Вполне вероятно, что указанные выше улицы делили его на несколько частей. Так, нетронутые захоронения в деревянных гробах были обнаружены в 2003 и 2010 гг. во дворе между нынешними корпусами бывшего коллегиума «Г» и «З». При шурфовке у стен корпуса «Г» в 2003 г. были также встречены мелкие обломки человеческих костей, выброшенных в основном из котлована при строительстве корпуса в середине XVIII в. Это были остатки захоронений на кладбище. Таким образом, в начале XVII в. оно занимало территорию от Чёрного ручья и учебно-производственного комбината до корпуса «Г» (включительно). После русско-польской войны 1654—1667 гг. оно было полностью заброшено [15, с. 80, 114]. На его месте был пустырь (огород или сад) первая застройка появляется лишь к концу XVII в.

Ядром первоначального коллегиума (усадыбы) была территория между Валом Ивана Грозного и корпусом «Б». С западной стороны

границей коллегиума было кладбище, расположенное при храме Рождества Христова, с севера — вал Нижнего замка, с востока — торговая площадь. Южной границей территории, занимаемой застройкой первоначального коллегиума, была ул. Батечкова и вполне возможно, что она была застроена иезуитами с 2-х сторон (схема 4, на вкл. VI—VII).

Расположение иезуитской усадьбы на стыке 2-х замков и непосредственно на улице, ведущей к воротам Верхнего замка, превращало коллегиум в важное звено обороны подступов к ним. Именно поэтому он был обозначен на планах Полоцка, датированных 1707 и 1720 гг. Вполне возможно, что коллегиум уже сразу после постройки в конце XVI в. имел свои фортификационные укрепления [2, с. 80; 4, с. 12—16; 70, с. 273, рис 187].

Поскольку все первоначальные здания коллегиума были деревянными и не имели погребов, то остатков первоначальных построек выявить не удалось. Уцелевшие кирпичи и изразцы от стоявших в них печей после каждого разрушения построек тщательно выбирались и использовались вновь. Таким образом, со временем они оказались в стенах печей и зданий «скромного коллегиума», построенного после 1667 г. Среди находок были стенные и карнизные изразцы, которые были украшены растительно-геометрическим орнаментом, розетками (рис. 2: 9, 10; рис. 3: 4, 5, 7—12), сеткой и узором с мотивами «кованого металла» (рис. 2: 1—6). Угловые изделия состояли из половины стеной пластины и вогнутой ниши (фото 16 на вкл. II). Некоторые имели изображение «вазы с цветами» (рис. 3: 1, 2) и датированы концом XVI — началом XVII в. [1, с. 334—335; 20, с. 103—105]. Встречены единичные экземпляры пластин и с «ковровым» орнаментом, основой для появления подобной орнаментации стали мотивы «кованого металла», но они более поздние и относятся к середине XVII в. [1, с. 335] (до 1654 г.), также найдены в незначительном количестве и мисочные изразцы.

Также были встречены и геральдические изразцы. В 1-й трети XVII в. у полоцких иезуитов был серьёзный покровитель — каштелян Кристоф Михайлович Друцкий-Соколинский (ок. 1580—1639), при его поддержке строится костел «на каменных криптах». Он занимал эту должность с 1625 по 1639 г. и помогал ордену [12, с. 3—4; 16, с. 60—61]. Поэтому в некоторых зданиях коллегиума были построены печи, украшенные изразцами с его гербом (рис. 6: 1, 2). Редкой находкой стали изразцы-маскароны, представленные стенными пластинами с изображением херувима

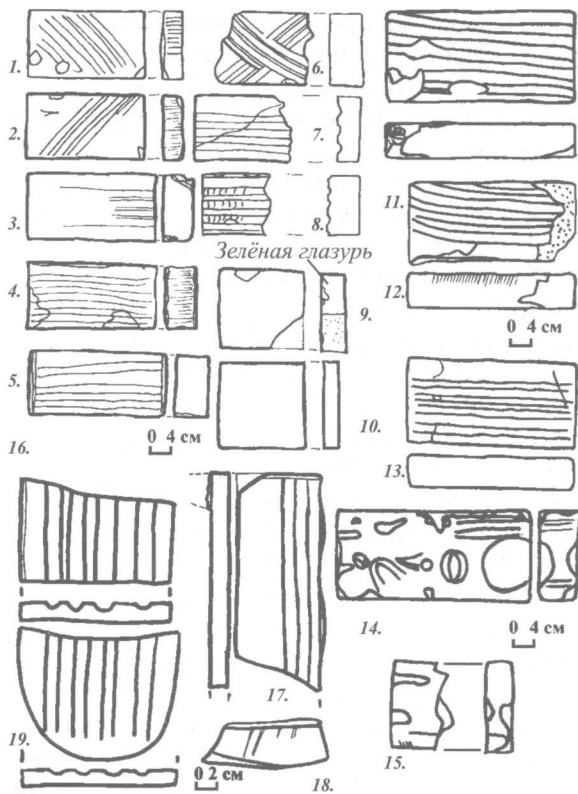

Рис. 4. Образцы кирпича, плиток пола и черепицы XVII—XVIII вв. Корпус «В»

или путти⁵ (?) и коронкой с тремя бараньими (?) головами (рис. 3: 3, 6). В ходе археологических раскопок Д. В. Дука в 2003 г. в слое развала изразцов из обломков удалось восстановить несколько карнизных изделий, украшенных масками. На то же время приходится и упоминание о строительстве костёла «на каменных криптах» [12, с. 4; 41, с. 8].

О росте влияния и популярности ордена иезуитов в Полоцке свидетельствовало и начало изготовления и активного распространения изразцов с иезуитской символикой («иезуитские»). Это были своеобразные «визитки» ордена, их часто находили в составе печных изразцовых наборов при археологических исследованиях в разных частях города. По мнению Н. И. Зданович «иезуитские» изразцы появились не ранее 30-х годов XVII в., и датированы в границах XVII в. [16, с. 90; 20, с. 107]. Судя по найденным

⁵ Путти (итал. *putti*, множественное число от *putto*, буквально — младенец), изображения маленьких мальчиков (иногда крылатых), излюбленный декоративный мотив в искусстве Возрождения (а также XVII—XVIII вв.). Путти, совмещавшие в себе черты античных эротов и христианских ангелов, свидетельствовали об утверждении в искусстве чувственного светского начала.

фрагментам «иезуитские» изразцы в основной своей массе были терракотовыми или зелено-палевными, но встречен и фрагмент полихромной пластины (фото 14, вкл. II).

Найдены также обломки изразца с монограммой архиепископа и униатского митрополита Антония Селявы (ок. 1583—1655) в виде переплетённых букв «А» и «S». Он был одним из представителей полоцкого шляхетского рода, известного с 1553 г. [15, с. 87, 94, рис. 49; 16, с. 62].

Появление в составе печей полоцкого коллегиума изразцов с монограммой Антония Селявы может свидетельствовать о его сотрудничестве с иезуитами. С первых дней существования униатской церкви она находилась под идейным руководством иезуитов. Иезуиты помогали ей в организации базилианского ордена, создании жесткой централизованной системы управления, в иезуитских коллегиумах многие униаты получили основательную подготовку и образование. Позднее они использовали иезуитский опыт для подготовки своих кадров [9, с. 47; 42, с. 50].

Использование подобных изразцов с монограммой униатского митрополита в коллегиуме могло быть связано с расположением вблизи коллегиума церкви Рождества Христова, переданной в то время униатам. Для этой церкви Антоний Селява назначил настоятеля, и его дом, вероятно, был расположен на «пляцу», который принадлежал иезуитам.

Исследования корпуса «В» показали, что самые ранние из обнаруженных кирпичных конструкций на территории существующего коллегиума относятся к 1-й половине — середине XVII в.

Стена, выявленная в составе корпуса «В», была выполнена в технике «двухпанцирной» (лусковой) кладки. При строительстве по данной технологии из кирпича выкладывались только «щёки» стены, а пространство между ними заполнялось раствором с камнями, кирпичным и изразцовым боем. Подобный способ кладки использовался до середины XVII в. [67, с. 83, 86]. Это же подтвердили обнаруженные в забутовке стены обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов. Кирпич-пальчатка, использованный в кладке, имел ярко-красный цвет обжига и лицевую сторону с 4-мя продольными штампованными бороздами. Размер его 6×15×30 см [55, с. 74]. Наличие в забутовке стены бывших в употреблении «ковровых» изразцов, появившихся в середине XVII в., свидетельствует о том, что данные конструкции ставились уже после пожара 1643 г. [41, с. 8]. На развале

подобной стены возведена часть северного фасада корпуса «В» [1, с. 334—335]. В 2008 г. при благоустройстве территории тоже была обнаружена кладка из камней диаметром от 20 до 50 см. Камни были уложены «насухо». Между ними тоже были обнаружены обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов [55, с. 74].

Там же, недалеко от этой стены, в составе подвала корпуса «В», обнаружена часть помещения, которое по формату кирпича и характеру раствора, использованного в кладке, аналогично описанной выше стене. Кладка его цилиндрического свода тычковая, в ней использован кирпич-пальчатка $4,5-5,5 \times 13,5-14 \times 29-30$ см с 4-мя продольными штампованными бороздами, его обжиг был равномерным, цвета — от тёмно-красного до коричневого (лилового) (рис. 4: 8; фото 4, вкл. I; схемы 1 и 4 на вкл. II, VI—VII).

Торцовая стена помещения (вероятно, более поздняя) выполнена в технике смешанной кладки. В структуре стены были выявлены булыжники и крупноформатный кирпич. Обнаруженные форматы кирпича и наличие в забутовке стен вокруг свода обломков изразцов позволяет этот фрагмент подвала датировать серединой XVII в. и считать временем его возведения период между 1643 г. (великий пожар) [41, с. 8] и 1654 г. (начало русско-польской войны и захват Полоцка русскими войсками) [55, с. 73]. В откосах оконного проёма данного фрагмента подвала также зафиксирован крупноформатный кирпич, возможно, следы более позднего ремонта.

В структуре корпуса «В» было обнаружено помещение с крестовым сводом. Северную и южную его стены заменяли широкие арки. Опорой свода были Г-образные угловые простенки. Кладка их бессистемная из кирпича-пальчатки с 4-мя продольными бороздами. Формат кирпича был $4,5-6 \times 12-13 \times 27-29$ см (рис. 4: 11, 12). Восточная и западная стены имели глубокие ниши. Незначительная толщина стен и компактность сооружения позволяют считать, что это фундамент деревянной постройки (башни?). По технике кладки и формату кирпича ее можно датировать серединой XVII в. (фото 5, вкл. I) [55, с. 72].

Кирпич подобной толщины получает распространение в середине XVII в. из-за прекращения по всей территории ВКЛ замкового строительства [67, с. 106—107].

Самое раннее здание коллегиума, о котором есть сведения, — это костёл св. Казимира (?), построенный в 1636 г. Валентином Будаком (1593—1643) на каменных (!) крипах, сгоревший при пожаре 1643 г. Святой Казимир почитался католиками покровите-

лем Литвы. Появление капитального сооружения свидетельствовало об укреплении позиций иезуитов в городе [12, с. 4; 41, с. 8].

Точное место расположения костёла, построенного Валентином Будаком в 1636 г., можно будет определить только при обнаружении и полном обследовании территории, занятой ныне существующими зданиями коллегиума, и всех кирпичных конструкций XVII в. Сегодня самые ранние из выявленных кирпичных конструкций можно датировать серединой XVII в. Они обнаружены в составе подвала корпуса «В» и под полом двухэтажного флигеля (корпуса «З»).

В ходе изучения фундаментов существующего корпуса «З» (по маркировке 2003—2009 гг.) была обнаружена стена, расположенная наискось по отношению к существующему зданию и конструктивно с ним не связанная. Заложённые шурфы позволили частично проследить только контуры постройки. Длина её с севера на юг около 11,2 м. В ходе дальнейших исследований были прослежены очертания большей части этой постройки. Толщина её западной и северной стен была около 1,1 м. Возле северо-западного угла в развале кладки был найден человеческий череп, очевидно, из потревоженного в XVII в. захоронения. Над развалом кладки северной стены сохранились остатки трухлявых досок (?) и вертикальных брусьев (?), под ними в стене были устроены гнёзда. Кирпичи, от ярко красного до тёмно-коричневого, с 4-мя продольными или 3-мя косыми штампованными бороздами $5 \times 13,5 \times (?)$ см; $28 \times 12,5-13 \times 5-5,5$ см. Таким образом, данный кирпич был близок по своей выделке и формату к образцам кирпича, обнаруженным в «лусковой» стене и фрагменте подвала и крестовом своде, которые были обнаружены в составе подвалов «скромного коллегиума» и затем включены вместе с ним в состав корпуса «В».

В месте соединения северной и западной стен костёла угловая кладка была сильно разрушена. Уцелевшая её часть имела ряды кирпича, уложенные относительно данных стен под углом в 45° , там же было обнаружено «гнездо» вертикальной угловой опоры (фото 6, вкл. I). Оно представляло собой круглое цилиндрическое отверстие диаметром около 0,65 м, прослеженное на глубину до 0,9 м от верха сохранившейся кладки стены. При расчистке гнёзда прослежены вертикально расположенные куски смолистого соснового столба, его же отпечатки были и на стенках «гнезда». Выломанный кусок дерева сохранял запах свежей смолы несколько дней.

Полностью обследовать найденный угол не удалось, поскольку сверху он был перекрыт фундаментом колонны существующего здания корпуса «З». Вокруг обнаруженных остатков стен найдены половые плитки толщиной 3 см и со стороной квадрата 20—21 см. Рядом с костёлом найден обломок терракотовой шестиугольной плитки. Обнаруженная южная стена здания была толщиной только 0,8 м и сохранилась намного хуже остальных, сверху её развал перекрывали слои земли, содержавшие обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов [20, с. 106—108] и стекла. Внутреннее пространство фундамента расчистить не удалось. Восточная стена здания расположена за пределами корпуса «З», она пока не исследована (схема 4 на вкл. VI—VII).

При шурфовке внутри помещения бывшего амбара, расположенного в корпусе «З», были встречены и отдельные кирпичи толщиной 7—8 см, но они не имели следов раствора и были обнаружены вне кладки. Это означало, что к выявленному фундаменту или к существующему корпусу эти кирпичи отношения не имели [67, с. 106—107].

Среди обнаруженных фундаментов, которые можно датировать серединой XVII в., ранним иезуитским костёлам, находившимся на территории коллегиума, мог бы принадлежать фундамент, найденный под корпусом «З», но его нельзя считать остатками известного костёла «на каменных криптах», построенного в 1636 г. Валентином Будаком. Об этом говорит как изразцовый материал, так и формат использованного при строительстве кирпича.

В начале XVII в. в монументальном строительстве на территории ВКЛ преобладал массивный кирпич толщиной от 6 до 8 см, к середине XVII в., в связи с прекращением строительства замков, его производство было прекращено. В это время получил распространение кирпич толщиной от 5 до 5,5 см. Из него были сложены найденные конструкции [67, с. 106—107]. Таким образом, наиболее вероятное время появления найденных фундаментов — после пожара 1643 г., когда началось восстановление коллегиума, точнее — отрезок времени между 1643 и 1654 гг.

Кирпичей, которые можно датировать началом XVII в., обнаружено в ходе изучения корпусов «Б», «В» и «З» несколько штук. Это были разрозненные экземпляры, толщиной от 8 до 10 см (фото 3 на вкл. I). Они могли принадлежать ратуше XVI в. или костёлу «на каменных криптах» [67, с. 106].

Д. В. Дук предполагает, что данный фундамент — это остатки иезуитского костёла

св. Креста. Но известно, что костёл св. Креста находился над р. Полотой. В приведенных Д. В. Дуком записях книг Полоцкого магистрата за 1657 г. указано его расположение (до 1655 г.) на улице Пробойной: «В месте Полоцком на улицы, названной Пробойной, з рынку до реки Полоты идучой...» и «...в месте Полоцком, на улицы Пробойной, з рынку ку костёлови, об цминтару св. Крыжа...» [15, с. 114]. На это же указывает и Ежи Пашенда: во время московской оккупации в 1655 г. костёл был перенесён в другое место и восстановлен на прежнем только в 1687 г.

Политика Москвы относительно белорусских католиков была однозначной: «...костёлам не быти ... а петъ в домех» [9, с. 84]. Тем более, что в условиях войны строительство храмов было крайне затруднено. Таким образом, найденный фундамент не мог относиться к костёлу св. Креста [15, с. 114].

Скорее всего, обнаруженный фундамент под корпусом «З» принадлежал отстроеному после пожара 1643 г. [41, с. 8] костёлу св. Казимира (?), который тоже мог быть на «каменных криптах». В пользу этого свидетельствует его расположение на территории восточной части бывшего православного кладбища начала XVII в., на углу улиц Батечковой и Безьяннй, в непосредственной близости от «храма на рву», который ко времени строительства костёла уже был деревянным [15, с. 80]. На то, что это фундамент костёла, указывает как значительная толщина стен, так и необычное для деревянного здания устройство угла с «гнездом» под массивный столб.

На основе исследования выявленных при раскопках фрагментов фундамента здания можно полагать, что данный костёл был центрально-купольным сооружением, что в XVI—XVIII вв. встречается довольно редко. Пробразом для костёла подобной композиции, построенного полоцкими иезуитами, мог стать деревянный православный храм св. Петра и Павла. Ежи Пашенда указывает, что он был деревянным с 5-ю башенками, увенчанными крестами, и одним алтарём (апсидой?) [74, с. 525]. Строительство католического храма подобной формы на территории старого православного (позднее униатского) кладбища должно было служить и идеологической цели — демонстрации мирного соседства бывшего православного (позднее униатского) храма и католического, привлечению к себе православной молодёжи и сохранению преемственности (со временем) в сакральной функции данной территории.

Вполне возможно, что этот полоцкий костёл св. Казимира (?) или его сохранившийся

план, позднее стал прообразом иезуитского костёла в Слуцке, который по предположению Ежи Пашенды, был построен в начале XVIII в. полоцким архитектором-иезуитом Григорием Энгелом (1678—1722), который учился в Полоцке 1698—1699 гг. и мог видеть его чертежи и рисунки [8, с. 131—133; 60, с. 203].

Каменная крипта занимала только центральную часть полоцкого костёла. С юга он имел притвор в виде наземной брусовой (?) конструкции, в шурфах встречались только обломки кирпича и раствора от её цоколя (?), поэтому южная стена кирпичного фундамента была тоньше остальных. Таким же был и алтарь, только меньших размеров. Обнаружение остатков углового столба и уцелевшая кладка позволяют считать, что храм был фахверковым или собран в «шулу». В круглых угловых столбах были вертикальные пазы для вставки брусьев или брёвен. Углы центральной части были выполнены в виде глухих башенок с куполами. Снаружи он мог иметь облицовку из широких досок.

Таким образом, это может быть тот самый костёл св. Казимира, разрушенный по свидетельству С. Ростовского горожанами в 1656 г. после взятия Полоцка русскими войсками в 1655 г.

После 1667 г. территория, где раньше стоял костёл св. Казимира, была расчищена и расширена за счет православного кладбища, и на этом месте иезуиты построили «скромный коллегиум» (возможно, из-за гибели довоенных планов коллегиума информация о расположении костёла и о границах заброшенного к тому времени православного (позже, униатского) кладбища была утрачена [15, с. 82]. Новый костёл возводится в другом месте, возможно, что его имеет в виду Ежи Пашенда, когда указывает, что «теперь костёл св. Казимира, возведённый в 1674 г., располагается над Двиной» [74, с. 525].

После русско-польской войны 1654—1667 гг. фундамент деревянной башни, обнаруженный в составе подвала корпуса «В», вновь был использован при строительстве новой смотровой башни «скромного коллегиума». С середины XVIII в. он оказался в структуре корпуса «В» (схемы 1 и 4 на вкл. II, VI—VII).

В конце XVI—XVII вв. на печах некоторых зданий коллегиума появились изразцы с религиозными сюжетами «Поклонение волхвов» (или трёх королей) (рис. 6: 3, 4) и «Моление о Чаше» (рис. 6: 5—8). Угловые изделия украшали барельефные изображения мужчин в ренессансных одеждах. Вполне

возможно, что эти изразцы создавались для установки в печах сакристий⁴ при костёле, построенном Валентином Будаком, или учебных помещений и в таком случае они несли определённую идеологическую нагрузку, являясь своеобразными картинками на евангельские сюжеты. Барельефное изображение мужчины в короне и плаще на угловой пластине может быть своеобразным портретом Стефана Батория (1533—1586) (рис. 6: 6, 7) [55, с. 76].

В середине XVII в. происходят значительные изменения в строительстве: полностью прекращается возведение стен в «лусковой» или двухпанцирной технике; происходит отказ от производства большемерного кирпича-пальчатки, его толщина теперь не превышает 4,5—6 см [67, с. 106—107]; в это же время появляются изразцы с «ковровым орнаментом» (рис. 2: 8 на с. 17) [1, с. 335].

Обнаружение под более поздней иезуитской постройкой фундамента одного из ранних зданий полоцкого коллегиума свидетельствует о том, что память о месте расположения костёла после русско-польской войны 1654—1667 гг. была полностью утрачена (вероятно, погибли довоенные планы первоначального коллегиума).

Ситуация с обнаружением данного костёла аналогична ситуации с обнаружением в Витебске Сретенской церкви под соляными складами (так же возведена до русско-польской войны 1654—1667 гг.). Наблюдения показали, что формат кирпича церкви, обнаруженной в Витебске, и фундаментов под корпусом «В» и «З» иезуитского коллегиума сходен. Так же их объединяет и использование в качестве наполнителя для раствора обломков изразцов [69, с. 394]. Данные обстоятельства позволяют считать, что самые ранние из известных сегодня кирпичных конструкций полоцкого иезуитского коллегиума относятся к середине XVII в.

Вопрос о расположении костёла «на каменных криптах», построенного Валентином Будаком в 1636 г., остаётся открытым. Скорее всего, его остатки нужно искать под корпусом «З» в составе фундамента костёла середины XVII в.

⁴ Сакристия (позднелат. *sacristia*, от *sacrum* — священная утварь), помещение в католических храмах (расположенное к северу или югу от хора), где хранятся принадлежности культа, совершаются облачение священнослужителей и некоторые обряды. Известны сакристии в виде отдельно стоящих построек.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛЛЕГИУМА ПОСЛЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ (1654—1667) И ЕГО РАЗВИТИЕ ДО СЕРЕДИНЫ XVIII в.

После взятия Полоцка в 1654 г. русскими войсками коллегиум оказался полностью уничтоженным, костёл, отстроенный после пожара 1643 г. (и, вероятно, позднее перенесённый на место корпуса «В»), был окончательно разрушен. Место коллегиума было частично застроено дворами мешан. Большинство документов по коллегиуму было утрачено, имени иезуитов разграблены, а сами иезуиты оказались вне закона и почти все разбежались [15, с. 114; 24, с. 19; 74, с. 525].

Вернувшиеся после войны члены ордена были вынуждены всё начинать заново. Теперь территория коллегиума была расширена за счёт территории между ул. Батечковой и Ильинской (Мостовая) и восточной части заброшенного к тому времени православного кладбища (обнаруженные в 2010 г. могилы были перекрыты слоем, содержащим «ковровые» и «иезуитские» изразцы середины — 2-й половины XVII в.). К этому времени (60—70-е гг. XVII в.) храм Рождества Христова был полностью разрушен и уже больше не восстанавливался [15, с. 80] (схема 4 на вкл. VI—VII).

Вновь отстроенный после 1667 г. коллегиум иезуиты называли «скромным» [16, с. 82]. При строительстве ими были максимально использованы все пригодные материалы, собранные в развалах довоенных зданий, и уцелевшие кирпичные конструкции.

Большинство построек коллегиума как и прежде были деревянными, но теперь среди них появился и первый каменный корпус, он был построен после пожара в 1682 г. и в нём была устроена библиотека, Ежи Пашендой она названа *turowana częśc biblioteczna* [74, с. 526]. Послевоенные постройки иезуитов концентрировались на месте прежних зданий. На месте разрушенных могил, вероятно, был пустырь или устроен огород.

В 2003 г. развалы печей, стоявших в деревянных зданиях коллегиума XVII — начала XVIII вв., были обнаружены Д. В. Дуком. Остатки самих построек не сохранились, поскольку это были деревянные срубы на высоком основании. Одна из печей была сложена

из «ковровых» и «иезуитских» изразцов, а в забутовке её пола были найдены обломки керамических форм, применявшихся при изготовлении «ковровых» изразцов, причём в развале одной из печей был найден геральдический изразец конца XVII в. с измененным гербом «Любеч» рода Шантыров, двое представителей которого (Винцент и Ян) являлись иезуитами.

Полы перед печами многих построек коллегиума были выложены терракотовой плиткой толщиной 3—3,5 см со стороной квадрата от 15 до 30 см. Среди находок половой плитки квадрат был наиболее распространённой формой изделий. Такие плитки были использованы на постройках «скромного коллегиума» [16, с. 97]. Также во время строительных работ и археологических исследований в разных частях территории коллегиума были обнаружены единичные экземпляры лекальных половых плиток пола. Они датированы XVII — началом XVIII вв. Они были такой же толщины, как и квадратные изделия. Некоторые из них имели сложные очертания со скошенными гранями. Их форма напоминала узор «коврового» изразца. Не исключено, что многие из них сняты с полов довоенных построек. Это были терракотовые шестиугольные изделия, найденные возле корпуса «А» в 2002 г. Аналоги подобным квадратным и шестиугольным изделиям известны в Могилёве и Орше [1, с. 319; 38—40].

Найденная в 2003—2010 гг. Д. В. Дуком деревянная постройка могла иметь в прошлом хозяйственное назначение (схемы 1 и 4 на вкл. II, VI—VII). Сруб от неё был обнаружен напротив замурованного входа в корпус «Г», ранее она располагалась на ул. Батечковой. Это была, скорее всего, однокамерная постройка с сенями (?). Брёвна её были соединены в «чистый угол». Лучше всего сохранилась её западная часть, поставленная на глинистом материковом слое, которая была заглублена во влажный культурный слой. Возможно, это была одна из первых построек возрождаемого после войны (1654—1667) коллегиума (схема 4 на вкл. VI—VII).

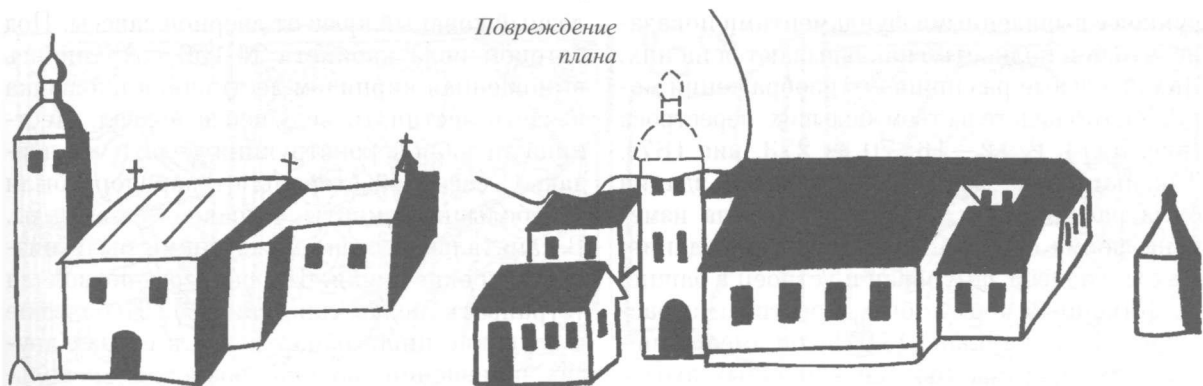

Рис. 5. Прорисовка очертаний здания коллегиума с планов Полоцка 1707 (слева) и 1720-х гг. (справа)

При строительстве каменного корпуса «скромного коллегиума» подвал в здании занимал только его западную часть. Благодаря включенной в его состав части свода середины XVII в. он обрел Г-образную форму. По конструкции построенный подвал был аналогичен старому: он имел массивный низкий свод толщиной в кирпич. Посередине помещения изнутри здания был вход в подвал (фото 7 на вкл. I). На 1-й этаж выводил низкий сводчатый тоннель. В толще его стен были широкие ниши (фото 8 на вкл. I). Стены тоннеля были обмазаны раствором, сам свод тоннеля был выполнен в «ёлку» — это самый ранний образец подобной кладки свода в полоцком коллегиуме. Ступени лестницы и арки ниш были выложены малоформатным кирпичом-пальчаткой с косыми бороздами (рис. 4: 1, 2), таким же образом могли быть выложены и подоконники окон. Теперь толщина кирпича был 6—7,5 см. Кирпич ярко-красный, с четырьмя продольными штампованными бороздами. Углы между лицевой стороной и боковыми гранями многих изделий были вогнутыми (рис. 4: 4—8) [55, с. 73]. Так же использовали и малоформатные кирпичи (в основном в печах) (рис. 4: 14, 15, 18).

Позднее корпус неоднократно перестраивался. К южной оконечности подвала было пристроено ещё одно помещение, в результате этого он получил П-образную форму. Новое помещение было впущено в контур старых фундаментов. Свод его цилиндрический, кладка — тычковая (фото 11 на вкл. I). Толщина кирпича была от 7,5 до 9 см, ширина от 13 до 14,5 см. На кирпиче имеются 3—5 продольных полосок, прочерченных гребёной или пальцами (рис. 4: 13). По встреченному в засышке свода данного помещения изразцовому материалу его можно датировать концом XVII — началом XVIII вв. [55, с. 73].

Имеющееся окно в помещении, вероятно, прорублено позднее. Хорошо видны обложенные кирпичом откосы и выложенный ступенчатой кладкой подоконник. Таким образом, это был самый ранний образец окна-воздуховода подвала коллегиума. Позднее, при строительстве корпусов «А», «Б», «Г» (существующих и в настоящее время) и восточного крыла (которое не сохранилось) подобными окнами был оборудован весь подвал (схемы 1 на вкл. II; 3: а на с. 85; 5 на с. 86).

Так же было выяснено, что изолированный погреб или подвал, самый поздний по времени строительства, был и в юго-восточной части здания. Его пол был выложен массивной кирпичеобразной плиткой $17 \times 21 \times 6$ см. Она аналогична той, что найдена в кладке стен и полов корпусов середины XVIII в. В ходе изучения данной части здания выявлена перегородка толщиной в кирпич, остатков свода не найдено (фото 10 на вкл. I). Пол на 1-м этаже, вероятно, был деревянным и в целях пожарной безопасности обложен массивной плиткой толщиной 4—4,5 см. В той части здания, где не было подвала, некоторые стены были поставлены на широкие арки, чтобы при строительстве сэкономить кирпич и камень. Остатки подобных арок XVII — начала XVIII вв. обнаружены и в наружной южной стене корпуса «В» (фото 9 на вкл. I). За счёт постоянных перестроек толщина этой стены на уровне подвала увеличилась до 1,5 м [55, с. 74].

Произведённые на рубеже столетий перестройки привели к тому, что коллегиум стал важным звеном обороны на подступах к Верхнему и Нижнему замкам. Поэтому он и был изображён на планах 1707 и 1720 гг. Вместе с тем данные рисунки нельзя считать подлинными изображениями зданий с натуры из-за их схематичности. Сопоставление ри-

сунков с выявленными фундаментами показало, что они полностью накладываются на них. Значительные различия его изображений могут быть свидетельством больших перестроек (рис. 5) [4, с. 12—16; 70, с. 273, рис 187]. Так, например, вся восточная часть здания была расширена и перестроена, была изменена форма окон на западной части здания, а вход в подвал замурован и устроен в башне.

Каменный корпус был перестроен и расширен. Если на плане 1707 г. он имеет 2 небольших окна под кровлей и арочный вход в подвал, то на плане 1720 г. он с четырьмя высокими окнами на этаже. Входы, вероятно, располагались в западной, северной и восточной стенах. Его двускатная крыша была покрыта черепицей, фронтоны увенчаны крестами. Черепица XVII — начала XVIII вв. плоская с круглым торцом и шипом для навешивания на обрешётку, швы между пластинами промазывались раствором. Нередко пластины имели продольные борозды (рис. 4: 16, 17, 19). На рубеже столетий появляется и получает распространение волнистая (голландская) черепица, которая образовывала при навешивании более жёсткое и герметичное покрытие [16, с. 94; 67, с. 127—128].

Расположение коллегиума на ул. Батечковой, ведущей к главным замковым воротам — Красной башне, делало, как и раньше, коллегиум главным звеном обороны подступов Верхнего замка со стороны Великого посада. Каменное здание имело черты оборонительного сооружения. Южная стена была наиболее мощной и на уровне подвала достигала толщины около 1,5 м. Массивные своды подвала и 1-го этажа, даже во внутренних помещениях были толщиной в кирпич и выполнены тычковой кладкой, чтобы быть менее уязвимыми для мортир. В этих же целях вход в подвал был устроен в середине здания в виде сводчатого тоннеля.

Этот корпус закрывал построенную (или восстановленную на старом фундаменте) перед западным его фасадом высокую башню, которая могла использоваться как колокольня или смотровая вышка. Её основанием было помещение подвала с крестовым сводом. Башня была деревянной двух- или трехъярусной с полусферическим куполом и со шпилем. Снаружи она, возможно, была оштукатурена.

В результате всех перестроек в каменном здании к середине XVIII в. было 7—8 сводчатых комнат. В середине здания был коридор, в который выводила лестница из подвала: в толще стены до сих пор сохранились остатки ее низкого дверного проёма (схема 1 на вкл. II). В одном из откосов остался кованный же-

лезный кованный крюк от дверной завесы. Под бетоном пола кабинета № 159 сохранились вымощенная кирпичом лестничная площадка и часть лестницы, ведущей в подвал. Лестница подобной конструкции вела и на чердак. С северной стороны от коридора были 4 небольшие комнаты, с правой — две залы. В капитальной стене между ними были низкие глубокие ниши. Их размеры позволяли устраивать полки для книг (?). Небольшие и глубокие ниши обнаружены в стенах других помещений, но они, возможно, использовались для освещения и играли роль светоотражателей для поставленных в них светильников. Такие ниши часто встречаются в стенах коллегиума (XVII—XVIII вв.). Светильники представляли собой терракотовые или глазурованные изнутри конические сосуды, имеющие в донной части глиняную втулку для фитиля.

Одно из помещений, расположенное в северной части здания, было полностью изолировано от других. При изучении засыпки свода подвала под ним и остатков его стен никаких следов первоначального печного отопления или дымоходов обнаружить не удалось. Помещение имело отдельный вход, там, вероятно, была кладовая (сейчас это кабинет № 159).

Полы исследованных помещений были выложены небольшими терракотовыми плитками (схема 1 на вкл. II). По форме эти изделия близки к квадрату со стороной 17—23 см, толщина их от 2,5 до 5 см (рис. 4: 10). Выявленные просевшие полы возле «лусковой» стены показали, что они ориентированы по линии восток—запад. Стены и своды помещений были побелены. Следы побелки обнаружены как в нишах, так и на фрагменте свода, вмурованного в стену коридора. Высота комнат от плиточного пола до замка свода была 3,8—4,0 м. Все двери здания были плотницкой работы, т. е. сбиты из нескольких слоёв досок [55, с. 75—76; 60, с. 53—54].

В ходе перестроек полы здания были выложены более массивной плиткой толщиной 4—5 см со стороной 18 см. Некоторые из них имели остатки зелёной глазури (рис. 4: 9 на с. 20; схема 1 на вкл. II). Всего же было обнаружено около 5 видов кирпича, датированных XVII—началом XVIII в., которые применялись при перестройках.

В то же время, между 1705 и 1710 гг., в коллегиуме жил архитектор-иезуит Казимир Мателяковский, который мог участвовать в его перестройках.

Печи «скромного» коллегиума были сложены из разнотипных и разноформатных изразцов конца XVI — середины XVII вв.

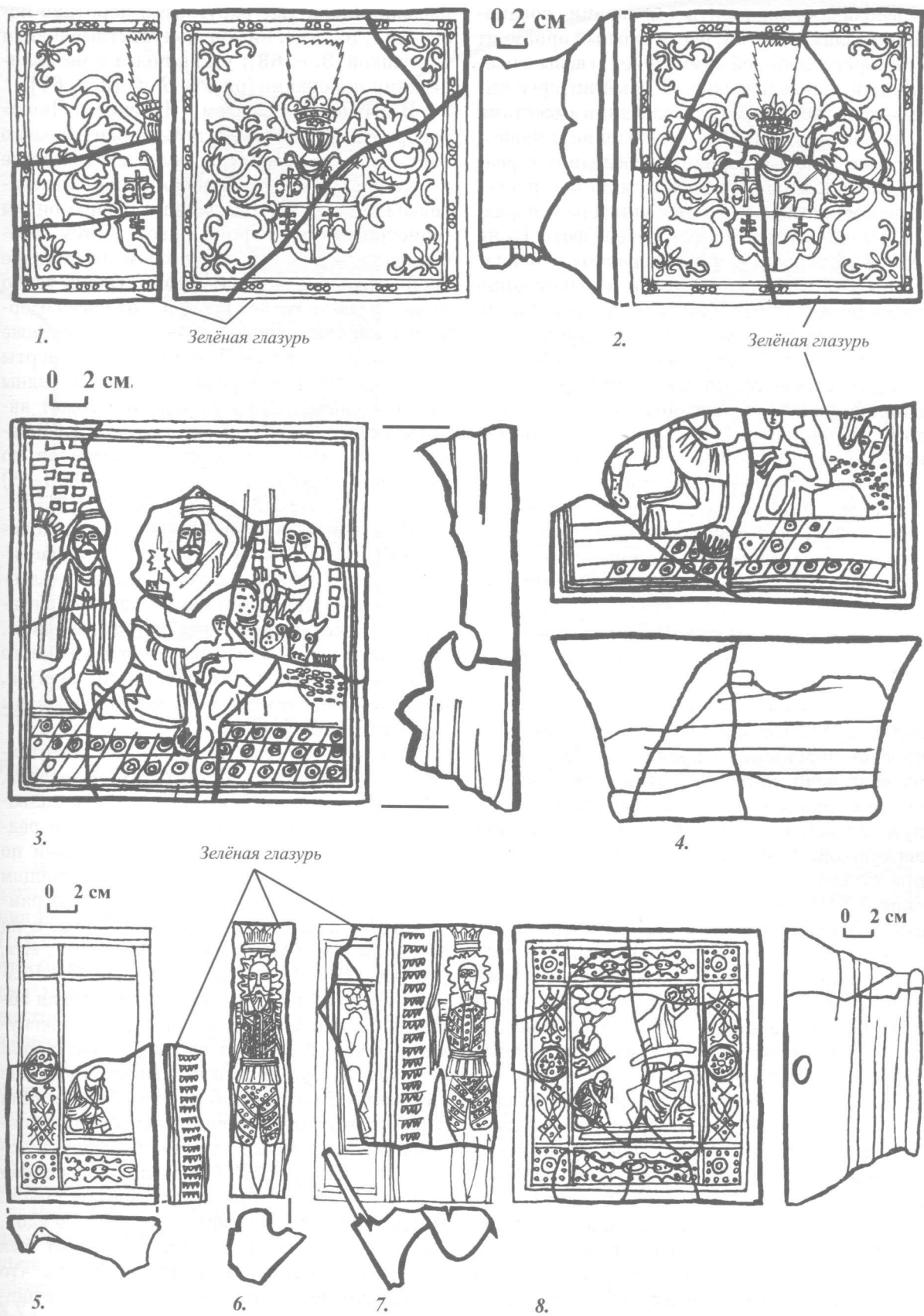

Рис. 6. Стенные изразцы с геральдическими и евангельскими сюжетами. Вверху — герб рода Друцких-Соколинских, в центре — «Поклонение волхвов», внизу — «Моление о Чаше» со скульптурой (Стефана Батория ?) в угловой части. Корпус «В»

Преобладали орнаменты с мотивами «кованого металла», розетки, растительный орнамент с четырёхсторонней симметрией, «вазы с цветами» и геральдические. Особый интерес вызывают пластины с евангельскими сюжетами «Поклонение волхвов» и «Моление о чаше», а также угловые варианты последних с реалистичным изображением мужчины в ренессансном костюме. Не менее уникальны изразцы для покрытия куполов печей (фото 15 на вкл. II). Среди найденных изразцов есть пластины для закладки щелей и выравнивания рядов разнотипных плиток по длине. Для их изготовления лицевая пластина сырого изделия надрезалась таким образом, чтобы при раскалывании получить ровный шов (рис. 3: 7). Ширина подобных изразцов составляла от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{5}$ ширины целой пластины. Большинство их было среди стенных изделий, но так же встречены они и среди карнизов и кровельных изразцов. Последние являются наиболее редкой находкой при археологических раскопках развалов печей. Из них выполнялся свод надставки колпаковой печи. Нагар на румпе свидетельствовал, что она не заполнялась глиняным раствором. Тем самым перекрытие печи делалось максимально лёгким и нагрузка на её стенки снижалась. Узор лицевой пластины подобных изразцов имитировал чешуйчатый орнамент, точнее, выкладку плоской черепицы на кровле здания. Поэтому верх печи, выполненный из таких изразцов, с внешней стороны напоминал 4-х скатную шатровую кровлю башни со срезанной верхушкой. Толщина швов между изразцами при строительстве печей в XVII—1-й половине XVIII вв. была до 1 см. Такие «обрезные» пластины изготавливали и позднее.

Изразец с изображением «Поклонения волхвов» наиболее ранний по времени изготовления. В одежде изображенных на нем людей хорошо прослеживаются элементы готического и ренессансного костюма, индивидуальные черты лица, динамичность и экспрессивность движения, тщательная проработка деталей окружающей обстановки. На переднем плане изображенной на изразце сцены видны сосуд с водой и пол из квадратных плиток, украшенных кругами. Реалистично показана плетёная из лозы изгородь загон для животных. За спинами волхвов видна кирпичная стена тычковой кладки с арочным дверным проёмом и спаренным прямоугольным (?) окном. Одежда волхвов несет ярко выраженные черты готического костюма: мантия — символ королевской власти [3, с. 47, 55]; штаны — своеобразные колготки с кожаными подошвами, в отличие от готических, изображённые на

изразце имели уже округлые и короткие носки [3, с. 52, 71]; низкие полукруглые шапки с опушкой [3, с. 63]; узкие пояса с металлическими набойками (рис. 6: 3, 4) [3, с. 67].

В изразце с сюжетом «Моление о Чаше» изображение занимает только центральную часть пластины, фигуры более схематичные и мелкие. Но вокруг хорошо видна дополнительная декоративная рамка с очень тонким геометрическим узором. Вместе с тем, изображение мужчины на угловом экземпляре очень подробно и реалистично. Очень точно проработан не только костюм, который содержит элементы готики и ренессанса, но даже его узор и пуговицы. Точно переданы черты лица, причёска и борода. За спиной видны складки плаща. Это изображение может являться портретом Стефана Батория, основателя коллегиума и покровителя иезуитов, но эта версия требует проверки (рис. 6: 5—8) [3, с. 47, 55, 59, 63, 67, 71, 73, 76, 77].

Изразцов середины XVII—1-й половины XVIII в. найдено очень мало. Это пластины с картушем и четырехугольным медальоном в одноступенчатой рамке, «ваза с цветами» в дополнительной восьмиугольной рамке. В культурном слое погреба, обнаруженного в юго-восточной части каменного корпуса, были найдены так же безрамочные изразцы с растительным узором.

В конце XVII в. прекращается изготовление популярных «иезуитских» изразцов, имевших надпись по овальному медальону вокруг монограммы. В этом смысле редчайшей находкой стал изразец, который по декору пластины можно датировать концом XVII—началом XVIII в. На нём монограмма ордена заключена в круглый веночек, а по сторонам поставлены латинские буквы: «S», «I», «K»(?), «P» (фото 13 на вкл. II). Возможно, это была латинская или польская аббревиатура полоцкого иезуитского коллегиума, вероятный вариант расшифровки: *Szkola Jezuitów Kolegium Połocki* (Школа Иезуитов Полоцкого Коллегиума). Место обнаружения изразца (и мелких зелёно-глазурованных обломков аналогичных пластин) — одно из помещений корпуса «Ж» (бурса, построенная в конце XVIII в.) при шурфовке под полом. Нетронутая стратиграфия культурного слоя, где встречена часть изразца (фрагмент был найден в отвале), позволяет полагать, что вблизи или непосредственно на месте существующего здания могла располагаться одна из деревянных построек «скромного коллегиума». Её возведение стало возможным по причине запустения юго-восточной части территории православного кладбища.

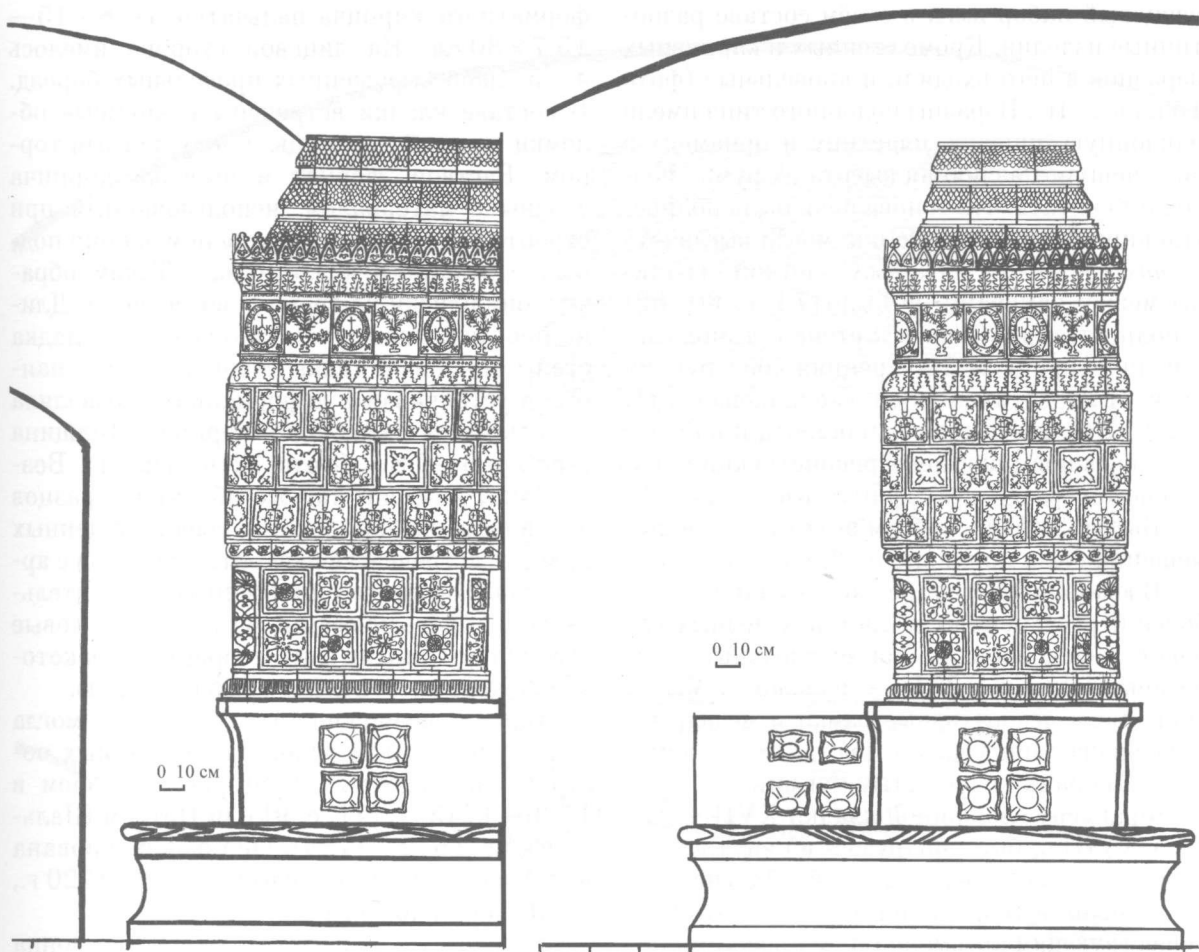

Рис. 7. Реконструкция комбинированной печи одного из помещений «скромного коллегиума», фундамент которой найден под полом корпуса «В»

Мисочных изразцов на территории коллегиума, которые употребляли при возведении печей в его зданиях, было найдено мало. Найденные фрагменты позволяют считать, что большинство из них имели квадратное или прямоугольное устье с нависающим во внутрь краем венчика. Но найдены так же и изразцы с круглым устьем.

Наблюдения за остатками печей «скромного коллегиума», обнаруженных в составе корпуса «В», позволяют полагать, что они могли устанавливаться как в топочном ярусе печи (рис. 7), так и в одном ряду с квадратными коробчатыми пластинами на боковых фасадах.

Найденные фундаменты печей и изразцы вторичного использования, позволили произвести реконструкцию их возможного убранства и формы конца XVII — начало XVIII вв. Основой для этих реконструкций стали также рисунки печей, выполненные архитекторами XVII в. [66, с. 115; 67, с. 148].

Одна из них была прямоугольной с квадратной надставкой. Нижний ярус имел выс-

туп, оформленный в виде скамьи с деревянной крышкой, и мисочные изразцы с квадратным устьем, вмурованные в свод и стенки топки [1, с. 346; 19, с. 20—21]. У пола она была прямоугольной, в плане $1,5 \times 2,0$ м, топка имела наклонный пол, об этом свидетельствовал оплывший глиняный бугор. Таким образом, нижняя часть печи была кирпичной и, возможно, побеленной. Кирпичом был выложен под топку и обвязаны её арка и углы (рис. 7). За счёт длинной топки и высокой надставки данная печь имела L-образную форму и по внешним контурам напоминала печи, изученные и реконструированные Ю. А. Зайцем [1, с. 347; 19, с. 56—57]. Возможно, она была *trzyskrzyniowej*. Топка примыкала с боку к печи, состоявшей из 2-х частей [73, с. 60, 62]. Нижняя была сложена из мисочных изразцов, верхняя — из коробчатых.

Другая печь была квадратной (у подножия $1,5 \times 1,5$ м) и топилась со стороны соседнего помещения, через печной проём. Её из-

разцовый набор имел в своём составе разнотипные изделия. Кроме стенных и карнизных изразцов в него входили и кровельные (фото 15 на вкл. II). Изразцы подобного типа имели наклонную лицевую пластину и орнамент в виде чешуи. Различная высота их румп⁷ позволяет считать, что основа печи была полностью кирпичной. Внешне она могла выглядеть *jednoskrzyniowej* поскольку чёткой границы между камерами не было [73, с. 60, 62] и полностью примыкать к стене с дымоходом и печным проёмом. Внутренняя конструкция печи была двухкамерная «колпаковая» [31, с. 23—24]. На основе фундамента и найденных изразцов проведена реконструкция возможного убранства её главного фасада (рис. 8).

Высота печей с учётом высоты сводов помещений была примерно от 2,5 до 3,5 м.

В южной и восточной частях здания, наиболее перестроенных, в составах печных наборов зафиксированы новые изразцы, датированные концом XVII — началом XVIII в. Они имели декоративные рамки и медальоны с изображением «вазы с цветами» и прямоугольные рамки с вогнутыми углами.

Фрагмент смешанной кладки XVII — начала XVIII в. был обнаружен во внутреннем дворике коллегиума в 2010 г. Дальнейшие исследования территории показали, что ни с существующим ансамблем ни с прежними постройками он не связан. Пласты земли, перекрывающие и примыкающие к развалу фундамента, содержат плитки пола, мисочные и «иезуитские» изразцы. Вполне вероятно, что это может быть столб от ворот в ограде, упомянутых в магистратских книгах 1704 г. [15, с. 73]. Эти ворота располагались на ул. Батечковой и в случае опасности быстро запирались, перегораживая путь к проезду Королевской башне Верхнего замка. Расположение их по центру южной стены каменного корпуса «скромного коллегиума» позволяло их держать под постоянным наблюдением и обстрелом в случае попыток неприятеля прорваться с ходу к воротам замка. Таким образом, у защитников замков появлялось дополнительное время для подготовки к обороне. Длительной осады коллегиум выдержать бы не смог (схема 4 на вкл. VI—VII).

Конец XVII — 1-я половина XVIII вв. были временем дальнейшего строительства. В ходе реконструкции фундамента существующего ныне корпуса «З» обнаружена сильно повреждённая смешанная кладка из крупно-

форматного кирпича-пальчатки 7—8×15—15,7×30 см. На лицевой стороне имелось 4—5 слабо выраженных продольных борозд. В составе кладки встречены и крупные обломки плоской черепицы с полукруглым торцом. Раствор, формат и выделка кирпича сходны с материалом, использованным при строительстве «впущенного» помещения подвала «скромного коллегиума». Таким образом, они близки по времени возведения. Длина прослеженного участка около 4 м, кладка стены тычковая, такая техника кладки наиболее устойчивая к деформациям, позволяла использовать расколотые кирпичи. Толщина стены 0,6—0,8 м (фото 12 на вкл. I). Возле стены найдены так же обломки изразцов вторичного использования, среди найденных пластин встречены фрагменты карнизов с аркатурным орнаментом и стенных с растительными и геральдическими мотивами, угловые экземпляры имели одну сторону терракотовую, а другую — зелёно-глазурованную.

Вполне возможно, что эта стена могла быть фундаментом одной из деревянных построек, возведённых Григорием Шиллом в 1726—1745 гг. [41, с. 9] или Петром Шальчинским (1672—1734). Она зафиксирована на плане, который А. Белый датирует 1720 г., возле башни коллегиума.

В целом же иезуитский коллегиум конца XVII — 1-й половины XVIII вв. представлял собой обширную усадьбу, разделённую улицами на несколько частей. На южной её части (вероятно, по обеим сторонам ул. Мостовой) был разбит огромный сад, в котором стояли отдельные жилые и учебные здания. Большая часть застройки была сконцентрирована на ул. Батечковой. Там же преимущественно располагались и костёлы.

После 1667 г. вновь восстанавливаемый костёл переносится на место, где позднее будет построен костёл св. Стефана, более известный как Николаевский собор, взорванный в 1964 г. На плане Полоцка, датированном А. Белым 1720 г., он изображён в виде центрального здания с главкой. Известно, что в 1733 (1734) г. он был уничтожен русскими войсками, и в том же году, по мнению Ежи Пашенды, началось возведение нового костёла, будущего Николаевского собора, руководителем его строительства первые 2 года был Казимир Мателяковский. Начало строительных работ датируется иногда 1735 г. (схема 4 на вкл. VI—VII) [2, с. 258—259; 41, с. 9].

Новый костёл расположили к югу от продольной оси ул. Батечковой, таким образом, чтобы она проходила между ним и кирпичным зданием коллегиума. Размеры костёла делали

⁷ Румпа — коробчатый выступ на задней стороне изразца, предназначенный для его закрепления в кладке печи или стены, заполняемый раствором.

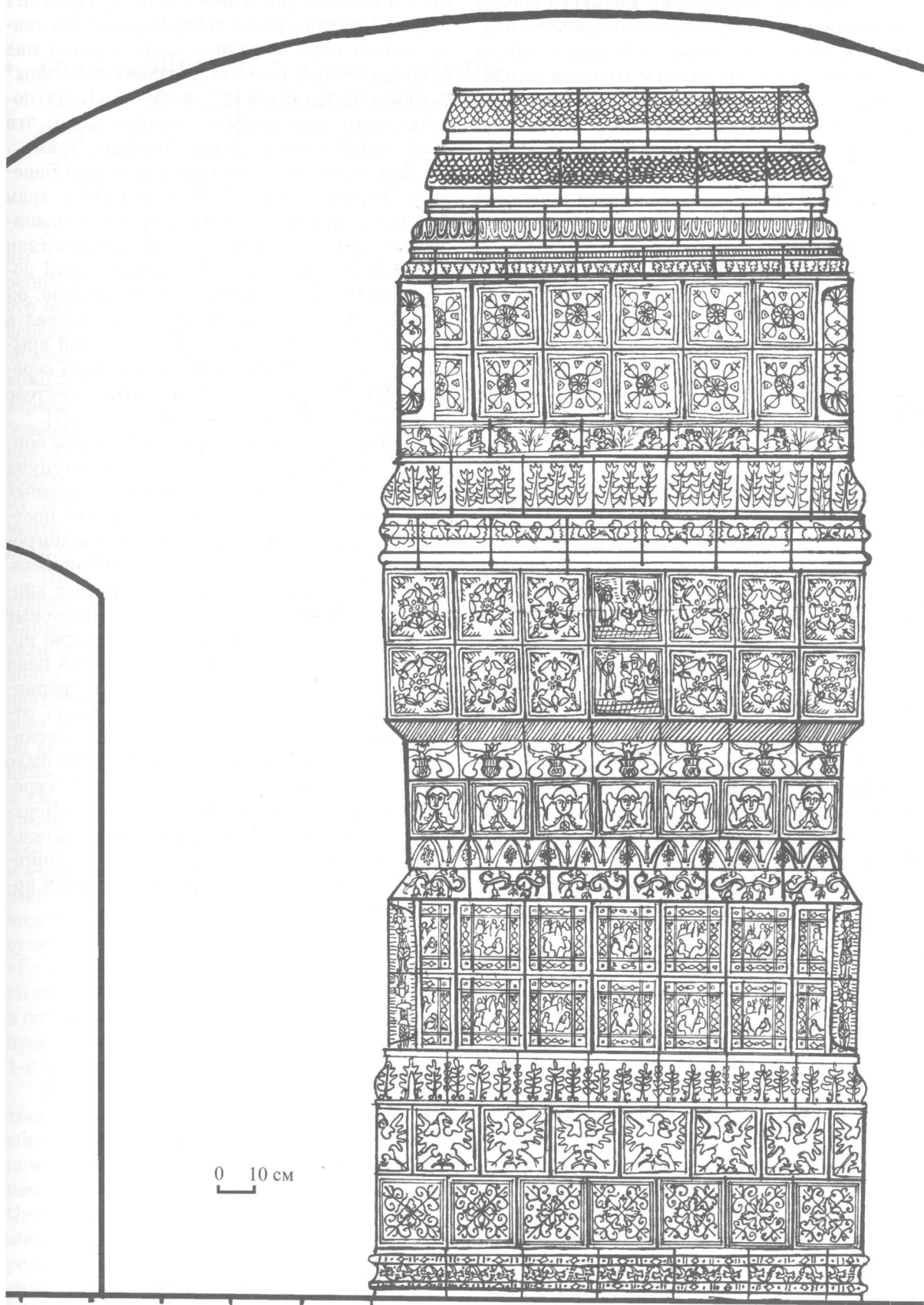

Рис. 8. Реконструкция печи-грубки (?) одного из помещений «скромного коллегиума», остатки которой найдены под полом корпуса «В»

его доминантой территории Великого посада и позволяли полностью контролировать подступы к Верхнему замку, с верхних ярусов колоколен просматривался и Нижний замок.

Необходимость возведения столь мощного сооружения требовала прочного основания, поэтому подошвы фундаментов были врезаны в материковую глину. Повышенная влажность и отвод грунтовых вод стали причиной создания дренажной системы для осушения котлована. Вполне возможно, что именно в это время были проложены первые подземные ходы. У подошвы толщина фундаментов достигала 4—5 м. Согласно плану 1828 г. подвал имел изолированные (поздняя переделка?) помещения с отдельными входами, расположенными за алтарями. Имеющиеся двери в южном и западном крыле, вероятно, более поздние, они прорублены на месте лестниц в подвал и боковых алтарей в толще стены.

Одной из деталей интерьера костёла являлись обширные П-образные хоры. В центральной части был расположен орган и окно с выходом на балкон, ответвления по сторонам предназначались для музыкантов. Боковые хоры открывались широкими, но низкими проёмами, имевшими перекрытия в виде сводов в четверть круга. Полы их были выложены массивной квадратной керамической плиткой [27, с. 59, 60], она была подобна той, что найдена в остатках погреба «скромного коллегиума». Двухъярусное расположение окон барабана было вызвано необходимостью высокого расположения конька кровли, поскольку для укладки черепицы требовался значительный уклон стропил, около 45°.

Распор, создаваемый сводами центрального нефа, частично гасился за счёт толщины

стен и столбов (не менее 1,5 м) и железных связей. Свообразными контрфорсами для центрального нефа являлись арки и своды над боковыми хорами, напоминая аркбутаны⁸ готических костёлов [27, с. 59, 60]. На послевоенных фотографиях хорошо видны эти срубленные арки и заложенные окна храма.

Фундамент и стены храма возводил Бенедикт Мезер в 1735—1738 гг. К 1745 г. храм был окончен в *w stanie surowym* (в незаконченном виде) и освящён. Под руководством архитектора Антония Лазуровича были построены башни, двери и окна. Возможно, он вместе с Бенедиктом Мезером участвовал в строительстве стропил первоначальной крыши и опалубки для куполов и сводов. К середине XVIII в. отделочные работы в костёле были в самом разгаре [2, с. 258; 41, с. 9].

Таким образом, после русско-польской войны 1654—1667 гг. территория коллегиума значительно расширилась, заняв 3 смежных квартала. Получили распространение постройки с каменными фундаментами и погребями, была возведена каменная библиотека. На ул. Батечковой появились ворота с кирпичными столбами, надёжно контролируемые с прилегающих построек. Строительство нового костёла, выдвинутого на передний план со стороны рынка, положило начало формированию нового облика улицы и стало отправной точкой при создании нового ансамбля коллегиума. Начало строительства было «ускорено» пожаром (или пожарами?) середины XVIII в. и постепенным упадком Верхнего замка, что было связано с окончательным переносом городского центра на торговую площадь и переселением на Великий посад городской элиты.

⁸ Аркбутан (франц. *arc-boutant*) — наружная каменная полуарка, передающая распор сводов главного нефа готического храма опорным столбам-контрфорсам, расположенным за пределами основного объёма здания.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО НЫНЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ (1747—1773)

Архитектура нового коллегиума середины XVIII в., в отличие от прежнего, была основана на совсем других канонах. Теперь это была не городская усадьба с отдельными деревянными и небольшими, утопающими в зелени, кирпичными постройками, а целый комплекс мощных кирпичных корпусов, где деревянные конструкции в целях пожарной безопасности имели минимальное применение. Со стороны реки Западной Двины эти корпуса образовывали развёрнутую панораму сплошных фасадов, соединённых монументальными оградами [2, с. 259; 6, с. 20; 7, с. 163; 25, с. 103].

Причиной начала нового масштабного строительства полоцких иезуитов стали пожары(?) середины XVIII в., которые привели к полному уничтожению коллегиума конца XVII — 1-й половины XVIII вв. Различия в датах начала строительства нового коллегиума (1747 и 1750 гг.), вероятно свидетельствуют о частой повторяемости пожаров, из-за чего и существует путаница в их датах. Так, например, В. П. Викентьев упоминает пожар 1750 г., который уничтожил не только коллегиум, но и часть города, и в этом же году стали строить существующие ныне корпуса «А», «Б», «В», «Г». Ежи Пашенда называет датой начала строительства существующих ныне корпусов «А», «Б», «В», «Г» 1747 или 1748 гг. При пожаре 1750 г., по его мнению, пострадали, строящийся костёл и библиотека, расположенная в каменном корпусе «скромного коллегиума» конца XVII — 1-й половины XVIII в. [74, с. 525].

Огонь выжег каменный корпус библиотеки «скромного коллегиума» изнутри. На обнаруженных просевших плиточных полах помещений до сих пор сохранились зола и пепел, которые остались после этого пожара. Они представлены чёрным рыхлым слоем толщиной 5—10 см в виде угля и золы от сгоревших книг. Плитки полов тоже оказались сильно закопченными [57, с. 42, 48; 74, с. 525]. В этом же слое найдены обломки изразцов, покрывшиеся при пожаре сажей.

Наблюдения за кладкой в местах соединения корпуса «В», в составе которого нахо-

дился сгоревший каменный корпус библиотеки, и трёхэтажными корпусами показали, что все эти здания строили одновременно. Никаких швов или следов пробивания позднее при строительстве штрабы⁹ в стенах между корпусами выявлено не было. Последняя была бы особенно заметна при устройстве сводов. Таким образом, наиболее достоверная дата начала строительства — 1747 г. Данная дата указана Ежи Пашендой, который сообщает, что под руководством Якуба Руоффа в 1747—1749 гг. прокладывались дренажи, возводили стены кровлю и своды. На это же может указывать и монета, найденная в составе фундамента одной из печей корпуса «Г» («ДЕНГА» 1750 год) [56, с. 35]. Отсюда можно заключить, что строительство печей и отделка зданий велись, по крайней мере, до 1758 г. (дата указана В. Глинником), в то время (1752—1758 гг.) архитектором в коллегиуме был Томаш Жебровский (1714—1758), он же восстанавливал костёл, у которого во время пожара сгорела крыша.

Желание обезопасить себя от пожаров вынудило полоцких иезуитов-архитекторов к созданию оригинальной стропильной системы... из кирпича. В 1750 г. в Вильно на костёле св. Казимира были впервые созданы кирпичные стропильные фермы (*tuki ceglany*) (рис. 9). Они представляли собой полуциркульные арки, опиравшиеся на продольные стены между нефами храма. Снаружи стороны арок с помощью кирпичных прикладок образовывали равнобедренный треугольник с углами основания в 45°. Для максимального облегчения кладки над большой аркой была устроена меньшая, готическая. В 1753 г. подобные конструкции были установлены на центральных нефках полоцкого костёла [75, с. 491]. Данная идея была подана и осуществлена Томашем Жебровским, который тогда преподавал в Вильно и Полоцке.

⁹ Штраба (или штроба) — ступенчатый обрыв в кладке кирпичной стены, сделанный в расчете на ее продолжение по горизонтали. Так же называют паз в стене или в теле другой плоской конструкции, предназначенный для скрытой проводки инженерных сетей.

Теперь главный фасад коллегиума был расположен вдоль ул. Ильинской (Мостовой). Там же, в саду, был устроен и главный вход в здание. В связи с постепенной утратой Верхним замком роли главного административного центра улица Батечкова, ведущая к Красной (Королевской) башне, также начала терять свое значение на участке между площадью и замком. Воспользовавшись этим, в середине XVIII в. иезуиты добились её полной ликвидации и соединения кварталов, занимаемых их прежними усадьбами, что позволило в ходе строительства перегородить эту улицу корпусами трёхэтажного Е-образного главного здания (корпуса «А», «Б», «Г» и восточное, разрушенное ныне, крыло). Каменный корпус и остатки башни «скромного коллегиума», таким образом, так же потеряли своё оборонительное и представительское значение. Они оказались внутри комплекса. Включённые в состав корпуса «В», эти постройки вместе с трёхэтажными зданиями коллегиума образовывали замкнутый обширный двор с глубоким колодцем в его западной части.

Колодец, по описанию В. П. Викентьева, «опускался каменной трубой ... в 13 сажень» [6, с. 20] (глубина около 27—28 м). Таким образом, дно колодца располагалось примерно на одном уровне с дном Западной Двины, что позволяло обеспечивать коллегиум водой даже в засушливое время при понижении уровня грунтовых вод. Как показали раскопки, произведенные в октябре 2011 г., верхняя часть стен кирпичного оголовка колодца почти не перестраивалась, он начинался прямо под асфальтом двора. Раскопанная на глубину 2—3 м часть колодца представляет собой окружность диаметром около 2,32 м. Толщина стенок верхней части (оголовка) 1,1—1,2 м. В её юго-восточной стороне были вмурованы огромные кованые скобы длиной 0,5—0,55 м для спуска и чистки дна колодца. Каким было устройство подъёмного механизма сегодня можно только предполагать, так как ко времени перестройки коллегиума под кадетский корпус верхняя, наземная, часть колодца не раз переделывалась. Так при раскопках его заполнения встречены разновременные гнёзда, приготовленные для поперечных бревен подъёмных механизмов.

Остатки сгоревшей башни и библиотеки решено было сохранить и включить в запланированный на их месте одноэтажный корпус, где были пекарня, кельи музыкантов, пекарей, склады. Планируемый корпус должен был замкнуть концы трёхэтажного жилого здания и образовать обширный внутренний

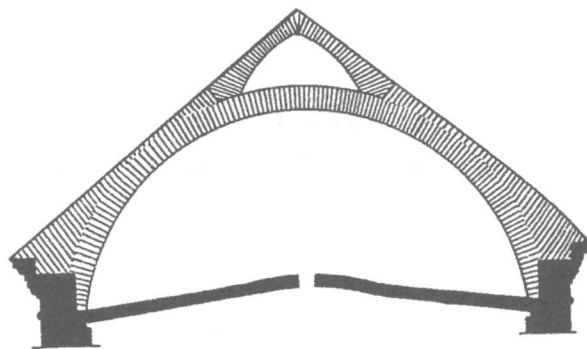

Рис. 9. Кирпичная стропильная ферма костёла св. Казимира в Вильно
Рисунок Ежи Пашенды

двор. В память о стоявших на его месте зданиях он стал называться иезуитами «старым коллегиумом» [11, с. 4, 5]. Вероятно, с этим же связано и убранство его фасадов. От прежних построек, вероятно, были заимствованы рустованные пилястры и отсутствие обрамлений у окон 1-го этажа. Здание не имело 2-го этажа, во двор «глядели» две мансарды. Западная мансарда имела наиболее богатое убранство, оно сохранилось и ныне — это сдвоенные плоские пилястры на простенках и массивные оконные обрамления. Восточная мансарда имела более скромное убранство — 2 окна и 3 ниши одинаковых размеров. Крыша корпуса была так же двухскатной и только в центральной его части она была четырёхскатной и большей высоты. Не исключено, что её форма могла быть ломаной. Теперь крыша здания была покрыта «голландской» черепицей. Новая черепица имела плавно изогнутую пластину и прямоугольный шип для навешивания на обрешётку. Таким образом она создавала очень жёсткое и прочное герметичное покрытие. На шипах её можно было встретить знаки мастеров-изготовителей. Часть стропильных ферм корпуса в целях пожарной безопасности была сложена из кирпича (рис. 10: 17, 18) [26, с. 15].

Приспосабливая обгоревшее здание бывшей библиотеки и остов башни к новому ансамблю, зодчие того времени столкнулись с очень серьёзной проблемой: северо-восточный угол каменного здания значительно выступал за линию торцевых фасадов трёхэтажного корпуса. Чтобы спрямить сгоревший корпус они были вынуждены почти полностью разобрать его внешние стены до подошвы фундамента. Полностью этого сделать не удалось, поэтому северный фасад нового корпуса (корпус «В») имеет ломаную линию, «спрятанную» с помощью рустованных пилястр 1-го этажа.

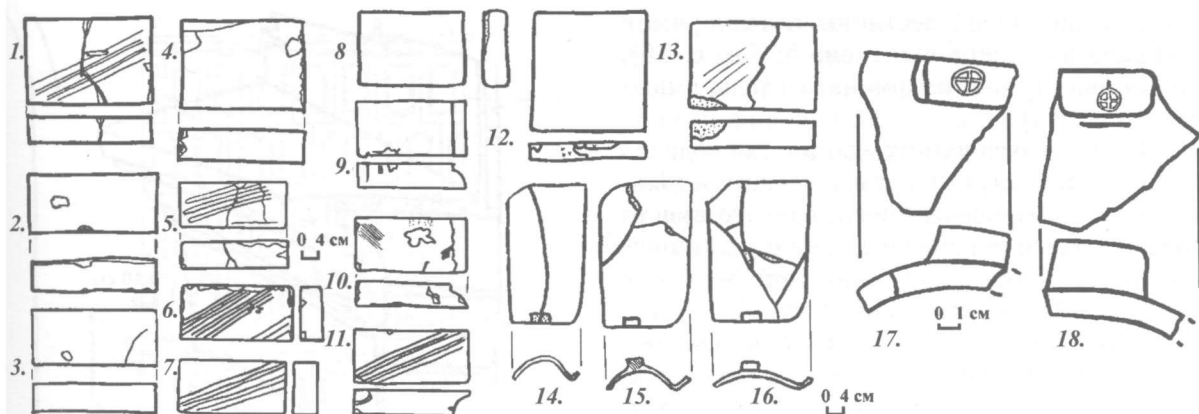

Рис. 10. Образцы кирпича, плиток пола, черепицы и клейм на шипах, найденные в корпусе «В»
Середина — конец XVIII в.

Вносились изменения и во внутреннюю планировку подвала «скромного коллегиума» [схема II на вкл. III]. Часть западной стены и северо-западный угол сгоревшего здания пришлось до подошвы фундамента полностью разобрать. Для этого под свод подвала была подведена новая каменная стена. Это позволило снять нагрузку со свода разбираемого участка стены старой постройки (схема 5: б на с. 86) [57, с. 51, рис. 10: а].

При строительстве нового здания остатки старой постройки были накрыты новым корпусом только на $\frac{3}{4}$ всей площади, таким образом, юго-восточная часть бывшей библиотеки сейчас расположена за пределами здания (схема 2 на вкл. III) [55, с. 75; 57, с. 42, 43, 49].

При строительстве нового корпуса был частично использован материал от разборки сгоревших зданий. Кирпич и половые плитки вторичного употребления зафиксированы в стенах и сводах многих помещений. Часть материала была использована при строительстве главного трёхэтажного корпуса. Так же и в корпусе «В» зафиксированы ряды половых плиток для выравнивания кладки, эти же плитки отмечены в составе перекрытия каналов «тёплых полов». Там же встречена и плоская черепица, снятая с кровли.

Кирпич середины XVIII в. имел 3—4 косые полосы, прочерченные пальцами во время его формовки. Размеры кирпича (см): 30—31×14—14,5×6,5—7,5; 30—31×15—15,5×6,5—7; 31,5—33×14—14,5×6,5—7; 29—31×14,5—15×6,5—7.

Кроме обычного в строительстве широко использовался и лекальный кирпич с вогнутым и выпуклым торцом. Этим кирпичом были выполнены карнизы под пятками сводов некоторых помещений в западной части корпуса «В», завершения рустованных

пилястр и внешние завершающие карнизы 1-го этажа и мансарды (рис. 10: 5—7; 9—11) [57, с. 42; 59, с. 75, 78; рис. 6—7]. Широкое распространение получили и массивные плитки пола, по толщине приближающиеся к кирпичу. Впервые они были зафиксированы при перестройках каменного корпуса «скромного коллегиума». Соотношение сторон этих плиток было 2:3 или 1:1 (рис. 10: 1, 4, 8, 12, 13). Они изготавливались до конца XVIII в. вместе с кирпичом.

Строившийся новый корпус имел подвал только в центральной части. В его состав были включены подвалы башни и каменного корпуса. Вокруг подвала башни так же было сложено несколько новых помещений. Первоначально старый и новый подвалы были изолированы друг от друга и имели отдельные входы со стороны северного фасада. Это были кирпичные лестницы, углублённые в землю и укреплённые подпорными стенками. Своды новых помещений подвала были также массивными цилиндрическими, иногда с распалубками, кладка их — тычковая (фото 21 на вкл. III; схемы 2 на вкл. III, 4 на вкл. VI—VII) [57, с. 44].

Стены подвала и внешняя поверхность фундамента имели смешанную кладку: чередовались 3—4 ряда кирпича с рядом валунов среднего размера (фото 17, 20 на вкл. III). Подошвы фундаментов были каменными. Теперь в подвале было семь окон: 4 на южном фасаде и 3 на северном. С восточной стороны среди помещений старого подвала была устроена изолированная комната с отдельным входом с восточной стороны. Возможно, это был тайник. Для тайника под восточными дверями и деревянным крыльцом коридора (сегодня аварийный выход) был устроен вход. В шурфах 2006 и 2008 гг. были прослежены

остатки кирпичной лестницы с подпорными стенками в полкирпича (схема 5: б на с. 86), по устройству она напоминала входы в подвал [57, с. 44].

В оставшихся частях здания, где подвала не было, основную нагрузку несли продольные стены. Шурфовка показала, что вместо большей части поперечных стен стояли мощные разгрузочные арки шириной 3—4 м и толщиной 1,5—2 кирпича (фото 18 на вкл. III). В северо-западной части здания имелось обширное подполье высотой около 1,2 м. Пролезая под разгрузочными арками, можно было проникнуть во многие помещения 1-го этажа, там же возле западной стены подвала был проложен сводчатый тоннель высотой 1—1,2 м, он проходил поперёк всего корпуса (фото 19 на вкл. III) [59, с. 75, 79]. Данный тоннель отводил производственные отходы из пекарни и квасной. Лаз в него располагался под южным фасадом корпуса, со стороны северного фасада тоннель завершалась арка, далее начиналась деревянная долблёная труба, отводившая стоки в русло Чёрного ручья. В подполье, расположенном под коридором, были устроены опорные арки-перемычки для лестниц, ведущих в мансарды (фото 22 на вкл. III). Они были очень массивными, толщиной в кирпич и выровнены сверху рядами тычковой кладки (схемы 2 на вкл. III, 3: а на с. 85, 5 на с. 86) [57, с. 49; 59, с. 80].

В западной части корпуса под мансардой располагался проезд во внутренний двор. Он имел высокий потолочный свод и низкие арочные проёмы, которые со временем были растёсаны. В правой стене проезда была неглубокая ниша, в которую привратник ставил фонарь при отпирании ворот.

С правой стороны проездной арки (если стать лицом во внутренний двор) располагалась келья привратника. Сегодня это единственное помещение колледжума со сводом в виде плафона. Толщина свода была в кирпич. Под сводом были оштукатуренный карниз из лекального кирпича и печь в северо-восточном углу. Это помещение соединялось как с трёхэтажным корпусом, так и с аркой проезда. Теперь там кафедра отечественной и всеобщей истории ПГУ.

Помещение за аркой проезда было тоже жилое, но от проезда полностью изолировано, их разделяла стена с тремя глубокими нишами. Оно было перекрыто цилиндрическим сводом толщиной в полкирпича, под пятами которого вытянут профильный известковый карниз, основой для него была кладка лекальным кирпичом (рис. 11) [57, с. 43]. Печь располагалась в северо-восточном поме-

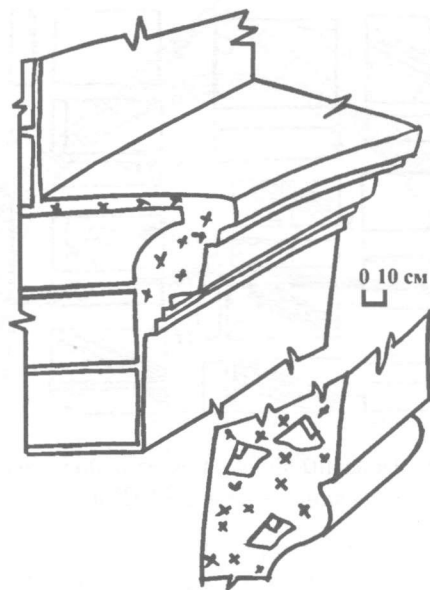

Рис. 11. Образцы карнизов. Вверху — по лекальному кирпичу середины XVIII в. Внизу — XIX в.

щении, на месте нынешнего входа был её печной проём и дымоход. Первоначальный вход в комнату был по центру восточной стены, при его строительстве, из-за невозможности уложить для основы карниза лекальный кирпич, в швы арочной кладки двери были забиты кованые костыли и укреплен деревянный брус. Сейчас в данном помещении кабинет декана радиотехнического факультета.

Центральная часть корпуса «В» была с двухсторонним расположением помещений, разделённых коридором. Большинство помещений являлись жилыми кельями. Каждая из них имела цилиндрический свод толщиной в половину кирпича. В торцевых стенах кельи были окно и дверь, ведущие в коридор. Возле окна и двери располагались глубокие ниши. Теперь это кабинеты № 156, 157, 158. Здесь жили пекари и находились их склады. Полы келий выполнялись либо из плиток, либо из кирпича (фото 25 на вкл. IV. Схемы 3 на с. 85 и 5: а, б на с. 86).

Каждая келья имела прямоугольную изразцовую печь, топившуюся со стороны коридора. В нижней части печей были кирпичные топки, в верхней (надставке) — от 3 до 4-х жаровых колодцев. Их конструкция напоминала печи келий корпусов «А» и «Г». Полы в кельях здания были плиточными, как и в корпусах «А» и «Г» [52, с. 58, 68, рис. 7; 53, с. 318].

С северной стороны коридора (сейчас в данном помещении деканат) располагался зал с двумя столбами, державшими крестовый свод с подпружными арками. Его первоначальное назначение неизвестно,

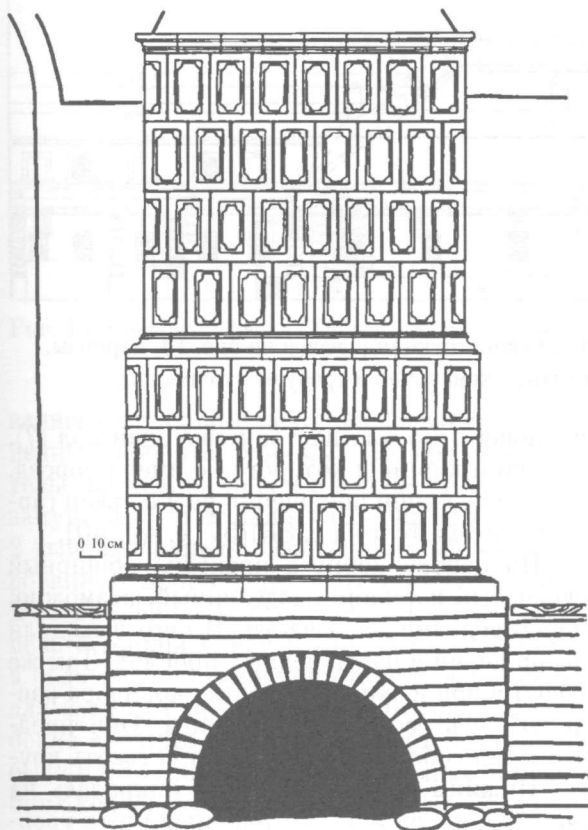

Рис. 12. Реконструкция убранства печи в зале с двумя столбами в корпусе «В»

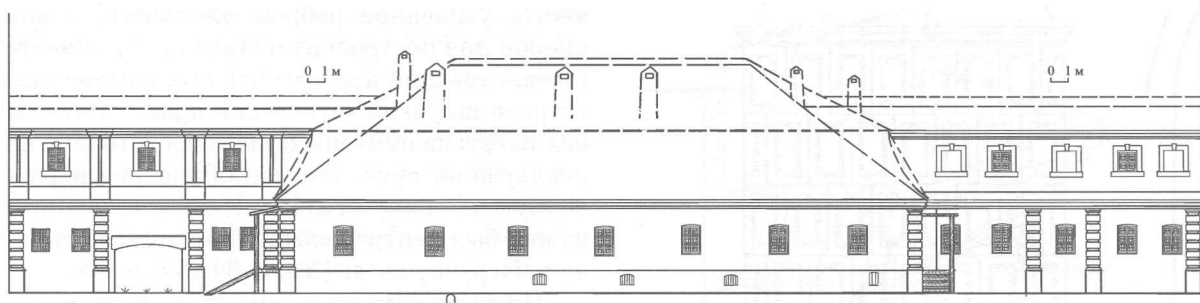
на плане 1828 г. тут отмечен хлебный магазин. Пол в зале был деревянным и, возможно, по верху он был обложен плитками для сохранения от пожара. В восточной и западной стенах зала имелись двери (схема 3: а на с. 85). В западной стене были вход и печной проём для топки печи соседнего помещения. В восточной стене, кроме входа в соседнее помещение, был низкий арочный проём неизвестного назначения, возможно, через него подавались дрова для печи. Этот зал не имел выхода в коридор. В южной стене были две широкие ниши, а в северной — 2 окна (схема 3: а на с. 85). Печь располагалась в центре зала между столбами таким образом, что обогревала зал всеми четырьмя стенками, её дымоход располагался возле центральной оси свода, в стороне от стен 1-го этажа. Необычность такого её расположения вызвана тем, что кирпичная стена мансарды, в которой продолжался вертикальный дымоход, завершавшийся трубой, была поставлена на ребро жёсткости свода. Для этого строителями корпуса была разработана оригинальная конструктивная система, они рассчитали расстояние между столбами таким образом, что центральная ось свода (наиболее прочное его

место, усиленное ребром жёсткости) стала опорой под построенную выше стену. Вместе с тем, чтобы не перегрузить его, в стене был устроен широкий готический проём, а основная нагрузка от стены была сосредоточена на подпружной арке. Это же объясняет и различную толщину столбов. Наиболее мощным из них был центральный, он принимал основную нагрузку свода [54, с. 61; 57, с. 45].

Необычной была и сама печь. В подполье помещения была обнаружена часть её арочного фундамента (фото 23 на вкл. IV). С восточной стороны он имел своеобразные контрфорсы, предохранявшие печь от сползания под разгрузочную арку стены. Они представляли собой булыжную кладку на растворе. Сама печь была полностью кирпичной и обложена стенными изразцами с пластинами $18 \times 34 \times 8,5$ см (рис. 18: 13). Изразцы имели профильные ниши и коричневую глазурь с жёлтыми пятнами (фото 58а, 58б на вкл. VIII). Для переходов между ярусами использованы 3 вида карнизных изразцов. Наибольшие из них были длиной 42 см, их румпа имела дополнительную перегородку, чтобы сохранить изделие от деформации во время сушки и обжига. Проём кирпичной топки был ориентирован устьем на нишу в южной стене зала. Сама печь была полностью кирпичной, завершал её высокий белёный шатёр, который вёл в дымоход стены мансарды (рис. 12) [57, с. 45—46]. Таким образом, зал обогревался всеми сторонами печи.

Следовавшее за ним сводчатое помещение с одним окном, возможно, соединяло зал с коридором. Шурфовка подполья показала, что это помещение не имело печного отопления, под полом проходил сводчатый кирпичный тоннель из пекарни и квасной (схема 5: б на с. 86). Возможно, в помещении имелись отверстия для слива отходов в него. Пол его был деревянным и, возможно, по верху был обложен плитками для предохранения от пожара. Сейчас в данном помещении устроена лестница на 2-й этаж.

В северной части здания возле восточного конца коридора располагалась полностью изолированная от всего здания комната. Она имела отдельный вход с улицы. Возможно, что над дверью была стеклянная полукруглая (?) фрамуга для её освещения. Дверной проём, вероятно, был уже фрамуги, возле позднейшей закладки данной стены видны кирпичи первоначальной срубленной кладки и забутовка черепицей штукатурного слоя стены. В восточной стене сохранилась ниша, для кладки которой был использован кирпич от разборки «скромного коллегіума». Это по-

Рис. 13. Южный фасад корпуса «В» в середине XVIII в. Реконструкция (здесь и на рис. 14. карнизы, трубы и деревянные конструкции крылец показаны схематично и требуют уточнения)

мещение, также как и расположенная рядом келья, имело плиточный пол. Плитки были сняты при разборке старого сгоревшего корпуса библиотеки. Примет печного первоначального отопления в помещении не обнаружено. Скорее всего, здесь был склад, теперь это кабинет № 159 [57, с. 42].

Изучение кладки стен и свода показало, что здесь, возможно, некоторое время сохранялся сводчатый вход в подвал сгоревшей библиотеки. Низкая арочная дверь располагалась со стороны коридора как прежнего, так и нового здания. Но скоро он был разрушен, и до сих пор в толще свода сохранились остатки выломанной стены. Об этом же свидетельствует и замурованная побеленная штукатурка южной стены на месте срубленной пяты свода тоннеля «скромного коллегіума», ведущего в подвал.

Пекарня и квасная располагались в юго-западном углу центральной части корпуса. Первоначально они не имели выхода в главный коридор. Это было обширное сводчатое помещение с квадратным столбом в центре, на котором держался крестовый свод. В наружных стенах имелись 4 окна. Вполне возможно, что на месте окна квасной была дверь во внутренний двор. В северной стене возле печи была сделана ниша для посуды. Дверь в помещение была в восточной стене из соседней кельи. Печь занимала четверть помещения и была спрятана за столбом. Никаких сведений об её убранстве найти не удалось. Из конструктивных элементов её верха сохранились повреждённые ниша и оконце для чистки дымохода на чердаке. Фундамент её строился вместе с корпусом и представлял собой мощные стены и арки. В образованном ими пространстве был устроен небольшой склеп с кирпичным полом, лаз в него был со стороны квасной. Там же проходил и тоннель для слива отходов, для чего в своде имелись отверстия. Пол в помещении, устроенный на песчаной подушке, был плиточным и кирпичным (фото 24 на вкл. IV). Немного поз-

же поверх его был настлан ещё один пол (?), плитки и кирпичи которого не имели борозд. Сейчас в данном помещении расположен гардероб (схема 5: а на с. 86) [57, с. 49, 50].

По центру корпуса проходил обширный сводчатый коридор, разделенный, возможно, перегородками на 3 части. В него выходили двери келий и часть печных проёмов. Там же в восточной и западной частях коридора располагались сводчатые лестницы. Они представляли собой мощные арки в четверть круга. Нижним концом лестница опиралась на арочную перемышку, устроенную ниже уровня пола на выступах стен, верхним концом она опиралась на свод, возможно, усиленный подпружной аркой или капитальной перегородкой. Возможно, что в восточной части коридора была лестница в подвал, которая вела в помещение, где сейчас находится электропитовая. Полы в коридоре были плиточными, в западной его части под ним было подполье, аналогичное тому, которое было под залом с двумя столбами, через него проходил и тоннель из пекарни. В западной и восточной стенах коридора были входы в здание, возможно, что над дверями были стеклянные фрамуги для его освещения. В состав восточной части коридора были включены большие фрагменты стен и часть свода корпуса сгоревшей библиотеки (схема 5: б на с. 86) [57, с. 49].

В восточной перемышке, соединявшей «старый коллегіум» с трёхэтажным зданием, было устроено жильё для музыкантов. Это были две симметрично расположенные сводчатые кельи с тремя окнами в противоположных стенах. Двери келий вели в небольшие сводчатые сени.

Вход в сени был с севера, а окно в южной стене. Перед ним в своде был квадратный лаз в мансарду около $1,5 \times 1,5$ м с деревянной винтовой лестницей [54, с. 69, 70; 57, с. 48, 49].

Планировка келий была симметрична: в боковых стенах имелось по 3 окна, в стенах, смежных с сенями, были двери, ниши и дымоходы. Первоначально проектом предусматри-

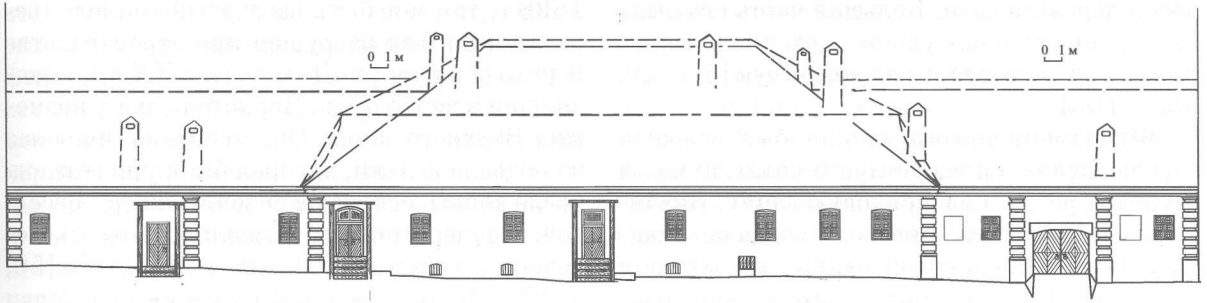

Рис. 14. Северный фасад корпуса «В» в середине XVIII в.

вались одинаковые печи, обогреваемые через печные арочные проёмы. Во время строительства печной проём в западной келье был замураван. Со стороны кельи были устроены 2 дымовых канала. Один из них вёл от замураванного проёма, другой от плиты или очага. В восточной келье была устроена изразцовая печь с топкой внизу и жаровыми колодцами в надставке. В северной стене каждой кельи для будущих печей были подготовлены глубокие арочные ниши. Полы всех помещений были плиточными, как и в остальных помещениях коллегиума. Восточная келья была проходной: дверь из неё вела в восточное крыло нового трёхэтажного здания, по бокам её были две ниши (сейчас это кабинеты № 160, 161, 162) (схема 3: а на с. 85).

«Старый коллегиум», как называли в то время корпус «В» иезуиты, был одноэтажным. Изломы фасадов и углы украшали рустованные пилястры. Стены завершал венчающий карниз, выложенный лекальным кирпичом. Во внутренний двор коллегиума «глядели» две мансарды, расположенные над западной и восточной перемычками корпуса. Они примыкали к крыльям трёхэтажного корпуса коллегиума. Фасад западной мансарды имел 3 окна и роскошное убранство в виде сдвоенных пилястр, массивных обрамлений окон с замками и венчающим карнизом. Фасад восточной мансарды был скромней — 2 окна и чередовавшиеся с ними 3 ниши в массивном обрамлении (рис. 13).

Все помещения 1-го этажа были сводчатыми и побеленными. Окна имели свинцовые переплёты и прямоугольные пластины зелёного «холявного» стекла. Двери помещений были сбиты из нескольких слоёв досок («футрованные»), они навешивались на металлические крюки, которые первоначально вмуровывались в кладку дверного проёма [16, с. 199], позднее их просто стали забивать в деревянную дверную коробку.

Западная мансарда соединяла 2 корпуса. Через неё проходили дымоходы 1-го этажа.

Над западной частью коридора перед лестницей была небольшая площадка, соединенная с мансардой упомянутым выше низким готическим проёмом, последний мог быть частью аркады кирпичного основания деревянных стропил здания. Теперь там кабинеты кафедр мировой литературы (схема 5: а на с. 86) [54, с. 61].

Восточная мансарда тоже была проходной, но соединяла кельи музыкантов с основным коридором «старого коллегиума», где жили пекари. Через неё так же проходили дымоходы 1-го этажа. При изучении мансардной стены со стороны помещения была выявлена её перевязка с трёхэтажным (взорванным) восточным крылом. Так же обнаружены откосы первоначальных окон и ниши над местом расположения деревянной винтовой лестницы из сеней 1-го этажа. В восточной части коридора была площадка перед лестницей, из мансарды на неё вёл обычный дверной проём [54, с. 70; 57, с. 48—49]. Теперь там большая аудитория (схема 3: б на с. 85).

Основная часть крыши имела кирпичные и деревянные стропильные конструкции. Центральная часть крыши имела более высокий конёк, а мансарды — более низкий. Покрытие крыши было из волнистой черепицы, а над ней высились 12 труб (рис. 13, 14). У восточной и западной перемычек коньки крыш могли быть смещены ближе к стенам мансард, таким образом, они не закрывали архитектурных элементов трёхэтажных корпусов. Вполне возможно, что центральная, более высокая часть крыши здания, была (мансардой) ломанной. При таком её устройстве скаты делились изломами на две части: верхнюю — более пологую, и нижнюю — с крутыми (нередко вогнутыми) стенками.

Главный Е-образный трёхэтажный корпус (корпуса «А», «Б», «Г») строился одновременно со «старым коллегиумом», о чём свидетельствует перевязка швов стен и сводов. Он располагался на отдалении от «красной линии» ул. Мостовой и был отделён от неё по-

лосой деревьев сада. Большая часть его была на южной стороне улицы, доходя до ската террасы, на которой стоял коллегийум [6, с. 20; 25, с. 103].

Фундамент нового здания был заложен глубже фундаментов «старого коллегийума» и глубоко врезан в материковую глину. Значительной была и глубина пола подвала. Мощный пласт материковой глины, на котором находился весь ансамбль, вызвал необходимость устройства обширной системы дренажей, поскольку с 1-х дней строительства началось подтопление котлована грунтовыми водами [2, с. 258, 259; 41, с. 9].

Сама дренажная система была деревянной и заглублялась в глиняное дно котлована. Её главные магистрали были проложены под булыжными полами подвальных коридоров и помещений корпусов «А» и «Г». В местах их поворотов и ответвлений магистральных труб располагались колодцы, представлявшие собой неглубокие квадратные срубы или бочки. Сами же трубы имели вид долблёных полукруглых лотков с плоскими крышками, сверху их перекрывал пол из мелкого булыжника на утрамбованной песчаной подушке (фото 29 на вкл. IV). Дренаж подобной конструкции обнаружен археологом П. А. Русовым возле корпуса «В», но он его датировал по стратиграфии более поздним временем [50, с. 259—260]. За счёт песчаной подушки происходила фильтрация воды, и булыжная поверхность пола подвала была практически сухой (фото 29 на вкл. IV). Отфильтрованная песком вода по лоткам выводилась за пределы здания. Для этого в подошве фундаментов стен были сделаны небольшие арочные оконца $0,5 \times 0,6$ — $0,7$ м (фото 26 на вкл. IV). При их строительстве дренажная система не затрагивалась. На откосах дренажных бойниц под арками видны выступы кладки, на которые ставили подвижную опалубку, и по мере выкладки и высыхания арки передвигали её дальше. Это позволяло сохранять дренаж при строительстве без повреждений. Таким образом, с момента закладки подошв фундамента было обеспечено эффективное осушение дна котлована. Оконца для труб дренажа располагались таким образом, что над полом подвала могла выступать только кладка их арок. Эти оконца для труб располагались в основном в южной наружной стене корпуса «А». Они позволяют судить, что основные стоки дренажей были ориентированы на Западную Двину. Архитекторами и строителями коллегийума, вероятно, в качестве аварийного стока для воды была предусмотрена линия дренажа в сторону Чёрного ручья. Судя по плану

1828 г. там мог быть сводчатый тоннель (вероятно, он был разрушен при строительстве перехода в корпус «Д» в начале XX в.), выводивший влагу в русло Чёрного ручья у подножия Верхнего замка. Он, возможно, имел лаз из подвала аптеки, которая была уничтожена после войны, сейчас на её месте сквер с беседкой. Размер тоннеля позволял пролезть человеку и тайно проникнуть в коллегийум [58, с. 22, 23]. Вместе с тем во время прокладки в 2010 г. строительных траншей по данной территории никаких примет существования данного подземного тоннеля обнаружено не было. Возможно, он проходил намного глубже. Габриель Ленкевич и Антоний Лазурович, вероятно, первое время контролировали состояние новых зданий, руководя текущими ремонтами (схема 4 на вкл. VI—VII) [41, с. 9].

Подвалы имели преимущественно коридорно-анфиладную планировку. Поперечные стены между помещениями были заменены на мощные разгрузочные арки, поставленные на булыжные подошвы фундаментов (фото 32, 35 на вкл. IV, V) [58, с. 21, 22]. Их пяты, как и стены зданий на уровне подвала, достигали в подошве толщины 2,5 м. Некоторые арки были перегорожены и превращены в глубокие ниши.

Часть подвала под кухней могла использоваться как ледник. Она была изолирована от остальных помещений и имела отдельный лаз $1,5 \times 1,6$ м со склада кухни в виде квадратного люка с деревянной винтовой лестницей (фото 36 на вкл. V). Так же данная часть подвала была оборудована отдельным дренажом для слива талой воды. Этот дренаж был соединён с главным каналом через оконца в продольной стене. Во внутренний двор из подвала кухни выходили 3 небольших окна.

Сами помещения подвалов всех корпусов были не оштукатурены и использовались как склады (фото 32 на вкл. IV). Окна были своеобразными воздуховодами, они имели только железные решётки из толстых прутьев и ставни (фото 30 на вкл. IV), подоконники были выполнены ступенчатой кладкой. Таким образом, движение воздуха не допускало распространения сырости, как в подвале, так и на 1-м этаже. Высоко поднятые подоконники и щелевидные очертания проёмов надёжно защищали подвал от атмосферных осадков и уличного мусора, но при этом освещение подвала было крайне слабым. Ныне очертания первоначальных окон восстановлены в восточной части корпуса «А» в подвале картинной галереи.

Так же были изолированы и помещения подвала под туалетами, располагавшимися на

всех трёх этажах здания (на сегодняшний день это единственные помещения коллегииума, функциональное назначение которых за 260 лет ни разу не изменилось). Подвальное помещение, располагавшееся под туалетами корпуса «Г», имело отдельный вход с улицы (на его месте сейчас замурованное окно) и свой сточный канализационный тоннель, проложенный, вероятно, немного позднее, чем было построено здание (фото 28 на вкл. IV). В изолированной комнате скапливались нечистоты из туалетов всех трёх этажей. Часть из них удалялась по жёлобу, позднее тоннелю, часть выгребалась лопатами вручную [58, с. 23]. Таким образом, эти изолированные помещения под туалетами могли использоваться в качестве отстойников.

Стены корпусов были толщиной от 1,5 м в подвале и до 1,1 м на 3-м этаже, их толщина уменьшалась за счёт уступов на внешней стороне фундамента. У подошвы они достигали толщины около 2,0 м за счёт ступенчатой кладки или широких выступов на половину кирпича или на целый кирпич. Таким образом, за счёт уступов и арочных ниш, архитекторам удалось создать жёсткую и относительно лёгкую конструкцию зданий. Окна 3-го этажа корпусов «А» и «Г» имели, вероятно, разгрузочные арки. Первоначально строители возводили полукруглую арку, пяты которой были возле пилястр. Потом снизу подводили пилоны и определяли нужную ширину оконного проёма.

Своды подвалов и этажей корпусов «А» и «Г» в большинстве своем были крестовые или цилиндрические, с распалубками. Они выложены в «ёлку» и усилены подпружными арками. Такой способ кладки облегчал подтёску кирпича в местах соединения основного лотка свода с распалубками для окон и дверей. Под пятами сводов и арок подвалов корпусов «А», «Б» и «Г» до сих пор сохранились выступы шириной от 3 до 7 см для установки опалубки. В северной части на некоторых сводах сохранилась известковая обмазка с отпечатками досок опалубки середины XVIII в. Там же обнаружены и сами доски, вмазанные в раствор, представляющие собой колотые плахи (фото 32, 33, 35, 37 на вкл. IV, V). Доски опалубки, зажатой между подпружной аркой и кладкой свода, обнаружены и на корпусе «Г» [52, с. 56; 58, с. 21, 22].

Эти находки позволяют лучше понять технологию кладки арок и сводов XVIII в. Благодаря тому, что опалубка опиралась на выступы стены, внизу оставалось свободное пространство для работы, покрытие кружал было двухслойным. Нижний слой крепился

жёстко, верхний просто накладывался из обломков плах и досок, неровности выравнивали раствором. Вполне возможно, что доски опалубки также смазывались маслом (?) для того, чтобы избежать их прилипания к раствору. Таким образом, данное покрытие под кирпичную кладку обладало определённой эластичностью, позволявшей избегать деформаций и трещин свода при высыхании и усадке здания. При снятии опалубки оно также позволяло избежать прилипания последней к своду. Практически все крестовые и цилиндрические с распалубками своды коллегииума были выложены в «ёлку». Своды подвалов делали толщиной в кирпич. Своды лестниц тоже выкладывали в «ёлку» под наклоном на стенах сохранились выступы для опалубки (фото 33 на вкл. IV), места переходов между сводами лестницы и площадки усиливались подпружными Т-образными в сечении арками. Своды этажей были более облегчёнными. В ходе их кладки массивными делали только «рёбра жёсткости» (гурты), расположенные на осях и диагоналях свода, они были толщиной в кирпич. Образовавшиеся между ними ячейки заполнялись кладкой толщиной в полкирпича, отдельные своды были выполнены толщиной в кирпич.

Таким образом, своды на этажах напоминали устройство готических сводов, только вывернутых наизнанку. Нервюры — «рёбра» жёсткости — располагались с внутренней стороны [52, с. 56]. Основная нагрузка такой кладки приходилась на углы помещений и центры простенков, распор от них приходил не на все стены, а на определённые участки, поэтому своды подобной конструкции были более устойчивы к деформациям опор.

Так, в ходе ремонта в 2004—2006 гг. корпусов «А» и «Г» после снятия штукатурки в сводах коридора над 2 и 3-м этажами были обнаружены сквозные диагональные трещины. Причина их — снос в 1831 г. поперечных стен келий и взрывы зданий коллегииума в 1964—1967 гг. из-за этого продольные стены между кельями и коридорами, имевшие много пустот (дверных проёмов, дымоходов, ниш) со временем были деформированы. Если бы ряды кладки были параллельны стенам, то свод бы провалился.

Первоначально главный вход в коллегииум был со стороны ул. Мостовой или Ильинской. От самой проезжей части улицы здание отделял обширный сад, где в перерывах между уроками нередко отдыхали как сами иезуиты, так и их воспитанники. Дверь главного входа в коллегииум находилась почти у самой земли над невысоким кирпичным крыльцом в 1—2

ступени (ныне аварийная лестница картинной галереи).

Корпуса имели одностороннюю коридорную планировку. Коридоры проходили на всех трёх этажах по всему зданию. Полы в коридорах были из массивных квадратных и прямоугольных керамических плиток [52, с. 57; 51, с. 318—319]. Они были не отопляемыми, поскольку их сложно было прогреть из-за их обширности и постоянного движения воздуха. Коридорные окна 1-х этажей корпусов «А» и «Г» были выполнены в виде огромных арочных проёмов. Возможно, это связано с тем, что прежние коллегии XVI—XVII вв. часто не имели коридоров на 1-м этаже. Их заменяли галереи, открывавшиеся аркадами во внутренний двор. Традиция устройства таких галерей зародилась в эпоху Ренессанса в Италии, где многие полочки иезуиты изучали архитектуру. В более суровых климатических условиях Беларуси и Литвы эта практика оказалась крайне невыгодной, в силу чего от нее пришлось отказаться. Хотя попытки применения этой традиции на территории Беларуси и Литвы имели место. Так, открытые с аркадой галереи имели иезуитские коллегии в Несвиже и Пинске, их каменные корпуса были построены в XVI—XVII вв. До сих пор аркады галерей сохранились на зданиях Вильнюсского университета, где учились или преподавали многие полочки архитекторы-иезуиты. В коридоры выходили только «футрованные» двери помещений и арки печных проёмов келий, где жили монахи и ученики [53, с. 321]. Сами же печные проёмы представляли собой невысокие арки 1,2 м высотой и 0,8—1,0 м шириной с кирпичными выступами. Исследование проёмов 1 и 2-го этажей показало, что они со стороны коридора дверок не имели. Исключение составляют печные проёмы, находившиеся на 3-м этаже. Там стена коридора была наиболее тонкой, около 1,1 м, поэтому была опасность попадания дыма и сажи при прочистке дымохода в коридор.

Отпечатки крепёжных пластинок от рамы металлических дверей сохранились на старой штукатурке одного из проёмов 3-го этажа. Перед каждым проёмом имелся выступ из кирпича высотой в 3 ряда. Он был выше плиточного пола коридора примерно на 20—22 см. Само пространство печи представляло собой небольшое помещение в толще стены площадью до 1 м², в котором свободно помещались стоя 2 человека. Благодаря этому, трубочисту не приходилось выходить на крутой скат мансардной крыши для прочистки трубы [56, с. 34]. Он мог заводить ёрш

в дымоход через проём снизу, накрывшись с головой ветошью и загораживая арку проёма такой же тканью, чтобы облака сажи не вылетали в коридор. Дымоходы располагались не вертикально над проёмом, а в стороне от него, поэтому сажа меньше осыпала трубочиста. Столь обширные размеры проёмов позволяли их использовать как для освещения коридора, так и в качестве небольших очагов для подогрева еды. Подобное устройство печных проёмов было широко распространено в гражданских и общественных зданиях в XVII—XVIII вв. (рис. 15) [32, с. 307—308].

На 2-м этаже часть коридора первоначально имела небольшие окна, на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ высоты обычного проёма. Их низ частично закрывал пологий скат крыши кухни. Поэтому в коридоре всегда был полумрак (сейчас это коридор возле читального зала библиотеки ПГУ) [52, с. 59].

В концах коридоров трёхэтажного корпуса были устроены туалеты (они там и поныне), которые находились на всех трёх этажах и соединялись с подвалом вертикальными шахтами (фото 34 на вкл. IV), проходившими в толще стен [58, с. 23]. Вероятно, там находились упомянутые В. П. Викентьевым свинцовые трубы проточно-промывной канализации, которые были заменены в начале XX в. на чугунные [6, с. 267]. Полы туалетов тоже были плиточными [53, с. 319]. На стенах располагались баки с рычагами для слива воды и раковины. Чтобы вода не замерзала зимой, ее, вероятно, подогревали с помощью небольших печек.

На 1-м этаже (там, где сейчас 2 зала абонемента библиотеки ПГУ, лестница, коридор и туалеты), в северной части корпуса «А» была устроена большая кухня, примыкавшая торцами к корпусам «Б» и «Г» [53, с. 317].

Обширная одноэтажная кухня состояла из 2-х сводчатых помещений (рис. 15). Большее из них первоначально имело 2 столба, соединённые перегородкой, за ней была спрятана «большая печь», упомянутая в «Инвентаре 1807 г.». В плане она была прямоугольной 4,2×2,3 м и делилась внутри на 3 камеры (фото 40 на вкл. V). Топка была в её западной части, пол перед ней был на 10 см ниже пола остального помещения. Дымоход находился в южной стене и далее шёл в толще наружной стены за пилястрой. Там же, в южной стене, была узкая, но глубокая и высокая ниша для лопат, ухватов и прочего печного инвентаря. Напротив печи было широкое углубление в западной стене, там хранилась посуда, 3 окна этого помещения находились в северной стене. Между ними под пятами

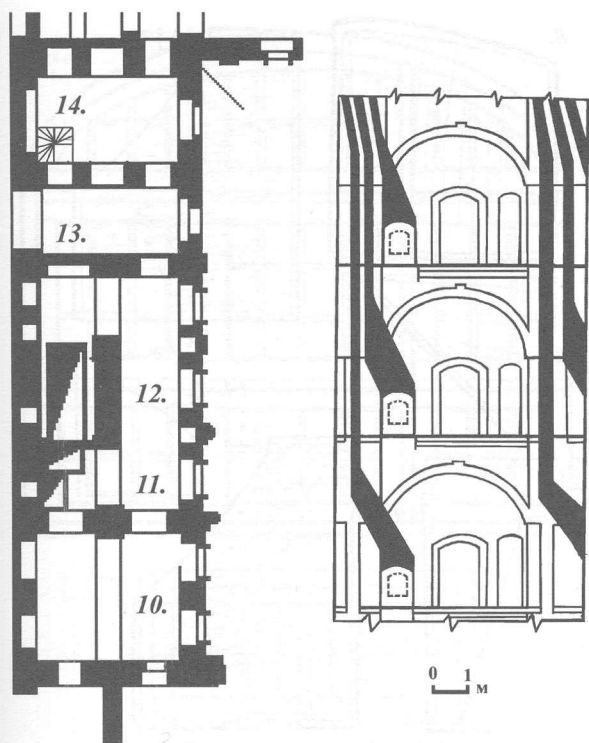

Рис. 15. Реконструкция первоначальной планировки кухни и расположения дымоходов внутри стены корпуса «А»

сводов были также две небольшие, но глубокие ниши. В них, вероятно, располагались светильники. Высокое расположение окон и ниш позволяло поставить большие кухонные столы для приготовления блюд. Ниши сохранили слои первоначальной побелки и жёлтую покраску, сделанную незадолго до их закладки при реконструкции кухни, проведенной, вероятно, накануне изгнания иезуитов или во время владения коллегиумом пиарами (ныне обе эти ниши расчищены и их можно сегодня видеть в простенках между окон абоне-мента библиотеки ПГУ) [53, с. 317].

Другое помещение кухни имело 2 окна (сейчас там находятся туалет, лестница и запасной выход из библиотеки ПГУ). Дверным проемом оно было соединено с предыдущим. В его южной стене были две глубокие ниши для полок с посудой (позднее в них были пробиты дверные проёмы). Кухня не имела входов со стороны главного коридора. Одна дверь вела в небольшой коридор, другая — в сени перед дверями трапезной (корпус «Б»). С ней её первоначально соединял широкий проход без дверей, позднее заложенный. В закладке было устроено широкое, но низкое окно с лучковой аркой, расположенное на высоте около 2 м от первоначального пола (фото 44 на вкл. V). Для этого к верхнему окну был, вероятно, приставлен деревянный помост [53,

с. 317]. Внизу, у самого пола, была широкая разгрузочная ниша, под её аркой проходили и отопительные каналы «тёплых полов» трапезной. Вероятно, что между входами в трапезную и сени (теперь там запасной выход из библиотеки ПГУ) была устроена небольшая печка, через которую каналы «тёплых полов» соединялись с вертикальным дымоходом и трубой в толще стены (схема 6: а, с. 87).

Этажи 1 и 3-й были жилыми, поэтому своды в кельях были не самыми высокими — около 4,0 м. Средний этаж был преимущественно административно-учебным. Там высота помещений была около 4,5 м. Вблизи главной лестницы после 1763 г. согласно предписанию генерала ордена Рикки было устроено несколько рабочих комнат для посетителей библиотеки, часть из них, вероятно, была там, где сейчас читальный зал библиотеки ПГУ [5, с. 24—25].

Большинство жилых келий располагалось в корпусе «А» (сейчас они заняты вахтой и гардеробом ПГУ, шведским центром, кабинетами директора и сотрудников библиотеки и постоянной экспозицией картинной галереи). Несколько келий находилось на 1-м этаже корпуса «Г», там же были и 2 продовольственных складских помещения (ныне кабинеты № 102 и 107), две лестницы и проходной коридор. Подобные помещения были и во взорванном ныне восточном крыле Е-образного корпуса. От этого крыла сохранилась часть стены (на этом месте сейчас находится двор жилого дома).

Все помещения этажей коллегиума имели крестовые и цилиндрические, с распалубками, своды. Кельи отделялись одна от другой капитальными поперечными стенами с двумя арками. Эти арки перекрывались перегородками толщиной в кирпич таким образом, что с каждой стороны стены в кельях были образованы ниши — две глубокие и две плоские. Ещё одна глубокая ниша обычно была возле входа в келью, она, вероятно, использовалась для хранения одежды и обуви.

Большинство дверей келий первоначально были плотницкой работы — сбитые из досок на гвоздях. Конструкцией, технологией изготовления и внешним видом они напоминали «футрованные» двери подвала (ныне это старейшие сохранившиеся двери XIX — XX вв. коллегиума подобной конструкции, технология их изготовления не менялась веками). Возможно, чтобы уберечь помещения от сквозняков, на них дополнительно был набит утеплитель — сукно или войлок. Столярной работы, т. е. филёнчатые, вероятно, были только двухстворчатые резные двери

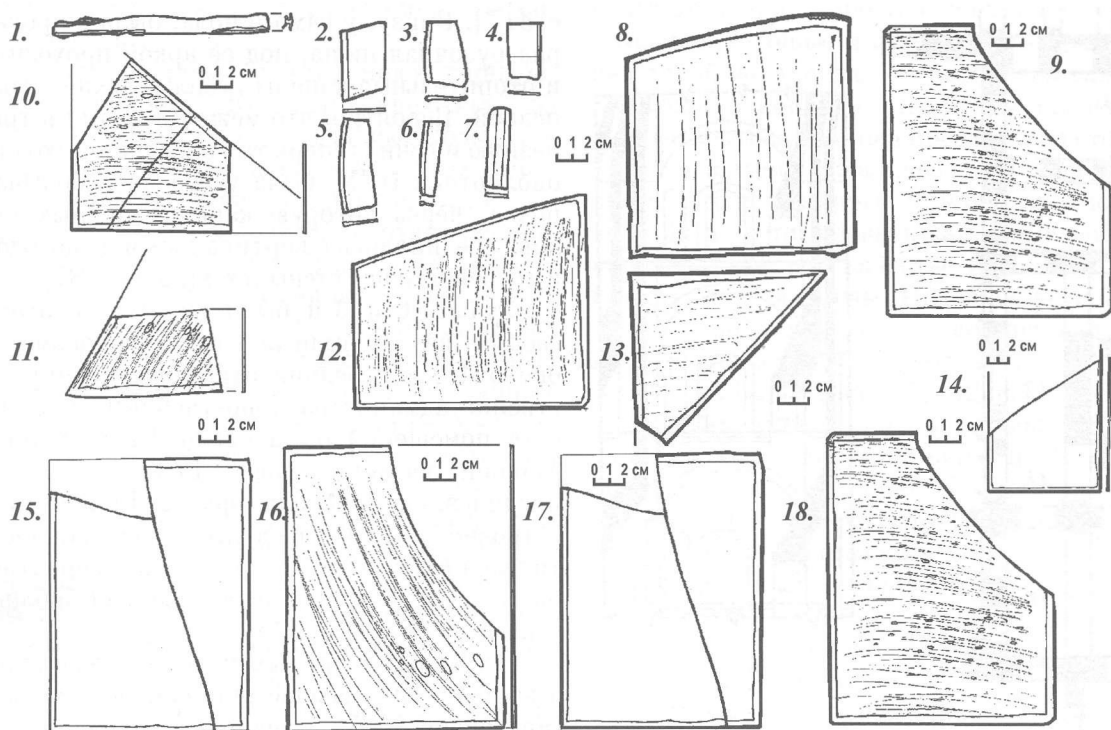

Рис. 16. Оконные стёкла и свинцовый переплёт из тайника в корпусе «Г»

главного входа в библиотеку и двери трапезной, из-за дороговизны их изготовления. Существующий ныне вход в подвал корпуса «Г» был растёсан и расширен в XIX в. [53, с. 321; 58, с. 24].

Оконные рамы были деревянными некрашеными и имели мелкую прямоугольную расстекловку¹⁰. Прямоугольные пластины «холявного» стекла $10 \times 15 \times 0,15 - 0,2$ см собирались в листы наподобие витражей с помощью свинцовых двутавровых переплётов (они были найдены в откосе окна бывшего склада (корпус «Г») в тайнике для бутылок (рис. 16; фото 45 на вкл. V)). Собранные таким образом стеклянные листы вставлялись в деревянные рамы (рис. 17). Края у стеклянных пластин были ровными, что свидетельствовало об их вырезании каким-то инструментом (стеклорезом или гвоздём). Обрезки с надрезами и ровными краями «холявных» стёкол были найдены в бывшем складском помещении (сейчас аудитория № 107), соединённом с кухней и коридором. Ретушь использовалась крайне редко. Кроме прямоугольных стеклянных пластин были найдены изделия, вырезанные по лекалу, вероятно, служившие для заполнения полукруглых фрамуг [65, с. 28, 62; 72, с. 28]. Оконная рама

середины XVIII в., обнаруженная и изученная В. В. Глинником в могилевском костёле св. Станислава во время его реставрации, имела заполнение из подобных стёклышек, все ее металлические и деревянные детали прекрасно сохранились [10, с. 32].

Вполне возможно, что в столярных работах по изготовлению окон и дверей коллегиума принимал участие А. Лазурович, столяр и резчик по дереву, трудившийся сначала над убранством костёла [41 с. 9].

В каждой келье находилась кафельная печь, топившаяся из коридора. Для этого возле двери каждой кельи был устроен печной проём, из которого сквозь толщу стены в трубу выходил дымовой канал (рис. 15). В каждой трубе было по 3 канала от печей в кельях каждого этажа. Печуры со стороны коридора открывались лучковыми арочными проёмами высотой $1,1 - 1,2$ м и шириной $0,7 - 0,9$ м, топочный проём обычно $0,6 \times 0,5$ м, также имел лучковую арку. Дополнительно над ними делалась ещё одна разгрузочная арка или дымовое отверстие (ныне подобный проём можно увидеть на 3-м этаже корпуса «А» возле конференц-зала). До сих пор на некоторых топочных проёмах уцелели крюки от петель литых металлических дверок и задвижек [56, с. 34; 52, с. 58, 60]. Сами же печи имели форму вытянутого прямоугольника около $1,0 \times 2,0$ м у подножия (фото

¹⁰ Расстекловка — расчленение переплета на застекленные участки.

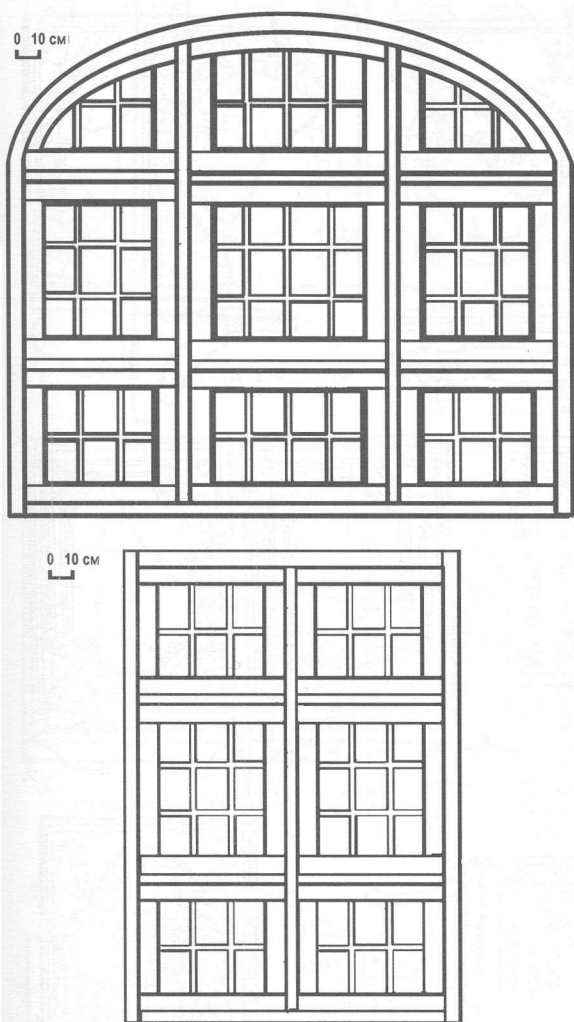

Рис. 17. Оконные рамы коридоров и келий середины XVIII в. Реконструкция автора

39 на вкл. V). Описание подобных печей известно по мемуарам XVIII в. в панском доме в Горспле: «Былі гэта нібы вялізныя шафы, выкладзеныя кафлямі, з адным скляпеннем і комінам, сцены ў іх былі тоўстыя, цагляныя — такія печкі трэба было ўвесь час напальваць. <...> Вось чаму гарачыя сценкі такіх печак, грубамі званых, смярдзелі гарэлым і чад пашыралі, што вельмі шкодзіла здароўю [32, с. 307—308].

В кельях в глубоких нишах за печами можно было хранить запас дров на несколько растопок или сушить вещи. Обычно печи ставились на кирпичных прямоугольных площадках. Контуры печи при этом полностью вписывались в очертания арки запечной ниши. Обычно высота печей в кельях была около 2,0 м, но некоторые из них были выше. Так, например, печь, построенная в проходной келье (сейчас это аудитория № 101) на ленточном фундаменте, была высотой около

3 м (фото 38 на вкл. V) [56, с. 34, 35, 39]. Для этого в стене ещё при строительстве здания была подготовлена высокая ниша около 3,3 м высотой (существует и теперь). Снаружи печь выглядела трёхъярусной, за счёт дополнительного карниза на базе (рис. 22: 3). Главные фасады печей выкладывались глазурованным узорным кафелем (рис. 18, 19). В тех кельях, которые предполагались под жильё школяров они были обычно монохромные — коричневые или зелёные, с медальонами и щитами (рис. 18: 1—12, 14; 19: 1—6, 9). На 1 и 2-м этажах в некоторых кельях и учебных классах стояли печи с полихромными изразцами, украшенные розетками [56, с. 34, 35, 39]. Угловые стенные изразцы имели нередко трёхчастное деление. Среднюю часть обычно украшали колонны и витые балясинки с капителями, иногда средняя грань имела несложный растительно-геометрический орнамент или профильный карниз (в более поздних изделиях). Разнообразно представлен и ассортимент карнизов, фризов и перемычек. В завале изразцов на чердаке корпуса «А» были найдены как пластины с полукруглым профилем и рельефным растительным и геометрическим орнаментом, так и профильные гладкие карнизы (рис. 18: 6; 19: 5—9; 20: 1—9) [53, с. 329, рис. 11, с. 330]. Значительно реже встречались изразцовые перемычки и пояски (фризы). Перемычки были обычно витыми, как балясины на угловых изразцах. Фризы середины XVIII в. были в большинстве случаев украшены растительным или геометрическим узором (рис. 20: 10—15). Там же собраны и изразцы для завершения печи — куполки, коронки и навершия в виде ваз (рис. 21). На основе находок на чердаке и этажах стало возможным выделить несколько печных наборов и реконструировать внешний облик некоторых печей (рис. 22: 1—3). В засыпке сводов 2-го этажа корпуса «Г» был найден миниатюрный деревянный «утюжок» для затирки швов между изразцами.

Сами печи имели «колпаковую» двухкамерную конструкцию. В нижней камере (базе) была сводчатая топка. Она, вероятно, была с «тепловыми окнами» закрытыми изразцами. Толщина стенок топки обычно была в полкирпича, поэтому топка дополнительно усиливалась изразцовым панцирем [56, с. 39—42; 73, с. 60, 62]. Свод топки имел отверстия, переходившие в колодцы верхнего яруса печи (надставки). Обычно в надставке было 2—4 жаровых колодца и глиняный свод. Верхний ярус печи нередко делался полностью только изразцовым, без использования кирпича.

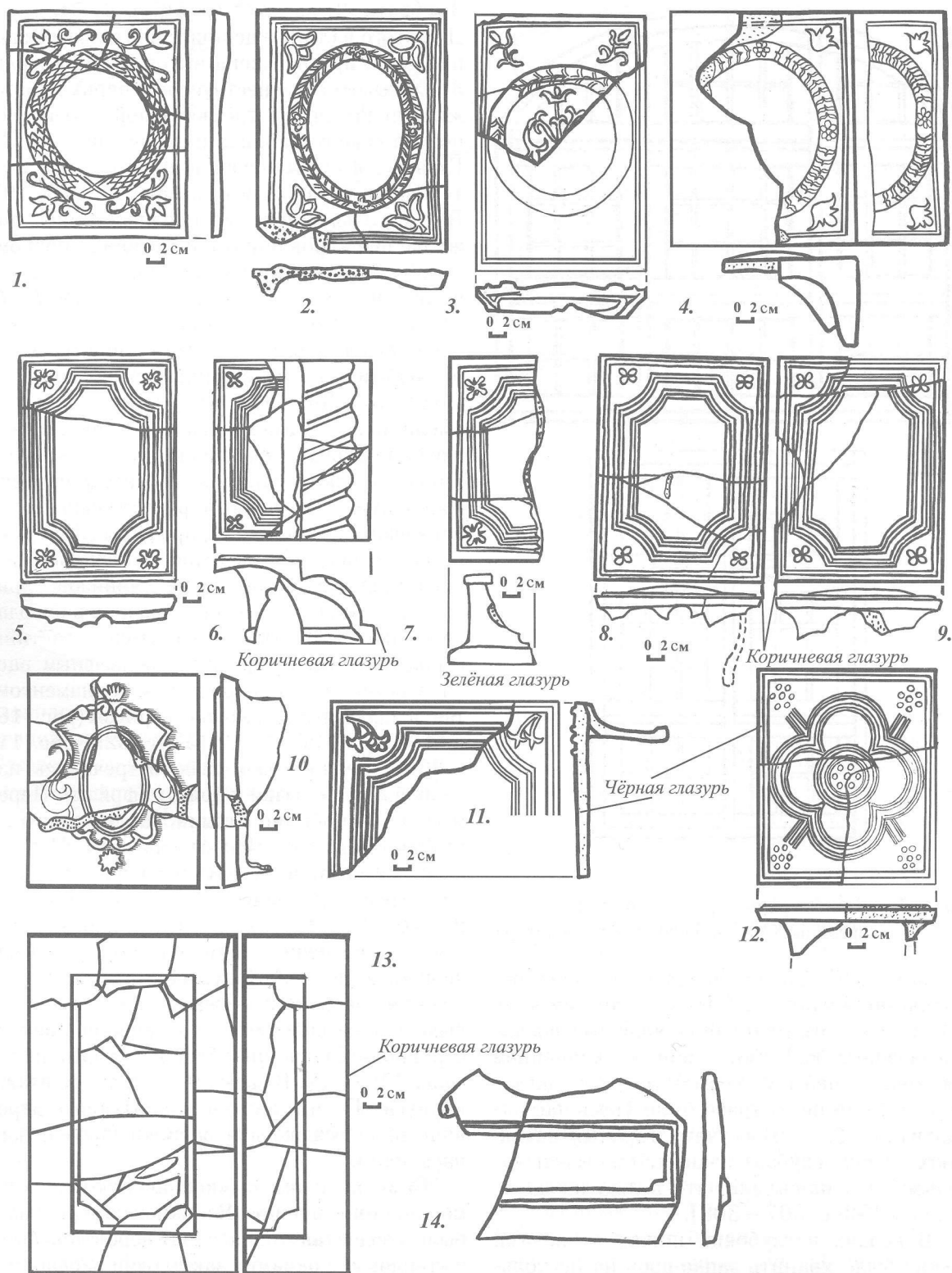

Рис. 18. Стенные изразцы со смещённой рамкой и нишами. Середина XVIII в. Корпуса «А» и «В»

Такая конструкция была возможной благодаря высокой румпе изразцов, которые, как и пустоты между ними, заполнялись глиной с песком и кирпичным боем, что позволяло создавать прочные стенки (рис. 18, 19; 22: 5).

Для этого устраивался деревянный или плетёный из лозы каркас, служивший основой для изразцового панциря. В ходе эксплуатации печи он выгорал. При устройстве основы верхнего яруса печи из кирпича, его ставили

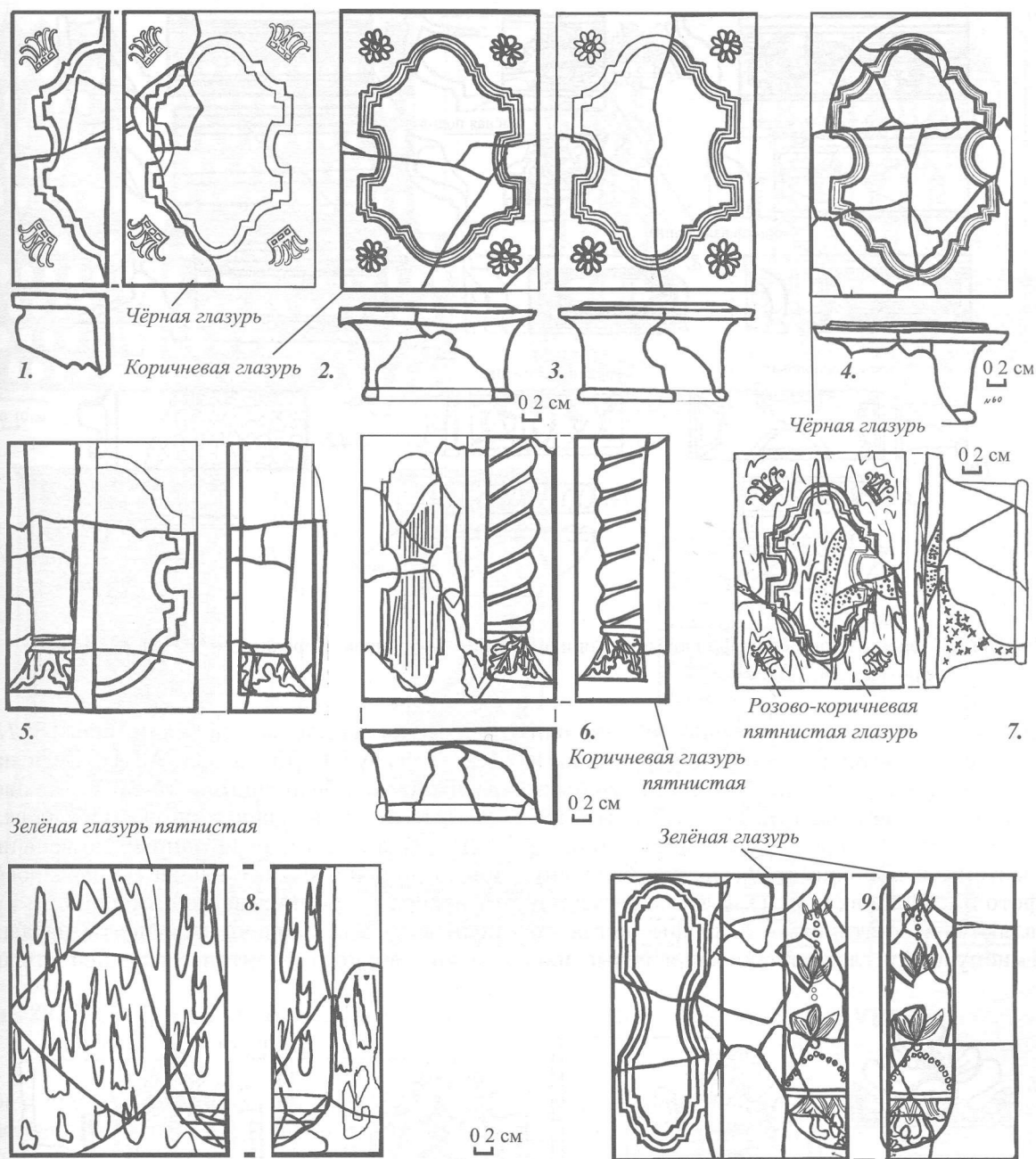

Рис. 19. Стенные безрамочные изразцы. Середина—конец XVIII в. Корпус «А»

на кромку. Верхняя часть печи также могла иметь «тепловые окна» [22, с. 50]. Свод надставки при этом тоже был глиняным. Нередко для его облегчения в него вмуровывали несколько изразцов. Уже упомянутая печь, остатки которой найдены в проходной келье, имела массивные фундаменты и усиленную конструкцию топки. Толщина стенок фундамента: 40 и 47 см. В его структуре были использованы плитки пола 22—23×28—29×6 см, аналогичные плитки были, вероятно, в нижних частях стен топки, которые наиболее подвергались действию огня. Выше

стенки топки были в полкирпича (рис. 22: 5) [56, с. 34, 35, 39].

Часть печей могла быть печами-каминами, т. е. топочный проём у них был широким и открытым и располагался со стороны помещения. Подобные печи могли стоять в административно-учебных помещениях, в частности, на 2-м этаже в главной библиотеке коллегиума (корпус «Б»).

Полихромия фасадов печей в отличие от XVII в. теперь достигалась за счёт сочетания контрастных по цвету изделий. Например, тёмно-коричневые, почти чёрные, стенные

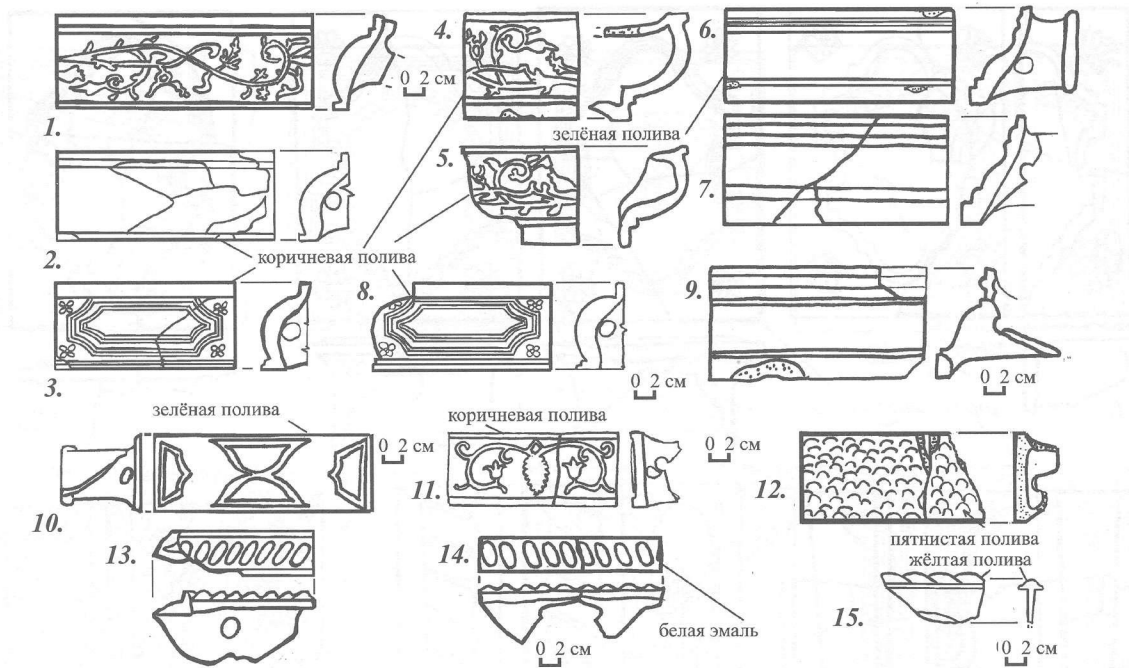

Рис 20. Изразцы карнизные, фризные и для исполнения перемычек. Середина — конец XVIII в. Корпуса «А», «Б», «Г»

пластины сочетали с молочно-белыми или жёлтыми угловыми балясинами, перемычками карнизами и коронками. Двухцветными были только угловые изразцы. Так, изразцы с розетками имели чёрную половинку стеной пластины и молочно-белую витую балясину (фото 53, 56 на вкл. VIII). В то же время появляются и «пятнистые» изразцы, когда по тёмному фону глазури наносили белые или

жёлтые пятна или затёки эмали (рис. 18: 13; 19: 7; фото 54, 55 на вкл. VIII). Если изразцы делали бело-синими, то таким же цветом выполняли и перемычки (фото 57 на вкл. VIII). Кроме того, печи данных помещений имели дополнительные элементы изразцового набора — различные виды коронок и куполов. Были найдены фрагменты изразца в виде узорного фронтона, украшенного по

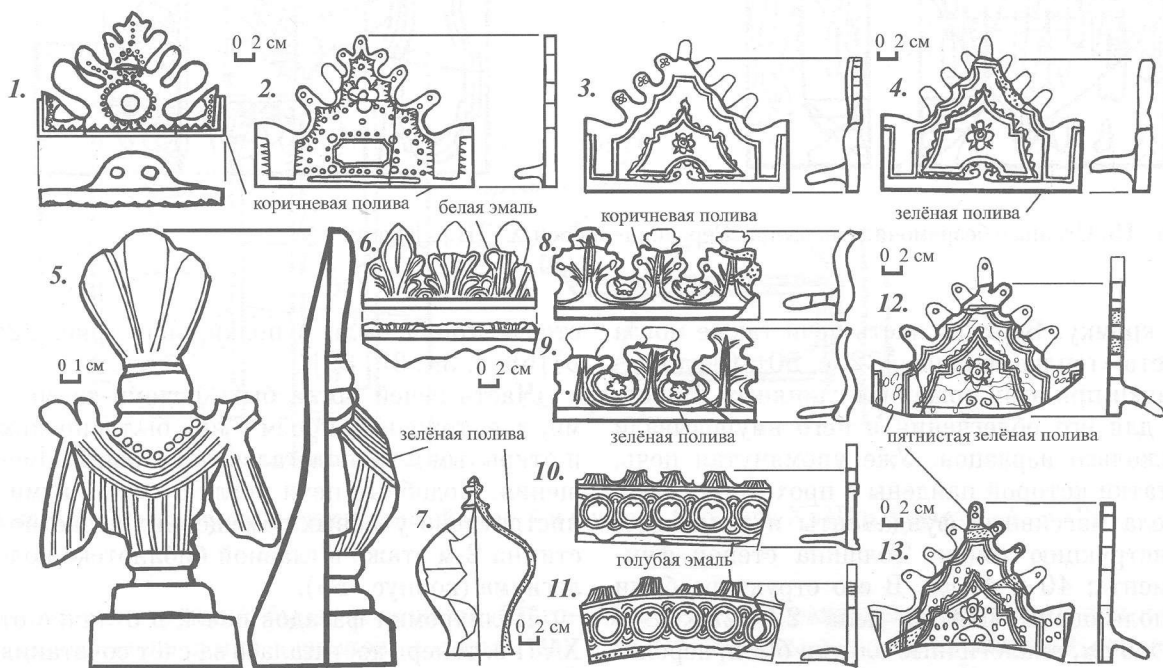

Рис. 21. Изразцы: навершия, куполки и коронки. Середина — конец XVIII в. Корпуса «А» и «Б»

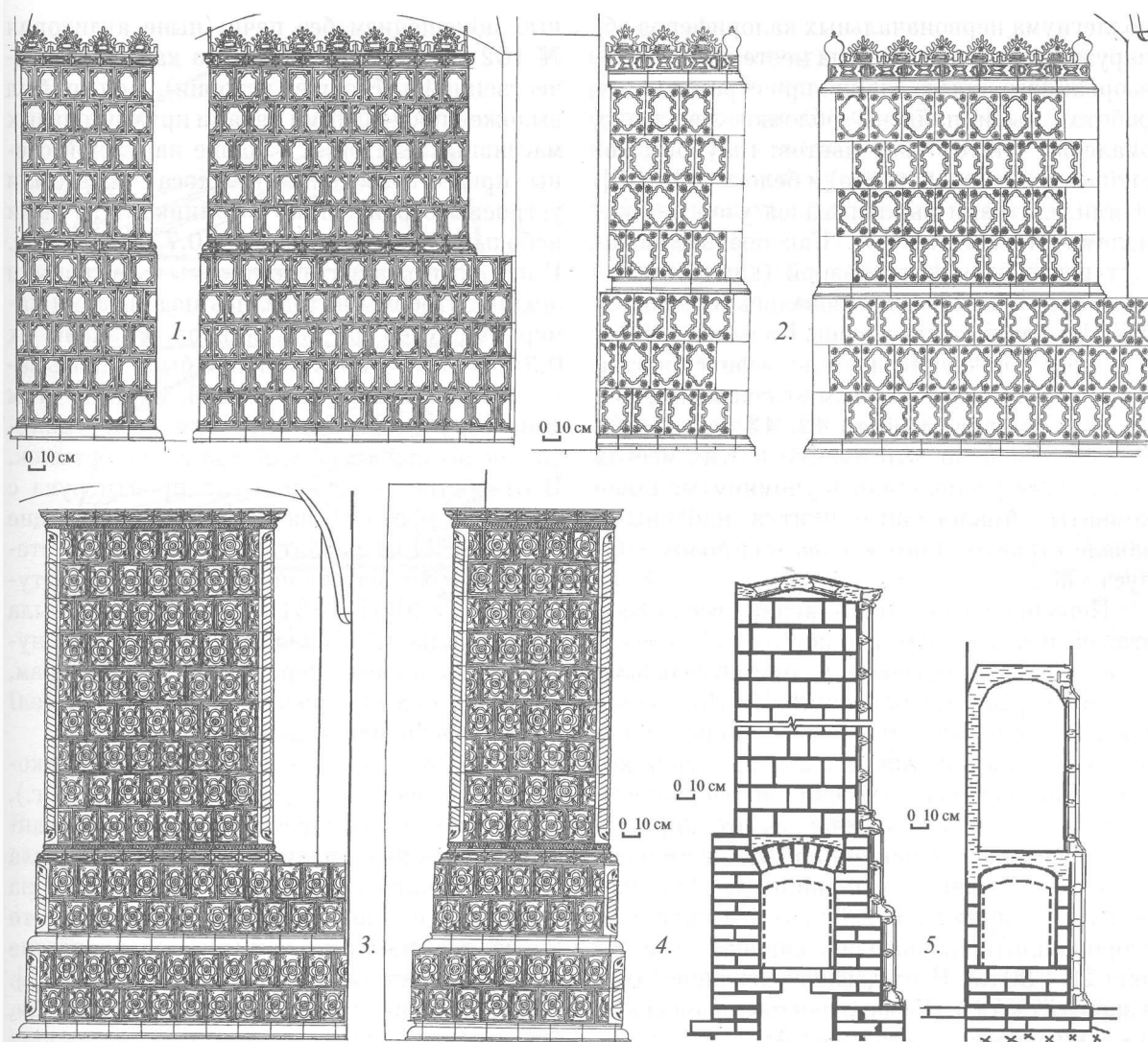

Рис. 22. Реконструкция убранства и поперечных разрезов печей в кельях. Середина XVIII в.

краю профильным карнизом и гирляндой из растений, его размеры (ширина 1,0—1,2 м, высота — 0,5—0,7 м) позволяли полностью перекрыть главный фасад печи. На обратной стороне изделия со стороны румпы были устроены дополнительные перегородки, предохранявшие изделия от деформации во время сушки и обжига. Редким явлением были двухцветные бело-голубые рельефные изразцы. В корпусах коллегіума в основном найдены бело-голубые рельефные витые перемычки. Похожие бело-голубые поясные изразцы (фризы) были найдены Н. И. Зданович.) [21, с. 72; 22, с. 41].

Кроме печного отопления в некоторых кельях устраивались и простые камины. Каминны были также в учебных или административных помещениях, где не было печей. Один из каминов был обнаружен на 2-м этаже. Он строился вместе со стенами кельи и пред-

ставлял собой гранёную нишу в толще стены. Камин был шириной 0,88 м и высотой около 1,2 м от уровня пола. Кроме обычной кирпичной арки он имел дополнительное узорное обрамление, выполненное по лекалу известковым раствором. Внутренняя его часть периодически белилась мелом (слои побелки и копоти можно увидеть и сейчас), таким образом он играл роль своеобразного фонаря, освещавшего помещение. Под полом каминны были воздушная подушка и карман. За счёт этого в помещение поступал жар от нагретого кирпича [53, с. 317—318]. Возможно, что именно в этих помещениях после 1763 г. располагалась часть рабочих комнат главной библиотеки. Ныне камин находится в читальном зале библиотеки ПГУ [5, с. 24, 25].

По «Инвентарю 1807 г.» известно, что в «двойных комнатах» были «тёплые полы» [27, с. 6]. В исследованных помещениях

коллегиума первоначальных калориферов обнаружить не удалось, но на месте восточного, взорванного, крыла здания при строительных работах были найдены обломки лекальных эмалевых плиток трёх цветов: голубого, коричневого (почти чёрного) и белого [33—37]. Этими плитками выкладывался узор над каналами «тёплых полов». Как позднее покажут исследования трапезной (корпуса «Б») подобные плитки использовались в середине XVIII в. для покрытия полов. На плане 1828 г. в данном помещении печи не зафиксировано и на полу прямоугольником отмечены идущие вдоль стен каналы (фото 42, 43 на вкл. V). Вполне вероятно, что именно в этих местах коллегиума располагались упомянутые выше комнаты. Аналогичные плитки найдены в завале строительного мусора под полом корпуса «Ж».

Первоначально полы келий всех трёх этажей и кухни (как и в корпусе «В») были выложены квадратными и прямоугольными кирпичеобразными плитками. В «Инвентаре 1807 г.» они так и названы — «кирпичными». Они, как и кирпич-пальчатка, имели косые диагональные полосы, прочерченные пальцами. Плитки отличались от кирпича только меньшей толщиной на 0,5—1 см и соотношением длины и ширины: не 1:2, как обычно у кирпича, а 2:3 или 1:1, длинная сторона плитки равна длине кирпича и составляет 28—30 см. Исследование сохранившихся в корпусах «А» и «Г» фрагментов полов келий и кухни показало, что ряды плиток укладывались на известковый раствор (фото 41 на вкл. V). Они были ориентированы по продольной оси помещений [53, с. 318, 319].

Одной из конструктивных особенностей сводов келий 1-го этажа корпусов «А» и «Г» было наличие двойных распалубок по углам. По мнению Е. Д. Квитницкой — это характерный для иезуитов приём украшения сводов [7, с. 164].

В корпусе «Г» поперечных перегородок между помещениями 2-го этажа практически не было, своды опирались на высокие квадратные столбы с полукруглыми арками. Подобные арки имела и продольная стена между помещениями и коридором, вероятно, там находилась часть учебных классов (аналогичный столб с арками сохранился на кафедре иностранных языков, кабинет № 201).

Складские помещения, бывшие в корпусе «Г», располагались таким образом, что занимали как само помещение, так и каморы под бывшими рядом лестницами. Небольшой склад, который соединялся с проходной кельей корпуса «Г», изначально был холод-

ным помещением без печи (ныне аудитория № 102, кабинет заведующего кафедрой отечественной и всеобщей истории). Пол его был выложен продольными рядами прямоугольных массивных плиток, а в толще наружной стены, при её возведении, в откосах окон были устроены строителями 2 тайника. Это были небольшие сводчатые камеры $0,7 \times 0,7 \times 0,9$ м. В них вели квадратные проёмы с лучковыми арками. Проёмы находились под сводами камер в верхней части тайников. Размеры их $0,35 \times 0,3$ м. Дно тайников было присыпано мелким песком [53, с. 320]. Судя по этим конструктивным особенностям, оба тайника предназначались для хранения бутылок. В отверстие только и могла пройти рука с бутылкой (фото 45 на вкл. V). Песок на дне не позволял их разбить при помещении стеклянных сосудов в тайник и извлечении оттуда [53, с. 320]. В 1831 г. в эти тайники была спрятана часть стеклянных пластин, вынутых из свинцовых переплётов оконных рам, после чего их замуровали, и в таком состоянии они находились до 2003 г.

Через этот склад можно было попасть в каморку под лестницей (замурована в 1831 г.), в её нишах до сих пор сохранились вмурованные деревянные полки. В толще стены была вентиляционная отдушина, выводившая на крышу. Это единственное помещение 1-го этажа, где уцелели кованые металлические петли от «футрованной» двери [53, с. 321]. Тут был один из складов продовольствия, а в проходной келье корпуса «Г» (аудитория № 101) рядом с кельей привратника (ворота в корпусе «В»), вероятно, жил кладовщик.

Еще один склад находился возле действующей ныне лестницы (сейчас аудитория № 107). Он был связан как с коридором, так и со складом кухни корпуса «А» (где сейчас туалет). Это было обширное сводчатое помещение с двумя большими окнами и одним малым наружным. В толще стены была вентиляция, выходящая под свод коридора, напоминающая собой окно. Во время строительства в стене был устроен печной проём, но печь, вероятно, так и не построили, её фундамента не обнаружено. Из склада можно было попасть в камору под лестницей. Тут хранилась часть продовольствия и кухонной посуды [53, с. 317, 318, 320].

В месте соединения корпусов «А» и «Б» на 1 и 2-м этажах были устроены роскошные сени. Так на 1-м этаже они имели две круглые колонны с гранёными капителями, на устроенную между ними арку опирались своды симметричных Г-образных лестничных маршей, ведущих ко входу в библиотеку на 2-м этаже.

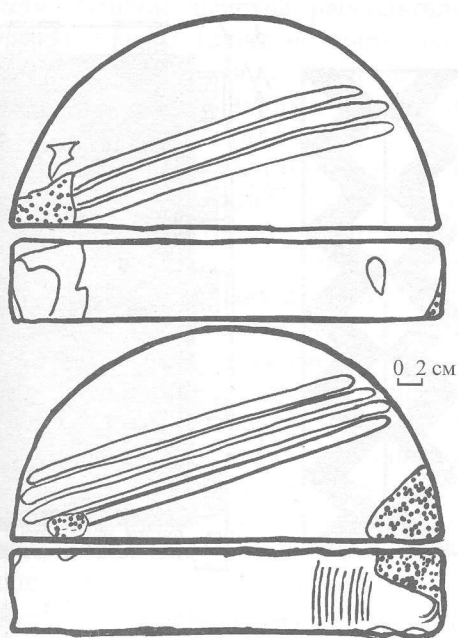

Рис. 23. Кирпич для кладки колонн
Середина XVIII в. Корпус «Б»

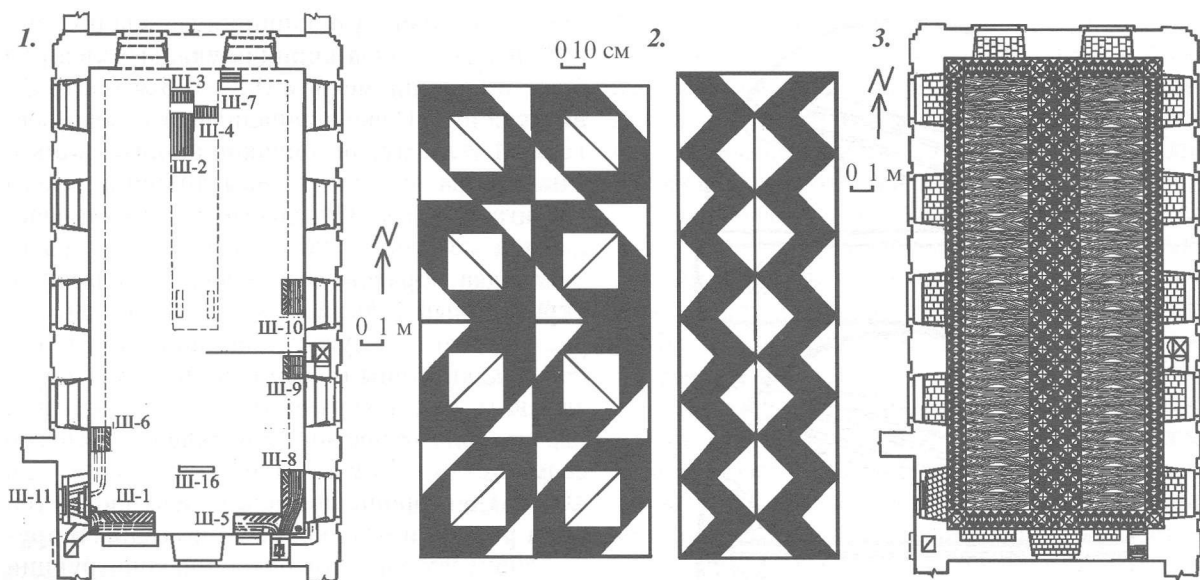
В сенях 2-го этажа тоже стояли аналогичные круглые колонны, но пролёт между ними был частично (?) замурован и загорожен изображением гипсовой пещеры с рисунком св. Игнатия Лойолы, поклоняющегося Божьей Матери и Младенцу [27, с. 6]. За этим изображением, возможно, был скрытый лаз на чердак иезуитской кухни. Для его устройства площадка перед входом в библиотеку была поднята и оказалась выше уровня пола помещения, поэтому строителям пришлось устраивать дополнительные ступени в дверном проёме. Там же, возле входа, располагались часы и барометр, устроенные на таком уровне, что были видны как со 2-го, так и с 3-го этажа. Для этого в коридоре 3-го этажа были поставлены 2 квадратные столба, соединённые балюстрадой. На стене над входом, между часами и барометром, вероятно, была картина или лепное украшение. При устройстве в 1867—1868 гг. домовой Никольской церкви для кадет между 2 и 3-м этажами была сделана деревянная площадка для хоров, прорублены полукруглые арочные окна, вероятно, уничтожившие дымоходы первоначальных печей [49, с. 14, 15].

Подвал корпуса «Б» имел устройство, подобное устройству подвалов корпусов «А» и «Г». Своды огромного помещения держали 4 низких столба со стороной квадрата около 1,3 м. Стены корпуса у подошвы достигали толщины 3 м (схема 3: в, г на с. 85). Наружная поверхность стен со стороны котлована

имела ступенчатую кирпичную кладку: через каждые 4 ряда кирпича укладывался ряд булыжников диаметром 0,2—0,3 м (фото 27 на вкл. IV). Северо-западный и северо-восточный углы имели широкие опоры, «лапы», таким образом, у подошвы толщина стены достигала 4,5 м. Отдельные камни встречены и в забутовке стены. На дневном уровне кладка образовывала небольшой выступ, укрепленный булыжной кладкой. Вполне вероятно, что он служил для защиты кирпичной кладки стены от размокания и мог образовывать над поверхностью земли ступень и играть роль отмостки, отводящей дождевую воду от стены. Камни были диаметром от 10 до 40 см. Со стороны подвала поверхность стен была ровной и без вкраплений камня. В других корпусах аналогов подобной конструкции не найдено. Подошва представляла собой ряд более крупных камней диаметром 0,3—0,5 м. На 1 и 2-м этажах толщина стен была около 1,5 м. Окна 1-го этажа имели дополнительные разгрузочные арки. В тех местах, где предполагалось устраивать печи для обогрева библиотеки, со стороны фасада были выполнены декоративные ниши. Внутри здания они были аналогичны оконным проёмам, но откосы данных ниш со стороны помещения не имели фресковой росписи, в отличие от оконных проёмов.

Подвальные помещения корпуса «А» от подвалов корпуса «Б» отделял отсек с капитальными стенами и глубокими нишами. Через этот отсек можно было попасть в изолированную от остальных помещений подвала огромную комнату, расположенную под кухней. Главной особенностью дверного проёма этой комнаты было наличие кирпичной штрабы на месте откосов (фото 31 на вкл. IV). Она была приготовлена при строительстве каменщиками для перевязки с позднейшей кладкой, которая так и не была выполнена. Штраба представляла собой ряды кирпича, выступавшие на 1/4 длины (схема 3: в, г на с. 85).

Неизвестно назначение массивного каменного столба (?), находившегося в юго-западном углу этой комнаты. Конструктивно это сооружение со стенами и сводами помещения не связано. У подошвы оно было в плане прямоугольника со сторонами 2,6×2,0 м. Кладка южной и западной стенок была ступенчатой, кверху она сужалась и обретала форму квадрата со стороной 1,6—1,7 м, его восточная сторона также имела штрабу, как и дверной проём. Возможно, это сооружение было колодцем для снабжения кухни водой, что можно было делать не выходя из помещения. Габариты сооружения вполне позволяли

Рис. 24. Слева: план трапезной и расположение шурфов с каналами «тёплого пола»
Справа: вероятный узор из цветных плиток и вариант убранства первоначального пола трапезной. Корпус «Б»

устроить в толще кладки вертикальную кирпичную трубу. Устройство колодца для воды прямо в здании случай не единичный для полоцкого коллегиума — подобный колодец был в полуподвале аптеки.

В наружных стенах под окнами подвала с востока и севера были дренажные оконца для пропуска труб в толще стены. Юго-западная часть подвала корпуса «Б» была отгорожена капитальными перегородками и, вероятно, имела отдельный дополнительный вход со стороны улицы. В пролёте между столбами находились две кирпичные печи для подачи жара в каналы «тёплых полов» трапезной на 1-м этаже. Это была старейшая отопительная система такого типа в коллегиуме. Сегодня никаких следов от печей не обнаружено, они были уничтожены вначале XX в. при ремонте подвала, когда ячейки сводов, в которых были расположены жаровые колодцы, ведущие от топок печей, были полностью разобраны и переложены малоформатным кирпичом на цементном растворе.

Помещения корпуса, где были устроены библиотека и трапезная, представляли собой огромные сводчатые залы с профильными завершениями пят. Между этажами, на уровне замка свода, в кладке стен были вмонтированы металлические кованые тяжи. Каждый из них был собран из трёх звеньев, сцепленных загнутыми концами. Эти тяжи монтировались непосредственно при кладке стен: на пилестрах прорубалась специальная штраба для забивания и утапливания в кладку железных клиньев, которыми они натягивались. Один из

подобных клиньев найден в корпусе «З» в засышке свода мусором. Эти изделия не меняли своей формы столетиями. В связи с огромной толщиной стен требовалась установка лесов для их дальнейшей кладки. На середине высоты окон 1-го этажа кладка велась с лесов. С западного и восточного фасада над окнами на уровне сводов были обнаружены неглубокие (до 25 см) гнёзда $0,2 \times 0,17$ м, расстояние между ними и современной поверхностью земли около 2,0 м (схема З: в, г на с. 85).

Трапезная представляла собой обширный бесстолпный зал с 11 окнами. Первоначально стены и свод были побелены, но позднее (второй или третий слой) её покрасили синей краской. Справа от входа на 2-м простенке между окнами был устроен амвон — навесной балкон в технике стука [27, с. 7]. Проход к нему был устроен в виде лестницы в толще простенка, вход — со стороны откоса окна. Откосы арок входа на амвон были выложены полукруглым кирпичом (рис. 23). При частичной его расчистке выяснилось, что внутреннее пространство прохода перекрыто крестовым сводом и усиленно кованым тяжом (фото 46 на вкл. V). Непосредственно под пятой свода над выходом на амвон прослеживается кирпичная разгрузочная арка.

Южная стена трапезной имела две глубокие ниши. Ниша с восточной стороны была уже, поскольку рядом проходил вертикальный дымоход $0,8 \times 0,8$ м, куда выводили каналы «тёплого пола». Со стороны коридора и трапезной имелись арки для его прочистки. Размерами они были аналогичны печным

проемам. Второй дымоход располагался со стороны кухни, в толще её восточной стены. Шурфовка засыпки сводов показала, что отопительные каналы занимали центральную часть зала и разветвлялись у его северной стены, огибая весь зал по периметру, выходя на кухню и в дымоход южной стены (рис 24). В центре зала (наиболее подверженной эксплуатации) их было шесть, и они имели центральную перегородку в кирпич и остальные перегородки в полкирпича (фото 42 на вкл. V). В кладке центральной перегородки были использованы квадратные массивные плитки пола. Каналы, расположенные вдоль стен, имели перегородки из кирпича, поставленного на ребро. Ширина каналов была 0,17—0,2 м, высота около 0,17 м. При их строительстве кладка сводов была подтёсана. В нише западной и восточной стен на месте печей, построенных в 1831 г., частично сохранилось и первоначальное перекрытие каналов и фрагменты пола (рис. 24; фото 43 на вкл. V). Пол, обнаруженный в нише восточной стены, был выложен кирпичом и массивной плиткой, некоторые экземпляры которой имели по 3 косые борозды от пальцев, сделанные при ее изготовлении. Первоначальное перекрытие каналов было толщиной около 10 см. Нижний его слой образовывали плитки пола и плоская черепица, взятые при разборе остатков сгоревшего коллегияума. Они были уложены на глине и перекрывали каналы. Верхний слой, собственно пол, образовывали массивные квадратные плитки. В результате расчистки фрагмента пола в нише западной стены стало ясно, что плитки пола были расположены по направлению каналов под углом к стенам помещений.

Согласно «Инвентарю 1807 г.» пол в зале трапезной посередине был кафельный, а возле стен — деревянный. Дальнейшим исследованием установлено, что под кафелем составитель инвентаря имел в виду глазурованные плитки пола [27, с. 7; 51, с. 83]. В ходе изучения коллегияума были найдены эмалевые плитки толщиной 3—3,5 см. Непосредственно в зале был обнаружен только один фрагмент плитки, покрытой белой эмалью. Она была в кладке одного из каналов, стенки которого имели следы позднейшего грубого ремонта. Аналогичная, только целая, плитка была обнаружена в завале изразцов на чердаке корпуса «А», куда в 1831 г. был сброшен строительный мусор от разрушенных печей. Найденные половые плитки имели незначительные следы голубой эмали, что позволило предположить о существовании в плиточном наборе пола и синих экземпляров. Обе плит-

ки имели скошенные внутрь края и специальные ямки, сделанные для лучшего сцепления с раствором ещё при изготовлении. Они были выявлены в ходе исследования корпуса «З» вместе с завалами изразцов аналогичных обнаруженным на чердаке корпуса «А». Найденные при откапывании фундаментов фрагменты половых плиток принадлежали двум схожим наборам. Среди них были обнаружены плитки с синей истёртой эмалью, которые отличались от находок в трапезной и на чердаке только цветом эмали и принадлежали к этому же набору. Эти завалы также были образованы в 1831 г. При ремонте корпусов мусор от разрушенных печей использовался в качестве подсыпки для поднятия уровня пола в конюшнях, им же была сделана подсыпка ул. Стрелецкой.

Реконструкция найденных фрагментов показала, что в набор пола трапезной входили белые и синие плитки треугольной и ромбовидной формы с ямками на обратной стороне. Найденные плитки были толщиной около 3,2 см. Треугольные экземпляры представляли собой половинки разрезанного по диагонали квадрата со стороной 25,5—26 см, большая сторона этих плиток была 36—36,5 см. Изделия в виде параллелепипедов имели стороны длиной 18—18,5 и 25,5—26 см, многие из них были сильно потёрты. Зная соотношение сторон найденных плиток и толщину швов между ними (0,5 см), можно предложить различные варианты геометрического узора, который мог выкладываться этими плитками на полу зала. Остатки терракотового плиточного пола, следы ремонтов каналов и массивные эмалевые плитки позволяют полагать, что до 1807 г. «тёплый пол» зала был реконструирован и мог быть полностью выложен плитками (рис. 24). В его устройстве, как и в строительстве печей, участвовал Томаш Жебровский. Терракотовые плитки были возле стен, в оконных нишах и дверных проемах. Эмалевые (белые и синие) — по периметру стен трапезной и по центру, над калориферами.

На 2-м этаже над трапезной была устроена библиотека. Её стены имели толщину около 1,5 м, но под пятами свода были устроены глубокие ниши, оформленные со стороны зала в виде шкафов. Первоначально планировалось устроить в ней 11 окон и полностью ее расписать. Для этого штукатурка наносилась в 2 слоя. Нижний представлял собой кладочный раствор, при его нанесении на стены и своды в качестве наполнителя и для выравнивания поверхности были использованы обломки черепицы (!). Верхний слой, белый и

тонко отмученный, толщиной до 2 см, образовывал гладкую поверхность, подготовленную для росписи.

В ходе строительства в первоначальный проект были внесены изменения. Было оставлено только 6 окон, а остальные заложены и превращены в глубокие ниши. Там, вероятно, были поставлены высокие изразцовые печи-камины.

Росписью в технике *fresco a secco*¹¹ были украшены откосы и обрамления 6 окон. Тона росписей были в основном тёплыми: красный, оттенки коричневого, жёлтый; из холодных использовались зелёный и сиреневый. Сохранившиеся фрагменты позволяют полагать, что росписи представляли собой зеркальные панно с растительным орнаментом. Их центральные части (на арках окон) украшали круглые медальоны с какими-то изображениями, разобрать которые не удалось, скорее всего там были портреты (фото 47—49 на вкл. VIII). Вполне возможно, что обнаруженные росписи могли быть выполнены художником Я. Сахламаном, который расписывал костёл в 1764—1765 гг. [41, с. 9]. Это предположение требует проверки (схема 6: а на с. 87).

Печи, вероятно, располагались в нишах замурованных окон восточной и западной стены. При обследовании стен и откосов следов первоначальных дымоходов выявить не удалось. Вероятно, они были уничтожены в XIX в. при устройстве в зале церкви св. Николая и прорубании арочных окон для хоров. Не сохранилось и фундаментов самих первоначальных печей, на их месте в XIX в. при устройстве кадетского корпуса были сложены другие печи. При разборке фундаментов этих печей под ними и в перемешанной вокруг них засыпке свода были найдены обломки лампад (?) из зелёного стекла и множество изразцов, подавляющее большинство которых относится к середине XVIII в. Это терракотовые и зелёные глазурованные пластины, украшенные медальонами в прямоугольной рамке с вогнутыми углами. Угловые изразцы имели витые балясины. К этому набору относятся и витые балясинки — изразцы-перемычки, покрытые белой эмалью. Гораздо меньше обнаружено глазурованных карнизных и стеновых гладких изразцов коричневого цвета. Единичными находками отмечены изразцы с голубой и белой эмалью старше конца XVIII в. (схема 6: а на с. 87).

Пол в библиотеке первоначально был плиточным: обломки массивных квадратных плиток были частыми находками в засыпке свода трапезной (схема 3: в, г на с. 85).

В корпусах «А», «Б» и «Г», как и на корпусе «В», использовался лекальный кирпич, но в гораздо меньших количествах. В карнизах большинство кирпичей были вытесаны по лекалу. Отформованные в специальных формах лекальные кирпичи корпусов «А», «Б», «Г» представлены более широким ассортиментом, нежели в «старом коллегиуме» (корпус «В»). Были обнаружены клиновидные кирпичи для кладки «замком» пят арок и сводов помещений, а также упомянутые выше полукруглые большеформатные кирпичи 38×19×7,5 см для кладки колонн пилястр и округлых углов (рис. 23). Такими кирпичами были выложены углы дверного проёма лестницы на амвон, расположенного в трапезной. Так же они могли использоваться для кладки колонн алтарей в костёле. Вероятно, из этого кирпича первоначально были сложены колонны или пилястры около стеновых алтарей в библиотеке и трапезной, где располагались иконы. Эти же кирпичи могли использоваться для создания убранства (колонн и пилястр) при устройстве гипсовой пещеры с изображением св. Игнатия Лойолы, поклоняющегося Божией Матери и Младенцу [27, с. 7], перед входом в библиотеку.

Крыша и чердак трёхэтажных корпусов «А», «Б», «Г», не знавшие серьёзных ремонтов до 1831 г., образовывали собой ещё один этаж. Над ризалитами (выступами) торцов здания возвышались высокие фигурные фронтоны. При перестройке зданий под кадетский корпус они были понижены, сегодня от них сохранились только нижние части. Основой для реконструкции вероятных очертаний и первоначального облика фронтонов корпусов «А» и «Г» послужили как результаты исследования самих зданий, так и хорошо известные изобразительные и письменные источники. Среди них можно назвать рисунки Д. Струкова и фотографии начала XX в., зафиксировавшие корпуса базилианского монастыря и иезуитский костёл Святого Гроба на Ксавериевском кладбище. Эти постройки сохранили первоначальные барочные очертания фронтонов начала XX в. Центральные части фронтонов полоцкого коллегиума могли быть выделены сдвоенными пилястрами. Посередине фронтона располагались 2 окна. Нижнее окно было прямоугольное с лучковой аркой, верхнее было, вероятно, овальным или круглым. Края фронтона, как и углы башен костёла, были украшены вазами [51, с. 86].

¹¹ *Fresco a secco (umal.)* — техника настенной росписи водяными, реже — казеиново-известковыми красками по известковой уже выстоявшейся штукатурке, которая перед началом работы смачивается водой.

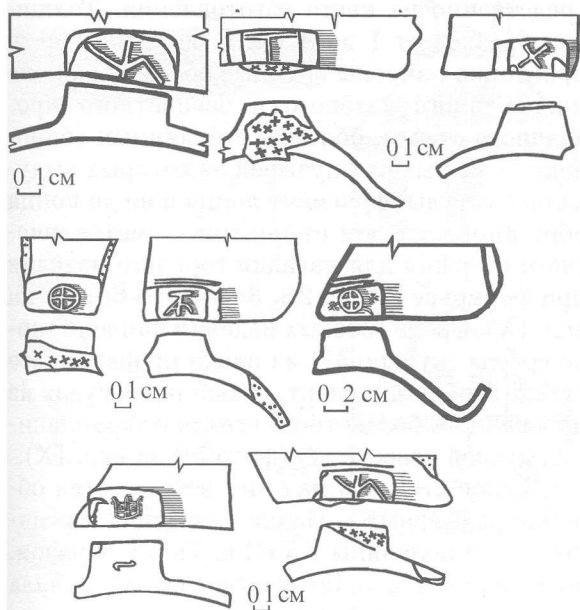

Рис. 25. Клейма на шипах черепицы
Середина XVIII вв. Корпус «А»

Они были убраны в 1831—1835 гг. во время приспособления костела под православный храм. Точно таким же образом были украшены Софийский собор и стоявшее рядом здание базилианского монастыря. Это хорошо видно на одной из фотографий начала XX в. Сам чердак коллегиума представлял собой обширное помещение, разделённое вдоль на 3 части двумя аркадами [27, с. 49].

У зданий коллегиума полоцких иезуитов была уникальная стропильная система кровли трёхэтажных корпусов. Подобной стропильной системы не было ни в одном коллегиуме на территории Великого княжества Литовского, кроме Вильно. Она была впервые разработана и применена виленискими иезуитами и потом использовалась в Полоцке: сначала при строительстве костёла св. Стефана и позднее — при возведении зданий коллегиума. Она создавалась с целью повышения пожарной безопасности зданий. Все несущие конструкции были из... кирпича. Вместо традиционных деревянных ферм использовалась система мощных кирпичных арок. Арки опирались на продольные и поперечные стены коллегиума, образуя мансарду. Со стенами здания и между собой они так же соединялись внушительными кирпичными арками. Единственным деревянным элементом были доски обрешётки под черепицу [51, с. 84—86].

Черепица представляла собой изогнутые S-образные глиняные пластины с прямоугольными шипами для подвешивания на обрешётку. Подобная конструкция пластин по-

зволяла создать жёсткий панцирь кровли не пропускавший влаги. Дополнительно швы и стыки смазывались известковым раствором. На шипах многих черепиц можно встретить рельефные знаки, видимые со стороны чердака. Большинство из них простые геометрические фигуры, но некоторые представляют собой довольно сложные изображения, напоминающие буквы или гербы (рис. 25). Это могут быть знаки мастеров-изготовителей [51, с. 82].

Кирпичные двухарочные стропильные фермы располагались и на чердаке одноэтажной иезуитской кухни (фото 50, 51 на вкл. VIII). Её крыша имела незначительный уклон и, вероятно, закрывала нижнюю часть оконных проёмов коридора 2-го этажа. Поэтому в коридоре постоянно царил полумрак (большая часть фасада коридора была закрыта в начале XX в. двухэтажной надстройкой, а окна переделаны в дверные проёмы) [52, с. 59].

Печные трубы келий были рассчитаны на дымовые каналы трёх печей и сооружались в местах соединений внутренних капитальных стен (фото 52 на вкл. VIII). Трубы кухонных печей, расположенные на северной стене, были своеобразным продолжением её пилостр. Высота этих труб была 2,0—3,0 м. Дымоходы проходили в толще самой стены.

В ходе строительных работ середины XVIII в. изменялся и рельеф территории, на которой находился коллегиум. Самые возвышенные участки были во внутреннем дворе, частично замощённом, и у подножия восточной части северного фасада корпуса «В». Уклон начинался от входа в подвал «старого коллегиума» и продолжался в западном направлении. Перепад высот (между уровнем поверхности у стен главных корпусов и ул. Замковой и Стрелецкой) достигал 1,5 м, западная часть корпуса «В» и северная часть корпуса «Г» находились на возвышении. Порог ворот, ведущих в подвал корпуса «Г» (теперь перед ним приямок со ступеньками), в то время был почти на одном уровне с дневной поверхностью середины XVIII в. Дорога, ведущая к проезду арке корпуса «В», была выложена большими плоскими камнями и перед аркой имела подъём. Теперь остатки этой мостовой находятся на глубине около 1,8 м от дневной поверхности. Первоначально для отведения сточных и грунтовых вод была создана сеть деревянных дренажей в виде долблённых лотков, аналогичных тем, что были в подвале. Дренажи из-под южной стены корпуса «А» выводили в магистральный дренаж ул. Ильинской (Мостовой). Сеть дренажей была и во внутреннем дворе коллегиума,

она осушала подвал корпуса «В» и выводила стоки из пекарни. В то время деревянные лотки располагались на глубине 1—1,5 м от дневной поверхности середины XVIII в.

Позднее от туалетов, расположенных в торцах восточного (взорванного в 1964 г.) и западного (корпус «Г») крыла главного корпуса были проложены первые канализационные тоннели. Ширина их была 0,7—0,8 м, высота 0,7 м. Поскольку в середине XVIII в. они находились на незначительной глубине, от 10 до 30 см от дневной поверхности, то для обеспечения необходимой прочности их свод представлял собой кладку толщиной в кирпич, стенки — в полтора-два. Дно их присыпалось песком (фото 28 на вкл. IV). Размеры тоннелей позволяли проползти по ним человеку и, при необходимости, прочистить их. Все тоннели вели в русло Чёрного ручья, где тогда не было никакой капитальной застройки. Таким образом, данные тоннели, благодаря своим размерам, могли использоваться в качестве тайных выходов из коллегіума.

В это же время, вероятно, прокладывались ходы от костёла. Они вели из-под колокольни и алтаря южного крыла (позднее там будут прорублены двери) и далее выходили на берег Двины. Для их устройства иезуиты на ул. Великой построили для угодных им людей дома с кирпичными подвалами, в которых были выходы из подземелий. Таким, например, был дом № 25, от которого сохранился нижний уровень подвала, где, по словам полоцкого историка Л. Ф. Данько, есть заложенные двери [47, с. 75]. На отрезках между этими домами и коллегіумом ходы устраивались таких размеров, чтобы по ним можно было ходить не сгибаясь. Далее, до реки, они были замаскированы под дренажи или канализационные тоннели, похожие на те, что вели к Чёрному ручью (схема 4 на вкл. VI—VII).

Недалеко от канализационного тоннеля, ближе к перекрестку улиц Замковой и Стрелецкой, вероятно, располагалось деревянное здание гуты¹². Ниже слоев балласта и впущенной в него кирпичной кладки, на глубине около 2,5 м от современной дневной поверхности прослеживается прослойка стеклян­ного боя. Длина прослойки около 1,5 м, толщина её до 15 см. В составе прослойки (в её западной части) были обнаружены обломки пластин «холявного» оконного зелёного стекла. Изучение его обломков показало, что они имеют следы надрезов и ровные грани. Таким образом, оконные пластины вырезались непо-

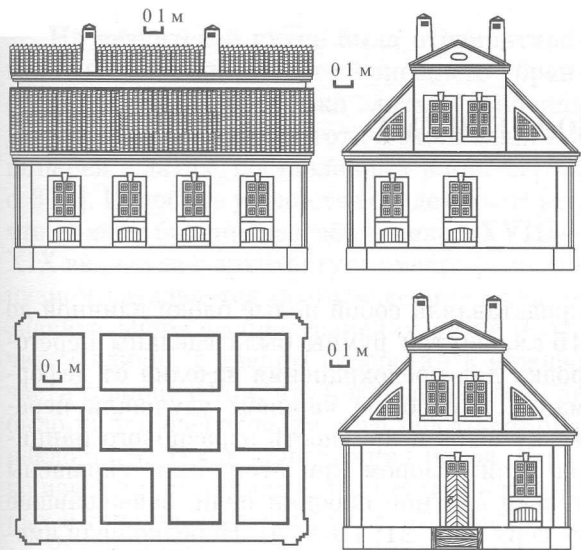
¹² Гута — стеклоплавильный завод, помещение со стеклоплавильной печью.

средственно на месте изготовления. Толщина об­резков от 1 до 3 мм. В западной части прослойки найдены крупные обломки хорошо проваренного зелёного и бесцветного прозрачного стекла, обломки стеклян­ных «баночек» — застывших пузырей из которых выдувались сосуды, фрагмент донца с не до конца обрезанным следом от понтии — металличе­ского стержня для насадки горячего изделия при формовке [72, с. 28, 36] (фото 60, 61 на вкл. IX). Среди готовых изделий найдено горло сосуда (кувшина?) из плохо проваренного стекла и обломки кварт, стаканов, сосудов из прозрачного бесцветного стекла с вкраплениями кусков извести (?) (фото 59 на вкл. IX).

В слое стекла и над ним встречаются обломки рельефных и гладких изразцов середины — 2-й половины XVIII в. Таким образом, возможно, гута просуществовала до начала строительства в 1780 г. грандиозного производственного комплекса (уцелевшая часть корпуса «З» по маркировке 2003—2009 гг.).

Позднее к западу от торца корпуса «А» иезуитами строится полтораэтажная аптечная лаборатория, в её полуподвале располагался колодец, который по деревянным трубам снабжал питьевой водой все построенные позднее мастерские производственного комплекса [27, с. 6]. При археологическом изучении территории в 2005—2011 гг. никаких примет данных коммуникаций обнаружено не было. О внутренней планировке здания аптеки можно судить только приблизительно, поскольку оно совершенно не изучено. В ходе благоустройства территории было выяснено, что на уровне полуподвала оно было разделено капитальными стенами на небольшие близкие к квадрату сводчатые помещения вокруг коридора (?). Из помещений полуподвала мог быть лаз или сливная труба, соединявшаяся с аварийным дренажом, ведущим из подвала корпуса «А» [12, с. 5; 58, с. 23]. Подобной была и планировка 1-го этажа.

Фотографии начала XX в. свидетельствуют, что это был единственный корпус, сохранивший на то время устройство первоначальной мансардной кровли [49, с. 18]. Продольные капитальные внутренние стены были основанием мансарды, которая, вероятно, ещё сохраняла кирпичную стропильную систему, состоявшую из арок в полчетверти круга, поверх которых была устроена черепичная кровля. Элементы декора фасадов были аналогичны тем, что имелись на главных корпусах: массивные обрамления окон и пилястры, сверху — карниз. Восточный и западный фасады имели по 2—3 окна, южный и северный — по 4. Вход в здание был, вероят-

Рис. 26. Реконструкция фасадов и общих очертаний планировки аптечной лаборатории на основе фотографий начала XX в.

тно, с востока или севера. Мансарды также имели карнизы, но не столь массивные. Во фронтонах было по 2 прямоугольных окна в центральной части, а справа и слева от них — окна в четверть круга, а над всеми ними находилось еще одно небольшое овальное окошко.

На основе фотографий и остатков стен предлагается реконструкция первоначального вида фасадов и возможной планировки основных стен. Очертания карнизов и труб даны условно (рис. 26).

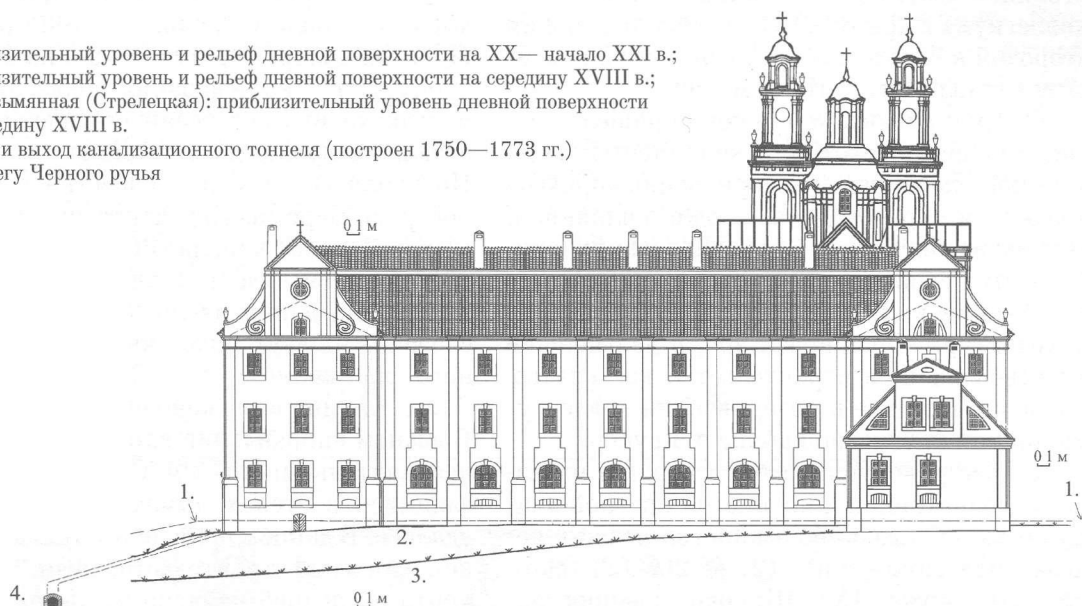
С главным корпусом аптеку также связывала мощная, кирпичная ограда. Её карниз, вероятно, был ниже уровня карниза аптеки. Она располагалась на месте одноэтажного коридора-перешейка, построенного после 1910 г. для соединения корпусов «А» и «Д» [7, с. 58; 23, с. 15; 49, с. 18]. Центральная часть ограды отличалась значительной высотой стены. Она была выделена сдвоенными массивными пилоэстрами. По описанию «Инвентаря 1807 г.» в центре ограды находилась высокая въездная арка во двор коллегиума с деревянными воротами [12, с. 5]. Въезд был со стороны ул. Мостовой (Ильинской).

Все дальнейшие перестройки и новое строительство происходили во время преподавания в коллегиуме Габриеля Ленкевича в 1768—1773 гг. и позднее Франциска Каре, изучавшего с 1768 г. под его руководством архитектуру, и Василия Шляхты в 1770—1774 гг. (схема 4, на вкл. VI—VII).

Таким образом, в 3-й четверти XVIII в. костёл, главный корпус, ограда и аптека образовали непрерывную линию фасадов. Со стороны улицы их нижнюю часть скрывали деревья сада. Со стороны Задвинья перед зрителями разворачивалась величественная панорама непрерывно возрастающих с запада на восток объемов, апогеем которых являлись ступенчатые башни костёла (рис. 27).

Так в камне была воплощена вся мощь ордена...

- 1 — приблизительный уровень и рельеф дневной поверхности на XX— начало XXI в.;
- 2 — приблизительный уровень и рельеф дневной поверхности на середину XVIII в.;
- 3 — ул. Безьянная (Стрелецкая): приблизительный уровень дневной поверхности на середину XVIII в.
- 4 — трасса и выход канализационного тоннеля (построен 1750—1773 гг.) на берегу Черного ручья

Рис. 27. Реконструкция общего вида коллегиума со стороны Верхнего замка. Середина XVIII в. (За основу взята реконструкция ансамбля площади на конец XVIII в., выполненная Ю. В. Чантурия)